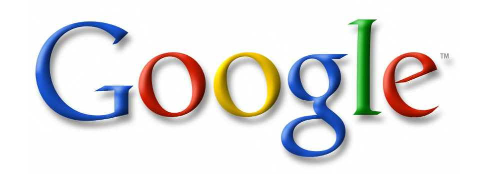
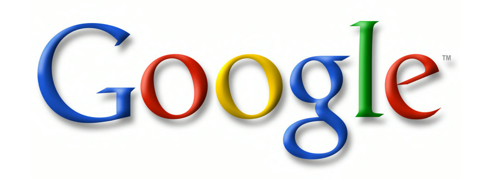
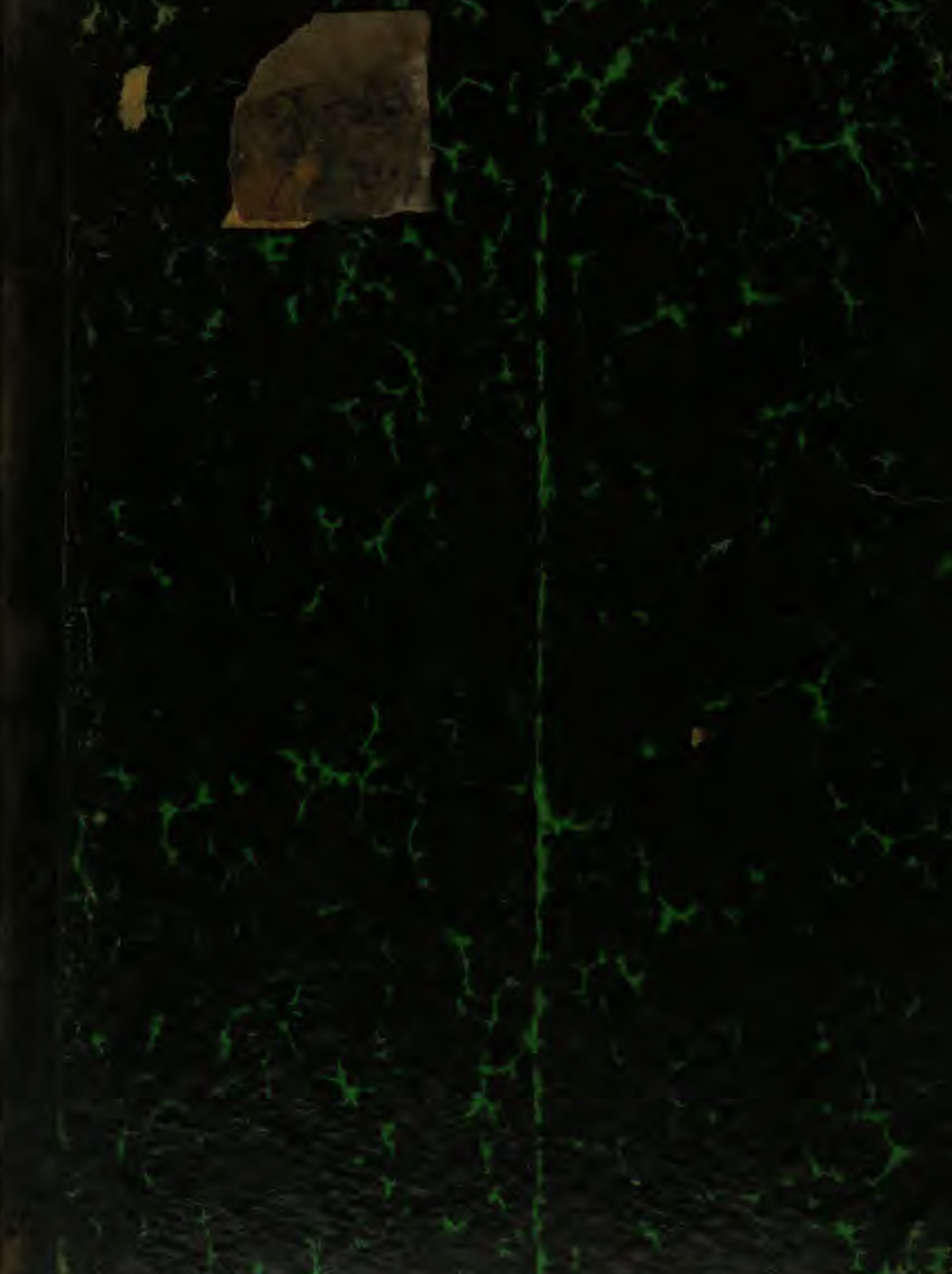

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

дозв. ценз. спб. 7 іюля 1895 г. тип. глазунова, казан.

ЛЕВЪ И КОМАРЪ.

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. Чудинова.

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЫПУСКЪ XXI-й.

И. И. Дмитріевъ.

ИЗБРАННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Лирическія стихотворенія.—Пѣсни.—Сатиры.—Сказки.—Басни.—Апологи.—Объяснительныя статьи.

Изданіе И. Глазунова.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.
1896.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 Іюля 1895 г.

Предисловіе.

Главное значеніе литературной дѣятельности Ивана Ивановича Дмитріева заключается въ его стихотвореніяхъ и, прежде всего, во внѣшней ихъ формѣ, усовершенствованіе которой составляетъ неотъемлемую заслугу нашего поэта. То, что сдѣлано было Карамзинымъ по отношенію къ прозаической рѣчи, въ области русскаго стихосложенія совершено Дмитріевымъ, при чемъ сатира, басня, сказка, апологъ, составляютъ поэтическіе роды, въ которыхъ муза его достигла особеннаго успѣха. Въ виду этого, и въ составъ предлагаемаго выпуска вошли, по преимуществу, тѣ изъ произведеній Дмитріева, въ которыхъ наиболѣе полнымъ образомъ выразились его историко-литературныя заслуги.

Въ основу изданія положено собраніе стихотвореній Дмитріева въ 2-хъ частяхъ, вышедшее 6-мъ изд. въ 1823 г. въ С.-Петербургѣ, съ предисловіемъ автора; къ нему прибавлены нѣкоторыя сказки, апологи и др. стихотворенія, появившіяся впослѣдствіи. Не всѣ произведенія, напечатанныя въ изданіи 1823 г., вошли въ составъ настоящаго выпуска. Изъ одъ и стихотвореній торжественнаго склада помѣщены лишь немногія лучшія (Размышленіе по случаю грома, Ермакъ, къ Волгѣ и пр.), достаточно характеризирующія эту сторону его поэтическаго творчества. Изъ

сатиръ избраны: Посланіе Попа и Чужой толкъ. Изъ мелкихъ стихотвореній—пѣсни, знаменитое Посланіе къ друзьямъ, а также нѣсколько надписей. Наиболѣе значительный отдѣлъ: сказки, басни и апологи напечатаны почти всѣ цѣликомъ. Здѣсь мы вынуждены были пропустить лишь нѣсколько произведеній (Модная жена, Картина и др.), неудобныхъ въ педагогическомъ отношеніи. Послѣднимъ обстоятельствомъ объясняются и нѣкоторые пропуски, сдѣланные въ двухъ-трехъ изъ числа помѣщенныхъ въ нашемъ изданіи стихотвореній. Въ качествѣ объяснительной статьи, избранъ критическій этюдъ о Дмитріевѣ, кн. П. Вяземскаго, большая часть котораго помѣщена здѣсь.

Къ книгѣ приложены: портретъ автора и рисунокъ Гранвилля, изображающій одну изъ басенъ Лафонтена, переведенную нашимъ поэтомъ.

I. ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1) Ермакъ.

Какое зрѣлище предъ очи
Представила ты, древность, мнѣ?
Подъ ризою угрюмой ночи,
При блѣдной въ облакахъ лунѣ,
Я зрю Иртышъ: крутитъ, сверкаетъ,
Шумитъ и пѣной подмываетъ
Высокій берегъ и крутой;
На немъ два мужа изнуренны,
Какъ тѣни, въ адѣ заключенны,
Сидятъ, склонясь на длань главой;
Единый младъ, другій съ брадой
Сѣдою и до чреслъ висящей;
На каждомъ вижу я нарядъ,
Во ужасъ сердце приводящій!
Съ булатныхъ шлемовъ ихъ висятъ
Со всѣхъ сторонъ хвосты змѣины,
И вѣютъ крылія совины;
Одежда изъ звѣриныхъ кожъ;
Вся грудь обвѣшана ремнями,
Желѣзомъ ржавымъ и кремнями;
На поясѣ широкій ножъ;
А при стопахъ ихъ два тимпана
И два повержены копья:

То два сибирскіе шамана[1]),
И ихъ слова внимаю я.

Старецъ.

Шуми, Иртышъ, реви ты съ нами,
И вторь плачевнымъ голосамъ!
На вѣкъ отвержены богами!
О горе намъ!

Младый.

О горе намъ!
О страшная для насъ невзгода!

Старецъ.

О ты, которыя вѣнецъ
Поддерживали три народа[2]),
Гремѣвши міра по конецъ—
О сильна, древняя держава!
О матерь нѣскольких племенъ!
Прошла твоя, исчезла слава!
Сибирь! и ты познала плѣнъ!

Младый.

Твои народы расточенны,
Какъ вихремъ возмятенный прахъ,
И самъ Кучумъ[3]), гроза вселенны,
Твой Царь, погибъ въ чужихъ краяхъ!

Старецъ.

Священные твои шаманы
Скитаются въ глуши лѣсовъ.
На то ль судили вы, шайтаны[4]),

---

[1]) Шаманъ—жрецъ у идолопоклонниковъ самоѣдовъ, остяковъ, бурятъ и другихъ сибирскихъ племенъ.

[2]) Татары, Остяки и Вогуличи.

[3]) Кучумъ изъ царства своего ушелъ къ Калмыкамъ и убитъ ими.

[4]) Сибирскіе кумиры.

Достигнуть бѣлыхъ мнѣ власовъ,
Чтобъ я, столѣтній вашъ служитель,
Стеналъ и въ прахѣ, бывши зритель
Паденья тысячъ вашихъ чадъ?

Младый.

И отъ кого жъ, о боги! пали?

Старецъ.

Отъ горсти Русскихъ!... Моръ и гладъ!
Почто Сибирь вы не пожрали?
Ахъ, лучше бъ трусъ, потопъ, иль громъ
Всемощны на нее послали,
Чѣмъ быть попранной Ермакомъ!

Младый.

Бичемъ и ужасомъ природы!...
Кляните вы его всякъ часъ,
Сибирски горы, холмы, воды:
Онъ вѣчный мракъ простеръ на васъ!

Старецъ.

Онъ шелъ, какъ столпъ, огнемъ палящій,
Какъ лютый мразъ, все вкругъ мертвящій!
Куда стрѣлу ни посылалъ—
Повсюду жизнь предъ ней блѣднѣла,
И страшна смерть во слѣдъ летѣла!

Младый.

И царскій братъ предъ нимъ упалъ.

Старецъ.

Я зрѣлъ съ нимъ бой Мегмета-Кула [1]),
Сибирскихъ странъ богатыря:
Разсыпавъ стрѣлы всѣ изъ тула

---

[1]) Царскій братъ, родоначальникъ сибирскихъ князей, котораго Ермакъ плѣнилъ и отослалъ къ царю Іоанну Васильевичу.

И вящшимъ жаромъ возгоря,
Извлекъ онъ саблю смертоносну.
„Дай лучше смерть, чѣмъ жизнь поносну
Влачить мнѣ въ плѣнѣ!“ онъ сказалъ—
И вмигъ на Ермака напалъ.
Ужасный видъ! они сразились!
Ихъ сабли молніей блестятъ,
Удары тяжкіе творятъ,
И обѣ разомъ сокрушились,
Они въ ручной вступили бой:
Грудь съ грудью и рука съ рукой;
Отъ вопля ихъ дубровы воютъ;
Они стопами землю роютъ;
Уже съ нихъ сыплетъ потъ, какъ градъ;
Уже въ нихъ сердце страшно бьется,
И ребра обоихъ трещатъ:
То сей, то оный на бокъ гнется;
Крутятся, и—Ермакъ сломилъ!
„Ты мой теперь!“ онъ возопилъ:
„И все отнынѣ мнѣ подвластно!“

Младый.

Сбылось пророчество ужасно!
Плѣнилъ, попралъ Сибирь Ермакъ!...
Но что! уже ли стонъ сердечный
Гонимыхъ будетъ....

Старецъ.

Вѣчный! вѣчный!
Внемли, мой сынъ: вчера во мракъ
Глухихъ лѣсовъ я углубился,
И тамо съ пламенной душой
Надъ жертвою богамъ молился.
Вдругъ вѣтръ возсталъ и поднялъ вой;
Съ деревьевъ листья полетѣли;
Столѣтни кедры заскрипѣли,

И вихрь закланныхъ сернъ унесъ!
Я палъ, и слышу гласъ съ небесъ:
„Неукротимъ, ужасенъ Рача[1]),
Когда казнитъ вселенну онъ!
Сибирь, отвергша мой законъ!
Пребудь во вѣкъ, стоная, плача,
Рабыней бѣлаго Царя!
Да свѣтлая тебя заря
И черна ночь въ цѣпяхъ застанетъ;
А слава грозна Ермака
И чадъ его во вѣкъ не вянетъ,
И будетъ подъ луной громка!“—
Умолкнулъ гласъ, и громъ трикратно
Протекъ по бурнымъ небесамъ....
Увы! погибли невозвратно!
О горе намъ!

Младый.

О горе намъ!—
Потомъ, съ глубокимъ сердца вздохомъ,
Возставъ съ камней, обросшихъ мохомъ
И снявъ орудія съ земли,
Они вдоль брега потекли
И вскорѣ скрылися въ туманѣ.
Миръ праху твоему, Ермакъ!
Да увѣнчаютъ Россіяне
Изъ злата вылитый твой зракъ,
Изъ ребръ Сибири источенна
Твоимъ булатнымъ копіемъ!
Но что я рекъ, о тѣнь забвенна!
Что рекъ въ усердіи моемъ?
Гдѣ обелискъ твой?—Мы не знаемъ,

---

[1]) Главный Остяцкій идолъ. Кучумъ, родившійся въ Магометанской вѣрѣ, частію приговорилъ, частію принудилъ большую половину Сибири вѣрить Алкорану.

Гдѣ даже прахъ твой былъ зарытъ.
Увы! онъ вепремъ попираемъ,
Или Остякъ по немъ бѣжитъ
За ланью быстрой и рогатой,
Прицѣлясь къ ней стрѣлой пернатой.
Но будь утѣшенъ ты, герой!
Парящій стихотворства геній
Всякъ день, съ Авророю златой,
Въ часы божественныхъ явленій,
Надъ прахомъ плаваетъ твоимъ,
И сладку пѣснь гласитъ надъ нимъ,

Младый.

„Великій! гдѣ бъ ты ни родился,
Хотя бы въ варварскихъ вѣкахъ·
Твой подвигъ жизни совершился;
Хотя бъ исчезъ твой самый прахъ;
Хотя бъ сыны твои, потомки,
Забывъ дѣянья предка громки,
Скитались въ дебряхъ и лѣсахъ
И жили съ алчными волками:
Но ты, великій человѣкъ,
Пойдешь въ ряду съ полубогами
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ.

2) Освобожденіе Москвы.

Примите, древнія дубравы,
Подъ тѣнь свою питомца Музъ!
Не шумны пѣть хочу забавы,
Не сладости Цитерскихъ [1]) узъ;
Но да воззрю съ полей широкихъ
На красну, гордую Москву,

[1]) Брачныя узы, отъ имени Цитеры, богини, покровительницы браковъ.

Сѣдящу на холмахъ высокихъ—
И спящи вѣки воззову!

Въ какомъ ты блескѣ нынѣ зрима,
Княженій знаменитыхъ мать!
Москва, Россіи дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ сыскать?
Вѣнецъ твой перлами украшенъ;
Алмазный скиптръ въ твоихъ рукахъ;
Верхи твоихъ огромныхъ башенъ
Сіяютъ въ златѣ, какъ въ лучахъ;
Отъ Норда, Юга и Востока,
Отвсюду быстротой потока
Къ тебѣ сокровища текутъ;
Сыны твои, любимцы славы,
Красивы, храбры, величавы,
А дѣвы—розами цвѣтутъ!

Но нѣкогда и ты стенала
Подъ бременемъ различныхъ золъ;
Едва корону удержала
И свой клонившійся престолъ;
Едва съ лица земного круга
И ты не скрылась отъ очесъ!
Сарматъ простеръ къ тебѣ длань друга
И остро копіе вознесъ!
Вознесъ—и храмы воспылали,
На дѣвахъ цѣпи зазвучали,
И кровь ихъ братьевъ потекла!
„Я гибну, гибну!“ ты рекла,
Вращая устремленно око:
„Спасай меня, о Геній мой!“
Увы! молчанье вкругъ глубоко
И мечъ, висящій надъ главой!

Гдѣ ты, Славяновъ храбрыхъ сила!
Проснись, возстань, Россійска мочь!
Москва въ плѣну, Москва уныла,
Какъ мрачная, осення ночь.—
Возстала! все восколебалось!
И князь, и ратай, старъ и младъ,
Все въ крѣпку броню ополчалось!
Перуномъ возблисталъ булатъ!
Но кто изъ тысячъ видимъ мною,
Въ сѣдинахъ бодръ и сановитъ?
Онъ долженъ быть вождемъ, главою:
Пожарскій то, Россіи щитъ!...
Восторгъ, восторгъ я ощущаю!
Пылаю духомъ и лечу!
Гдѣ лира! смѣло начинаю!
Я подвигъ предка пѣть хочу!
Уже гремятъ въ поляхъ кольчуги;
Далече пыль встаетъ столбомъ;
Идутъ Россіи вѣрны слуги;
Несетъ ихъ вождь, Пожарскій, громъ!
Отъ кликовъ рати воютъ рощи,
Дремавши въ мертвой тишинѣ;
Свѣтило дня и звѣзды нощи
Героя видятъ на конѣ;
Летитъ—и взоромъ лучъ отрады
Въ сердца унывшія ліетъ;
Летитъ какъ вихрь, и движетъ грады
И веси за собою вслѣдъ!
„Откуда шумъ?“ приникши ухомъ,
Рекъ воинъ, въ думу погруженъ.
Взглянулъ—и блѣденъ, съ робкимъ духомъ,
Бросается съ Кремлевскихъ стѣнъ.
„Къ щитамъ! къ щитамъ! зоветъ Сармата,
Погибель намъ минуты трата!
Я видѣлъ войско сопостатъ:

Какъ змій, хребетъ свой изгибаетъ,
Главой уже коснулось вратъ;
Хвостомъ все поле покрываетъ."—
Вдругъ стогины ратными сперлись—
Мятутся, строятся, дѣлятся,
У вратъ, бойницъ, вкругъ стѣнъ толпятся;
Другіе вихремъ понеслись
Славянамъ и громамъ на встрѣчу.

И се—зрю зарево кругомъ,
Въ дыму и въ пламѣ страшну сѣчу!
Со звономъ сшибся щитъ съ щитомъ—
И разомъ сильнаго не стало!
Ядро во мракѣ зажужжало,
И цѣлый рядъ безстрашныхъ палъ!
Тамъ вождь—добычею Эребѣ [1]);
Здѣсь бурный конь, съ копьемъ во чревѣ,
Вскочивши на дыбы, заржалъ,
И навзничь грянулся на землю,
Покрывши всадника собой;
Отвсюду трескъ и громы внемлю,
Глушащи скрежетъ, стонъ и вой.

Пируетъ смерть, и ужасъ мещетъ
Во градъ, и въ долы, и въ лѣса!
Тамъ дѣва юная трепещетъ;
Тамъ старецъ—смотритъ въ небеса,
И къ хладну сердцу выю клонитъ;
Тамъ путника страхъ въ дебри гонитъ.
И ты, о труженикъ святой,
Живымъ погребшійся въ могилѣ,
Еще воспомнилъ міръ земной

---

[1]) Эребъ — мрачная подземная страна, составляющая переходъ отъ земной жизни къ царству тѣней, по представленіямъ древнихъ грековъ.

При блѣдномъ дней твоихъ свѣтилѣ;
Воспомнилъ горесть, и слезой
Ланиту блѣдну орошаешь,
И къ Богу, сущему съ тобой,
Дрожащи руки простираешь!

Трикраты день возсіявалъ,
Трикраты ночь его смѣняла;
Но бой еще не переставалъ
И смерть руки не утомляла;
Еще Пожарскій мещетъ громъ;
Вездѣ летаетъ онъ орломъ—
Тамъ гонитъ, здѣсь разитъ, караетъ,
Ударъ ударомъ умножаетъ,
Колебля мощь Литовскихъ силъ.
Сторукій исполинъ трясется—
Падетъ—издохъ! и вопль несется:
„Ура! Пожарскій побѣдилъ!“
И въ градѣ отдалось стократно:
„Ура! Москву Пожарскій спасъ!“
О утро памятно, пріятно!
О вѣчно незабвенный часъ!
Кто дастъ мнѣ кисть животворящу,
Да радость напишу, горящу
У всѣхъ на лицахъ и въ сердцахъ!
Да яркой изражу чертою
Народъ, воскресшій на стѣнахъ,
На кровахъ,—и съ высотъ герою
Вѣнки летящи на главу;
И клиръ, побѣдну пѣснь поющій,
Съ хоругви въ срѣтенье идущій,
И въ пальмахъ свѣтлую Москву!...
Но гдѣ Герой? куда сокрылся?
Гдѣ сонмъ и Князей и Бояръ?
Откуда звучный кликъ пустился?

Не царство ль онъ пріемлетъ въ даръ?—
О! что я вижу? Побѣдитель,
Москвы, Отечества спаситель,
Забывши древность, подвигъ дня
И вкругъ его гремящу славу,
Вручаетъ юношѣ державу,
Предъ нимъ колѣна преклоня!
„Ты кровь Царей!“ вѣщалъ Пожарскій:
„Отецъ твой въ узахъ у враговъ;
Прими вѣнецъ и скипетръ Царскій,
Будь Русскихъ радость и покровъ!“

А ты, Герой, пребудешь ввѣки
Ихъ честью, славой образцомъ!
Гдѣ горы небо прутъ челомъ,
Тамъ шумныя помчатся рѣки;
Изъ блатъ дремучій выйдетъ лѣсъ;
Въ степяхъ возникнутъ вертограды;
Родятся и исчезнутъ грады;
Натура новыхъ тьму чудесъ
Откроетъ взору изумленну;
Освѣтитъ новый лучъ вселенну:
И воинъ, отъ твоей крови,
Тебя воспомнитъ, возгордится,
И паче, паче утвердится
Въ прямой къ Отечеству любви!

3) Къ Волгѣ.

Конецъ благополучну бѣгу!
Спускайте, други, паруса!
А ты, принесшая ко брегу,
О Волга! рѣкъ, озеръ краса,
Глава, царица, честь и слава,
О Волга, пышна, величава!

Прости!... Но прежде удостой
Склонить свое вниманье къ лирѣ
Пѣвца, незнаемаго въ мірѣ,
Но воспоеннаго тобой!

Исполнены мои обѣты;
Свершилось то, чего желалъ
Еще въ младенческія лѣты,
Когда я руки простиралъ
Къ тебѣ изъ отческія кущи,
Взирая на суда, бѣгущи
На быстрыхъ, бѣлыхъ парусахъ!
Свершилось, и блажу судьбину:
Великолѣпну зрѣлъ картину!
И я былъ на твоихъ волнахъ!

То нѣжнымъ вѣтеркомъ лобзаемъ,
То ревомъ бури и валовъ
Подъ черной тучей оглушаемъ
И отзывомъ твоихъ бреговъ,
Я плылъ, скакалъ, летѣлъ стрѣлою—
Тамъ видѣлъ горы надъ собою
И спрашивалъ: который вѣкъ
Засталъ ихъ въ молодости сущихъ?
Здѣсь мимо городовъ цвѣтущихъ
И дикихъ пустыней я текъ.

Тамъ веси, нивы благодатны,
Стада и кущи рыбарей,
Цвѣты и травы ароматны,
Растущи средь твоихъ зыбей,
Влекли попеременно взоры;
А тамъ Сиренъ [1]) пернатыхъ хоры,

[1]) Миѳологическія существа, полудѣвы и полурыбы, заманивавшія людей своимъ волшебнымъ пѣніемъ. Ихъ именемъ здѣсь названы лѣсныя птицы.

Подъ тѣнь кусточковъ уклонясь,
Пространство пѣньемъ оглашали—
И два сайгака [1]) имъ внимали
Съ крутыхъ стремнинъ, не шевелясь.

Тамъ кормчій, руку простирая
Чрезъ лѣсъ дремучій иа курганъ,
Вѣщалъ, сопутниковъ сзывая:
„Здѣсь Разиновъ былъ, други, станъ!“
Вѣщалъ, и въ думу погрузился;
Холодный потъ по немъ разлился,
И перстъ на воздухѣ дрожалъ.
А твой пѣвецъ въ сіи мгновенья,
На крыліяхъ воображенья,
Въ протекшихъ временахъ леталъ

Леталъ, и будто сквозь тумана
Я видѣлъ твой веселый токъ
Подъ ратью грозна Іоанна
И видѣлъ Астрахани рокъ.
Вотще Ордынцы безотрадны
Бѣгутъ на холмы виноградны
И сыплютъ стрѣлы по судамъ:
Безсмертный Россъ на брегъ ступаетъ,
И гордо царство упадаетъ
Со трепетомъ къ его стопамъ.

Я слышалъ Каспія сѣдого
Пророческій, громовый гласъ:
„Страшитесь, Персы, рока злого!
Идетъ, идетъ Царь силъ на васъ!
Его и Югъ, и Нордъ трепещетъ;
Онъ тысящьми перуны мещетъ,

---

[1]) Сайгакъ—родъ антилопы, горной козы.

Затмилъ Луну и Льва сразилъ!...
Внемлите шумъ: се Волжски волны
Несутъ его, гордыни полны!
Увы, Дербентъ!... идетъ Царь силъ!“

Прорекъ, и хлынули рѣками
У бога воды изъ очесъ;
Вдругъ море вздулося буграми,
И влажный Каспій въ нихъ исчезъ.
О какъ ты, Волга, ликовала!
Съ какимъ восторгомъ поднимала
Побѣдоноснаго Царя!
Въ сію минуту предъ тобою
Казались малою рѣкою
И Бельтъ, и Каспій, всѣ моря!

Но страннику-ль тебя прославить?
Онъ токмо въ искреннихъ стихахъ
Смиренну дань хотѣлъ оставить
На счастливыхъ твоихъ брегахъ.
О! если бъ я внушенъ былъ Фебомъ,
Ты первою бъ рѣкой подъ небомъ
Знатнѣйшей Гангеса была!
Ты бъ славою своей затмила
Величіе Евфрата, Нила,
И всю вселенну протекла.

4) Размышленіе но случаю грома.

Гремитъ!... благоговѣй, сынъ персти!
Се Ветхій деньми съ небеси
Изъ кроткой, благотворной длани
Перуны сѣетъ по земли!—
Всесильный! съ трепетомъ младенца
Цѣлую я священный край

Твоей молніецвѣтной ризы,
И весь теряюсь предъ Тобой!

Что человѣкъ? паритъ ли къ солнцу,
Смиренно ль идетъ по землѣ:
Увы! тамъ умъ его блуждаетъ,
А здѣсь стопы его скользятъ.
Подъ мракомъ, въ океанѣ жизни,
Пловецъ на утлой ладіѣ,
Отдавши руль слѣпому року,
Онъ спитъ и мчится на скалу.

Ты дхнешь, и двигнешь океаны!
Речешь, и вспять они текутъ,
А мы... одной волной подъяты,
Одной волной поглощены!
Вся наша жизнь, о Безначальный!
Предъ тайной вѣчностью Твоей,—
Едва минутное мечтанье,
Лучъ блѣдный утренней зари.

5) Къ друзьямъ моимъ[1])

Въ Москвѣ ль я наконецъ? со мною ли друзья?
О радость и печаль! различныхъ чувствъ смѣшенье!
И такъ еще имѣлъ я въ жизни утѣшенье
Внимать журчанію домашняго ручья,
Вкусить покойный сонъ подъ кровомъ гдѣ родился,
И быть въ объятіяхъ родителей моихъ!
Не сонъ ли былъ и то?... Увидѣлъ и простился,
И можетъ быть, уже въ послѣдній видѣлъ ихъ!
Но полно, этотъ день не помрачимъ тоскою.

[1]) По случаю перваго свиданія моего съ ними послѣ отставки изъ оберъ-прокурора пр. сената. *Прим. автора.*

Гдѣ вы, мои друзья? сберитесь предо мною;
Дай каждый мнѣ себя сто разъ поцѣловать!
Прочь посохъ! не хочу васъ болѣ покидать,
И вотъ моя рука, что буду вашъ отнынѣ.

Сколь часто я въ шуму веселій воздыхалъ,
И вздохи бѣднаго терялись какъ въ пустынѣ,
И тайно грусти въ немъ никто не замѣчалъ!
Но ежели вашъ другъ во дни разлуки слезной
Хотя однажды могъ подать совѣтъ полезной,
Спокойствіе души вдовицѣ возвратить,
Наслѣдье сироты отъ хищныхъ защитить,
Спасти невиннаго, то все позабываетъ—
Довольно: другъ вашъ здѣсь и васъ онъ обнимаетъ.

Но буду ли, друзья, по прежнему вамъ милъ?
Увы! уже во мнѣ жаръ къ пѣнію простылъ;
Ужъ въ мысляхъ нѣтъ игры, исчезла прежня живость!
Простите ль... иногда мою вы молчаливость,
Мое уныніе?—Терпите, о друзья!
Терпите хоть за то, что къ вамъ привязанъ я;
Что сердце приношу чувствительно, незлобно
И болѣе еще ко дружеству способно.
Теперь его ничто не отвратитъ отъ васъ,
Ни честолюбіе, ни блескъ прелестныхъ глазъ...
И самая любовь на вѣки отлетѣла!
И такъ, владѣйте впредь вы мною безъ раздѣла;
Питайте страсть во мнѣ къ изящному всему
И дайте вновь полетъ таланту моему.
Означимъ остальной нашъ путь еще цвѣтами!
Гдѣ нѣтъ коварныхъ ласкъ съ притворными словами,
Гдѣ сердце на рукѣ [1]), гдѣ разумъ не язвитъ,

[1]) Древніе изображали дружбу въ образѣ женщины, держащей на ладони сердце.

Тамъ другъ вашъ и поднесь веселья не бѣжитъ.
Такъ, братья, данные природой мнѣ и Фебомъ!
Я съ вами радъ еще въ саду, подъ яснымъ небомъ,
На зелени въ кустахъ душистыхъ пировать;
Вы станете своихъ любезныхъ воспѣвать,
А я... хоть вашими дарами восхищаться.
О други! я впередъ ужъ веселъ! можетъ статься,
Примѣръ вашъ воскреситъ и мой погибшій даръ.
О если бъ воспылалъ во мнѣ Пермесскій [1]) жаръ,
Съ какою бъ радостью схватилъ мою я лиру,
И благъ моихъ творца всему повѣдалъ міру!
Да будетъ счастіе и слава вѣчно съ нимъ!
Ему я одолженъ пристанищемъ моимъ,
Гдѣ солнце дней моихъ въ безмолвьи закатится,
И мой послѣдній взоръ на друга устремится.

6) Надписи.

КЪ ПОРТРЕТУ М. М. ХЕРАСКОВА.

Пускай отъ зависти сердца въ зоилахъ ноютъ;
Хераскову они вреда не нанесутъ:
Владиміръ, Іоаннъ щитомъ его покроютъ
И въ храмъ безсмертья проведутъ

Г. Р. ДЕРЖАВИНА.

Державинъ въ сихъ чертахъ блистаетъ;
Потребно ли здѣсь больше словъ
Для тѣхъ, которыхъ восхищаетъ
Честь, правда и языкъ боговъ?

[1]) Художественный, отъ имени беотійской рѣки Пермесъ, посвященной музамъ.

7) Пѣсни.

I.

Стонетъ сизый голубочекъ,
Стонетъ онъ и день и ночь;
Миленькой его дружочекъ
Отлетѣлъ на вѣки прочь.

Онъ ужъ болѣ не воркуетъ
И пшенички не клюетъ;
Все тоскуетъ, все тоскуетъ,
И тихонько слезы льетъ.

Съ нѣжной вѣтки на другую
Перепархиваетъ онъ,
И подружку дорогую
Ждетъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ.

Ждетъ ее.... увы! но тщетно;
Знать судилъ ему такъ рокъ!
Сохнетъ, сохнетъ непримѣтно
Страстный, вѣрный голубокъ.

Онъ ко травкѣ прилегаетъ;
Носикъ въ перья завернулъ;
Ужъ не стонетъ, не вздыхаетъ;
Голубокъ.... на вѣкъ уснулъ!

Вдругъ голубка прилетѣла,
Пріунывъ издалека,
Надъ своимъ любезнымъ сѣла,
Будитъ, будитъ голубка;

Плачетъ, стонетъ, сердцемъ ноя,
Ходитъ милаго вокругъ—

Но... увы! прелестна Хлоя [1])!
Не проснется милый другъ!

II.

Видѣлъ славный я дворецъ
Нашей Матушки-Царицы;
Видѣлъ я Ея вѣнецъ
И златыя колесницы.

Все прекрасно! я сказалъ,
И въ шалашъ мой путь направилъ:
Тамъ меня мой ангелъ ждалъ,
Тамъ я Лизаньку оставилъ.

Лиза, рай всѣхъ чувствъ моихъ!
Мы не знатны, не велики;
Но въ объятіяхъ твоихъ
Меньше ль счастливъ я владыки?

Царь одинъ веселій часъ
Милліономъ покупаетъ;
А природа ихъ для насъ
Вѣчно даромъ расточаетъ.

Пусть пѣвцы не будутъ плесть
Мнѣ похвалъ кудрявымъ складомъ:
Ахъ! сравню ли я ихъ лесть
Милой Лизы съ нѣжнымъ взглядомъ?

Эрмитажъ мой: огородъ;
Скипетръ: посохъ, а Лизета—
Моя слава, мой народъ
И всего блаженство свѣта!

---

[1]) Хлоя (зеленѣющаяся)—прозваніе богини Цереры, одно изъ наиболѣе употребительныхъ именъ пастушекъ въ идиллической поэзіи.

*

III.

Что съ тобою, ангелъ, стало?
Не слыхать твоихъ рѣчей;
Все вздыхаешь! а бывало
Ты поешь, какъ соловей.

„Съ милымъ пѣла, говорила,
А безъ милаго грущу;
Поневолѣ пріуныла:
Гдѣ я милаго сыщу?“

Развѣ милаго другова
Не найдешь изъ пастушковъ?
Выбирай себѣ любова,
Всякъ тебя любить готовъ.

„Хоть царевичъ мной прельстится,
Все я буду горевать!
Сердце съ сердцемъ подружится:
Ужъ не властно выбирать“.

IV.

Пой, скачи, кружись, Параша!
Руки въ боки подпирай!
Мчись въ веселіи, жизнь наша!
Ай, ай, ай, жги! припѣвай.

Милъ, любезенъ василёчекъ:
Рви, доколѣ онъ цвѣтетъ;
Солнце зайдетъ, и цвѣточекъ...
Ахъ! увянетъ, опадетъ!

Пой, скачи, и пр.

Соловей не умолкаетъ,
Свищетъ съ утра до утра:
Другу милому, онъ знаетъ,
Пѣть одна въ году пора.

Пой, скачи, и пр.

Кто, бывъ молодъ, не смѣялся,
Не плясалъ и не пѣвалъ,
Тотъ ничѣмъ не наслаждался;
Въ жизни не жилъ, а дышалъ.

Пой, скачи, и пр.

V.

Все ли, милая пастушка,
Все ли бабочкой порхать?
Узы сердца не игрушка:
Тяжело ихъ разорвать!

Ахъ! по мнѣ и вчужѣ больно
Видѣть горесть пастушка!
Любишь милое невольно!
Любишь прямо — не слегка!

Будь въ любовной ты наукѣ
Ученицею моей:
Я съ Филлидой и въ разлукѣ,
А она мнѣ всѣхъ милѣй.

II. САТИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1) Посланіе

отъ англійскаго стихотворца Попа къ доктору Арбутноту [1]).

Иванъ! запри ты дверь, защелкни, заложи,
И кто бы ни стучалъ, отказывай! Скажи,
Что боленъ я; скажи, что умираю,
Увѣрь, что умеръ я! Какъ спрятаться, не знаю!
Откуда, Боже мой, писцовъ такой содомъ?
Я вижу весь Парнассъ, весь сумашедшихъ домъ!
И тамъ, и здѣсь они встрѣчаются толпами,
Съ бумагою въ рукахъ, съ горящими глазами,
Всѣхъ ловятъ, всѣхъ къ себѣ и тянутъ и тащатъ,
И слушай ихъ иль нѣтъ, а оду прокричатъ!
Какой стѣной, какой древъ тѣнью защититься,
Чтобъ этотъ скучный рой не могъ ко мнѣ пробиться?
Безперестанно онъ копышется вездѣ,
Гоняется за мной на сушѣ, по водѣ;
Запалзываетъ въ гротъ, встрѣчается въ аллеѣ;

---

[1]) Александръ Попъ (1688—1744) знаменитый англійскій поэтъ, авторъ посланія, переведеннаго Дмитріевымъ. Джонъ Арбутнотъ (1667 — 1735) англійскій писатель, другъ Попа и Свифта, авторъ сатирическаго памфлета: „Исторія Джонъ Булля“. Въ сотрудничествѣ съ Свифтомъ и Попомъ, онъ задумалъ написать сатиру, осмѣивающую педантизмъ ученыхъ и ихъ странности. Арбутнотъ не привелъ въ исполненіе своего намѣренія, Свифтъ же, благодаря ему, создалъ своего Гулливера, а Попъ оставилъ нѣсколько стр., подъ заглавіемъ: „Воспоминанія и т. д. Мартына Скриблеруса“, и настоящее посланіе.

Я въ церковь, онъ туда жъ! и что всего мнѣ злѣе,
Гонимый голодомъ и стужей съ чердака,
Не дастъ спокойно мнѣ и хлѣба съѣсть куска!
То подлый стиховраль, въ которомъ, безъ рожденья
Иль смерти богача, нѣтъ силы вображенья;
То крупный господинъ, слагатель мелочей;
То авторъ въ чепчикѣ, то бѣдный дуралей,
Который, бывъ лишенъ чернилицы, въ замѣну
На привязи углемъ исписывалъ всю стѣну;
То молодой судья, на мѣсто чтенья правъ,
Кропающій экспромтъ, до полночи не спавъ;
Всѣ, всѣ—кто, возгордясь моими похвалами,
Кто жъ не доволенъ мной—дождятъ въ меня стихами!
И я жъ еще другимъ обязанъ дать отвѣтъ:
Артуру, для чего охоты въ дѣтяхъ нѣтъ
Къ судейству! все стихи мои тому виною!
А Корну, для чего онъ не прельщаетъ Клою.

О ты, безъ коего не могъ бы міръ узнать,
Что станутъ на меня и за меня писать,
Спаситель дней моихъ! яви еще услугу
Ты нынѣ своему признательному другу:
Скажи, какъ съ этой мнѣ раздѣлаться чумой?
Какое зеліе глупцовъ отгонитъ рой?
И что опаснѣй мнѣ, ихъ дружба, или злоба?
Ахъ, видно не имѣть отрады мнѣ до гроба!
Какъ другъ, боюсь ихъ одъ, какъ недругъ—клеветы:
Тамъ скука, здѣсь вражда—и все страдаешь ты!
Но кто тамъ?—„Кодръ“.—Конецъ съ моею головою!
Съ стихами, какъ съ ножемъ, стоитъ онъ надо мною.
Вообрази, мой другъ, къ чему я осужденъ!
Ты знаешь, что я лгать и льстить не сотворенъ:
Молчать мнѣ—тяжело, назвать чистосердечно
Писателя въ глаза вралемъ—безчеловѣчно;
А слушать вздоръ его—тотчасъ изобличусь.

Какая мука! Что жъ? взявъ кроткій видъ, сажусь,
Вздохнувши, передъ нимъ, съ учтивостью зѣваю,
Въ молчаніи бѣшусь; но наконецъ бросаю
Всѣ съ авторомъ чины и прямо говорю:
„За вашу вѣжливость ко мнѣ благодарю.
Вы съ дарованіемъ, однако... подержите
Тетрадку вашу съ годъ“.—Что вы сказать хотите?
Вскричалъ привыкшій вѣкъ перомъ своимъ чертить,
И по охотѣ врать, и по охотѣ жить;
Привыкшій риѳмовать вседневно съ раннимъ свѣтомъ,
Покояся еще подъ авторскимъ наметомъ,
Котораго мохры, не отлетая прочь,
Цѣлуютъ нѣжные зефиры день и ночь.
Годъ цѣлый! повторилъ: такъ вамъ не полюбилась?
Тѣмъ большая во мнѣ довѣренность родилась:
Возьмите же ее, и что угодно вамъ,
Прибавьте, выкиньте, на все согласье дамъ.—
„Могу ль отрады ждать въ моей суровой долѣ?—
Другой мнѣ говоритъ—двѣ милости, не болѣ!
Во первыхъ, дружества, потомъ же—сто рублей!“—
А вы кто? „Я въ числѣ Дамоновыхъ друзей,
И съ просьбой отъ него: вы съ герцогомъ въ союзѣ;
Склоните взоръ его Дамона къ бѣдной Музѣ!“—
Но вашъ почтенный другъ сто разъ меня бранилъ.
„Ахъ! сколько жъ онъ и слезъ раскаянія лилъ!
Уважьте просьбу вы, иль гнѣвъ его опасный:
Дамонъ издателемъ журнала: *Безпристрастный*,
И къ Курлову [1]) столу бываетъ приглашенъ“.—
Что за пакетище! еще ли не взбѣшенъ?
Посмотримъ: „Скудныхъ силъ се плодъ новорожденный,
Трагедія! Пока отецъ ея смиренный
Во мракѣ принужденъ отъ всѣхъ себя таить,
Благоволи отцемъ сиротки этой быть!“

---

[1]) Лондонскій книгопродавецъ.

Опять забота мнѣ! За правду бъ онъ озлился;
Я промолчалъ. Съ другой онъ просьбою явился:
Отдать ее играть! Я ожилъ; съ давнихъ лѣтъ
Межь скоморохами и мною связи нѣтъ:
Трагедіи отказъ. Писатель раздраженный
Кричитъ: да гибнетъ весь актеровъ родъ презрѣнный!
А я сейчасъ въ печать трагедію отдамъ;
Пусть судитъ Публика!... Еще я съ просьбой къ вамъ:
Нельзя ли слова два сказать объ ней Линтоту?"—
Какъ! этому срамцу? И онъ свою щедроту,
Что не взялъ за печать, всѣмъ станетъ возносить!
Ну, хоть поправьте же—вамъ скучно можетъ быть!
Но я (мнѣ на ухо) что выручу, все съ вами!"
Признаться, тутъ его обѣими руками
Я обернулъ къ дверямъ, примолвя: вотъ поклонъ
Тебѣ за твой дѣлежъ! Теперь же... просимъ вонъ!

Мнѣ часто говорятъ: Ужъ быть бѣдѣ съ тобою!
Не тронь ты тѣхъ и тѣхъ, не схватывайся съ тою!—
Какая нужда мнѣ до глупости людей?
Пусть хвастаетъ оселъ длиной своихъ ушей;
Что можетъ сдѣлать онъ?—Что можетъ онъ? лягаться!
Таковъ-то и глупецъ.—Я колокъ, можетъ статься;
Но можно ль говорить о глупости слегка?
По крайней мѣрѣ мнѣ все сноснѣй дурака.
Неустрашимый Кодръ! гдѣ есть тебѣ примѣры?
Весь свѣтъ противъ тебя: и ложи, и партеры!
Со всѣхъ сторонъ бранятъ, зѣваютъ и свистятъ,
И шляпы на тебя и яблоки летятъ:
Ни съ мѣста! ты сидишь! Честь Кодру исполину!
Съ какимъ трудомъ паукъ мотаетъ паутину!
Смети ее, паукъ опять начнетъ мотать:
Равно и риѳмача не думай обращать!
Брани его, стыди; а онъ доколѣ дышетъ,
Пока чернила есть, перо, все пишетъ, пишетъ,

И гордъ своимъ тканьемъ - нѣтъ нужды, что оно,
Дохни, такъ улетитъ—враль мыслитъ: мудрено!

Но впрочемъ, гдѣ жъ моя вина передъ глупцами?
Лишаю ль ихъ утѣхъ моими я стихами?
Кодръ [1]) меньше ль оттого доволенъ самъ собой?
Престалъ ли надувать Милордъ подзобокъ свой?
Разстался ли Цибберъ съ кокеткой и патрономъ,
Которому онъ льстилъ? Моръ меньше ль франмасономъ?
Не тотъ ли же Генлей ораторъ подлецовъ?
Не тоже ль дѣйствіе Филипсовыхъ стиховъ
Надъ сердцемъ и умомъ ученаго Прелата?
А Сафо:... „Боже мой! оставишь ли хоть брата?
Не страшно ли вражду навлечь такихъ людей?“ —
Страшнѣе во сто разъ имѣть изъ нихъ друзей.
Дуракъ, бранивъ меня, смѣшитъ, не досаждаетъ,
А ласкою своей бѣситься принуждаетъ:
Одинъ мнѣ томъ своихъ твореній приписалъ
И болѣ ста враговъ хвалой своей ругалъ;
Другой, съ перомъ въ рукахъ, моей ставъ рыцарь славы,
Ведетъ съ журналомъ бой; иной—какіе нравы!—
Укравъ мою тетрадь, печатать отдаетъ;
Иной же ни на часъ покоя не даетъ,
Вездѣ передо мной съ поклономъ: подпишися!
А многіе еще—теперь, мой другъ, дивися,
Какъ часто съ глупостью сходна бываетъ лесть—
И безобразіе мое мнѣ ставятъ въ честь!
„Вашъ носъ Овидіевъ; вы такъ-же кривошея,
Какъ и Филипповъ сынъ, а съ глазъ...“—Нельзя умнѣя!
Довольно ужъ, друзья! И такъ въ наслѣдство мнѣ
Лишь недостатки ихъ осталися однѣ.
Не позабудьте же, какъ слягу отъ безсилья,

---

[1]) Имена различныхъ современныхъ Попу англійскихъ писателей, въ настоящее время забытыхъ.

Представить точно такъ лежавшаго Виргилья;
А какъ умру, сказать, что также, наконецъ,
Скончался и Гомеръ, поэзіи отецъ.

Откуда на меня рокъ черный накачался?
Почто я съ ремесломъ безвыгоднымъ спознался?
Какой злой духъ меня перомъ вооружилъ?
О небо! сколько мной потраченныхъ чернилъ!
Но льзя ль противиться влеченію природы?
Отъ самой люльки я, въ младенческіе годы
Невиннымъ голосомъ на риѳмахъ лепеталъ.
О возрастъ счастливый, въ которомъ я сбиралъ
Цвѣты, не думавъ быть уколотъ ихъ шипами,
И удовольствія не вспоминалъ съ слезами!
Но стихотворствуя, по крайней мѣрѣ я
Не отравлялъ минутъ незлобнаго житья
Родителей моихъ. Моя младая Муза,
Съ добродѣтелью ища всегда союза,
Наставила меня ее лишь только пѣть,
Въ бѣдахъ и горестяхъ терпѣніе имѣть,
Питать признательность, ничѣмъ незагладиму,
Къ тебѣ, о нѣжный другъ! за жизнь, тобой храниму.

Но скажутъ: для чего жъ въ печать онъ отдаетъ?
Ахъ, съ счастіемъ моимъ кто въ слабость не впадетъ!
Вальсъ, тонкій сей знатокъ, Гренвиль[1]), сей умъ толь нѣжный,
Сказали мнѣ: пиши, питомецъ Музъ надежный!
Тальботъ, Соммерсъ[2]) меня не презрили внимать,
И важный Аттербуръ[3]) улыбкой ободрять;
Великодушный Гартъ[4]) былъ мой путеводитель;

---

[1]) Георгъ Гренвиль (1667—1735) англійскій поэтъ, другъ Попа.

[2]) Дж. Соммерсъ, англійскій писатель и меценатъ.

[3]) Аттербури, англ. прелатъ, перевелъ латинскими стихами одну изъ поэмъ Драйдена.

[4]) Самуилъ Гартъ, англ. поэтъ и врачъ, авторъ ирои-комической поэмы о соперничествѣ врачей и аптекарей.

Конгревъ [1]) меня хвалилъ, Свифтъ не былъ мой хулитель;
И Болингброкъ [2]), сей мужъ, достойный вѣчныхъ хвалъ,
Другъ старца Драйдена [3]), съ восторгомъ обнималъ
Въ отважномъ мальчикѣ грядущаго поэта.
Цвѣти же, мой вѣнокъ, ты безконечны лѣта!
Я счастливъ! я къ себѣ склонялъ безсмертныхъ взглядъ!
По нимъ и мой талантъ, и сердце оцѣнятъ.
Что жъ послѣ мнѣ Бурнетъ и всѣ ему подобны?

Ты помнишь первые стихи мои незлобны:
Тогда еще не смѣлъ порокъ я порицать,
А только находилъ утѣху рисовать
Цвѣточки, ручеекъ, журчащій средь долины;
Обидны ли кому столь милыя картины?
Однако жъ и тогда Гильдонъ меня ругалъ.
Увы! онъ голоденъ, Богъ съ нимъ! я отвѣчалъ.

За критику моихъ стиховъ я не сержуся:
Надъ вздорною смѣюсь, отъ правильной учуся.
Но кто нашъ Аристархъ? кто важные судьи,
Которыхъ трепетать должны стихи мои?
Обильные творцы безплодныхъ примѣчаній,
Уставщики кавыкъ, всѣхъ строчныхъ препинаній.
Терпѣньемъ, памятью, они богаты всѣмъ,
Окромѣ разума и вкуса;—между тѣмъ
И мертвымъ, и живымъ судъ грозный изрекаютъ,
Сіяніемъ чужимъ свой мракъ разсѣяваютъ,
И съединеніемъ безвѣстныхъ сихъ именъ
Съ славнѣйшими дойдутъ до будущихъ временъ:

---

[1]) Вилльямъ Конгревъ (1670—1729) англ. драматургъ псевдо-классич. направленія.

[2]) Генрихъ Болингброкъ (1678—1751) извѣстный государств. дѣятель Англіи и писатель, покровительствовавшій Попу.

[3]) Джонъ Драйденъ (1631—1700), знаменитый англ. поэтъ-сатирикъ и драматургъ.

Такъ въ амбрѣ червяковъ мы видимъ и солому.
Но кромѣ критиковъ, уйду ли я отъ грому
Писателей, и чѣмъ себя отъ нихъ спасать?
И дѣльно! для чего ихъ цѣну открывать?
Но Тирса я хвалилъ, а недоволенъ мною
За то, что слишкомъ Тирсъ доволенъ самъ собою.
Хваля писателя, потребно намъ открыть
Не то, каковъ онъ есть, но чѣмъ онъ хочетъ быть.
Увядшія красы портретъ всегда несходенъ;
Ея и лобъ и глазъ, а говоритъ—негоденъ.
Одинъ карячится, надувшись дичь несетъ,
И то высокостью поэзіи зоветъ;
Другой рисовкою быть хочетъ отличаемъ;
Иной метафорой, и ввѣкъ непонимаемъ;
А этотъ, навсегда разсоряся съ стыдомъ,
До самой старости живетъ чужимъ добромъ;
Въ годъ собственныхъ стиховъ напишетъ намъ съ десятокъ,
И то, чтобъ показать въ талантѣ недостатокъ;
Обновы Музѣ шьетъ изъ разныхъ лоскутковъ,
Щечится, тратитъ скупъ, а все изъ бѣдняковъ!
Скажи же, что они удачно выбираютъ:
Какой поднимутъ вопль! — Вотъ какъ пѣвцовъ ругаютъ!
Всѣ въ голосъ закричатъ: да и чего хотимъ?
И самый Аддисонъ прострѣленъ будетъ имъ!—
Пускай же мрутъ они въ безвѣстности презрѣнной!

Но если я скажу, что авторъ есть почтенной:
Исполненъ разума, умѣющій равно
Какъ мыслить, такъ и жить, которому дано
Въ словахъ пріятнымъ быть, въ твореніяхъ высокимъ,
И ловкость съединять съ ученіемъ глубокимъ;
Онъ къ чести щекотливъ, въ изящное влюбленъ,
Рожденъ быть счастливымъ, для славы сотворенъ;
Но думаетъ, какъ всѣ властители Евфрата,
Что крѣпокъ скиптръ въ рукахъ удавкой только брата;

Надменъ къ соперникамъ, но въ сердцѣ къ нимъ ревнивъ;
Бранитъ съ учтивостью, коварствуетъ хваливъ;
Улыбкою грозитъ, лаская непавидитъ;
Украдкою язвитъ, но явно не обидитъ;
Наукамъ долженъ всѣмъ, а гонитъ ихъ въ другомъ,
На Пиндѣ онъ министръ, въ Виндзорѣ острякомъ;
Считаетъ критику проступкомъ уголовнымъ,
Вертитъ и властвуетъ пародомъ стихословнымъ
Въ сенатикѣ своемъ, какъ другъ его Катонъ...[1])
Смѣетесь?—плачьте же: сей авторъ... Аддисонъ.
Ахъ! кто не пораженъ симъ жалкимъ сочетаньемъ
Столь малыя души съ столь рѣдкимъ дарованьемъ!
На что притворствовать? Я самъ самолюбивъ,
И обществу скучать стихами не лѣнивъ!
Конечно, и мои различныя творенья,
Въ листахъ, и мокрыя, лишь только изъ тисненья,
Гуляютъ въ Лондонѣ у дрягилей въ рукахъ,
И пышный ихъ титулъ приклеенъ на стѣнахъ
По многимъ улицамъ; но не боюсь улики,
Чтобъ, въ глупой гордости, хотѣлъ я санъ владыки
Присвоить самъ собой надъ пишущей толпой,
Чтобъ новые стихи сбиралъ по мостовой:
Они родятся, мрутъ, а я объ нихъ не знаю;
На лица эпиграммъ нигдѣ не распускаю,
И тайно ничего въ печать не отдаю;
Ни желчи на дѣла правительства не лью
Въ кофейныхъ, праздности народной посвященныхъ;
Ни жребья не рѣшу піесъ новорожденныхъ,
Въ партерахъ заводя и въ ложахъ заговоръ;
И проза, и стихи, и самыхъ Музъ соборъ,
Все мнѣ наскучило, и все я уступаю
Отъ сердца Бардусу.—Но кстати вспоминаю:

---

[1]) „Смерть Катона" трагедія Іосифа Аддисона (1672—1719), знаменитаго англ. писателя, издававшаго, между прочимъ, газету „Зритель".

Какъ Фебъ средь чистыхъ дѣвъ сіяетъ съ двухъ холмовъ,
Дебелый Меценатъ сидитъ въ кругу льстецовъ,
И услаждается куренія ихъ паромъ;
Святилище его, украшенно Пиндаромъ,
Съ отбитой головой, отверсто лишь тому,
Кто пишетъ вопреки и сердцу и уму;
И каждый враль въ него вступаетъ безъ препоны.
Отъ вкуса Бардуса тамъ всѣ берутъ законы;
И чтобы разъ хотя попасть къ его столу,
Иной по мѣсяцу поетъ ему хвалу.
Таковъ-то Бардусъ нашъ! Однако жъ кто повѣритъ,
Чтобъ тотъ, который всѣ дары такъ вѣрно мѣритъ,
Такъ ловитъ, не нашелъ ихъ... въ Драйденѣ одномъ?
Но знатный господинъ съ ученьемъ и умомъ,
Не завтра, такъ впередъ вину свою познаетъ:
Онъ голодомъ моритъ, по царски погребаетъ.

Вельможи! славьтеся хвалами риѳмачей;
Дарите щедро тѣхъ, кто васъ еще тупѣй;
Любите подлость, лесть, невѣжество Циббера,
Кричите, что ему не видано примѣра;
Пускай онъ будетъ вашъ любимецъ и герой,
А добрый, милый Ге[1]) пусть остается мой!
Дай Богъ не знать и мнѣ, какъ онъ, порабощенья!—
О если бы я могъ, безъ рабства, обольщенья,
Почтеннымъ быть всегда въ почтенномъ ремеслѣ,
Считать весь міръ друзей въ умѣренномъ числѣ;
Для утѣшенья ихъ употреблять всѣ силы,
Читать, что нравится, а видѣть, кто мнѣ милы;
На знатнаго глупца съ презрѣніемъ смотрѣть,
И съ знатнымъ иногда свиданія имѣть!
Чего мнѣ болѣ? Я къ большимъ дѣламъ несроденъ;

---

[1]) Джонъ Ге (1688—1732) англ. поэтъ, авторъ пародій пастушескихъ стихотвореній.

Спокоенъ, безъ долговъ, достатокъ мой свободенъ;
Читаю Отче нашъ, пишу, и по трудахъ
Я, слава Богу, сплю, не бредя о стихахъ;
И живъ иль нѣтъ Деннисъ, не думаю ни мало.

Не написали ль вы что новаго? бывало
Жужжатъ мнѣ. Боже мой! какъ будто для письма
Я только и рожденъ! въ васъ право нѣтъ ума!
Уже ль я не могу чѣмъ лучшимъ заниматься?
Пристроить сироту, о другѣ постараться.
„Вы были съ Свифтомъ? Онъ мнѣ встрѣтился сейчасъ;
Ужъ вѣрно что-нибудь готовится у васъ?“—
Божусь, что ничего; болтунъ и самъ божится:
„Не вѣрю!... но вѣдь Попъ въ стихахъ не утаится!“
И первый злой пасквиль, достойный быть въ огнѣ,
Чрезъ два дни мой знатокъ приписываетъ мнѣ!
Увы! и самый даръ Виргилія несносенъ,
Когда невинности смиренной вредоносенъ,
Злословитъ добраго и вводитъ въ краску дѣвъ.
Пусть грянетъ на меня, не медля, Божій гнѣвъ,
Коль скоро уязвлю, въ словахъ или на лирѣ,
Хотя единожды честнаго мужа въ мірѣ!
Но баринъ съ рабскою и низкою душой,
Скрывающій ее подъ лентою цвѣтной;
Но злой, готовящій ковъ пагубный, но скрытной
Таланту, красотѣ невинной, беззащитной;
Но Шаль, который всѣмъ тщеславяся твердитъ,
Что онъ мой Меценатъ, что я его піитъ,
Вездѣ мои стихи читаетъ и возноситъ;
Когда же кто меня отъ зависти поноситъ,
Тогда онъ промолчитъ, чтобъ не нажить враговъ;
Который на часу и ласковъ и суровъ,
И ежели не золъ, такъ враль, всегда готовой
И тайну разболтать для вѣсточки лишь новой,
И злой давая толкъ мной выданнымъ стихамъ,

Сказать: онъ мѣтилъ въ васъ, придворнымъ господамъ.
Вотъ, вотъ мои враги! я вѣчный ихъ гонитель,
Я бичъ, я ужасъ злыхъ, но добрыхъ защититель.
Страшись меня, Генлей!—Какъ! этотъ часовой,
Минутный червячокъ подъ пылью золотой?
Достойна ль бабочка быть въ морѣ потопленна?
Такъ раздави жъ ногой ты червяка презрѣнна,
Который возгордясь, что ночью свѣтитъ онъ,
Вездѣ ползетъ, язвитъ и смрадомъ гонитъ вонъ,
Всѣ въ обществѣ цвѣты дыханьемъ изсушаетъ.
Съ утра до вечера Генлей перелетаетъ
Отъ Пинда къ Паѳосу, какъ вѣтренный Зефиръ;
Но хладенъ близь красотъ, но глухъ къ согласью лиръ.
Такъ выученный песъ предъ дичію вертится,
Теребитъ, но вонзить зубовъ въ нее боится.
Вглядись въ него: я бьюсь съ тобою объ закладъ,
Какого рода онъ, не скажешь мнѣ впопадъ!
Мужчина, женщина ль? не то и не другое,
Едва ль и человѣкъ, а такъ... что-то живое,
Которое всегда клевещетъ иль поетъ,
Иль свищетъ, иль хулу и на Творца несетъ;
Премѣнчивая тварь: въ кокетствѣ хуже дамы,
То философствуетъ, то мечетъ эпиграммы,
Предъ женщинами враль, предъ Государемъ льстецъ,
Сердечкинъ и нахалъ, и пышенъ и подлецъ.
Таковъ прекрасныя былъ Евы искуситель,
Невинности ея и рая погубитель:
Взоръ Ангела имѣлъ сей ядовитый змѣй,
Но даже и красой онъ ужасалъ своей;
Для видовъ гордости привѣтливымъ казался
И для тщеславія смиренно пресмыкался.

Но кто по чувствіямъ сердечнымъ говоритъ,
Привѣтливъ, а не подлъ, не гордъ, а сановитъ,
И знаемъ безъ чиновъ, безъ знатности и злата?

Поэтъ: онъ ни за что не будетъ другъ разврата.
Всегда великъ душей и мыслями высокъ,
Ласкать самимъ Царямъ считаетъ за порокъ:
Онъ добродѣтели талантъ свой посвящаетъ,
И въ самыхъ вымыслахъ пріятно поучаетъ:
Стыдится быть врагомъ совмѣстниковъ своихъ,
Талантомъ лишь однимъ смиряетъ дерзость ихъ;
Съ презрѣніемъ глядитъ на ненависть безсильну,
На мщенье критики, на злость, вредомъ обильну,
На промахъ иногда коварства и хулы,
На ложную пріязнь и глупыя хвалы.
Пускай сто разъ его ругаютъ и поносятъ,
И глупости другихъ на счетъ его относятъ;
Пусть безобразитъ кто, въ глаза его не знавъ,
Въ эстампѣ видъ его, иль въ сочиненьи нравъ,
И если не стихи, порочитъ ихъ уроки;
Пускай не престаютъ сплетать хулы жестоки
На прахъ его отца, на изгнанныхъ друзей;
Пусть даже, наконецъ, доводятъ до ушей
И самого Царя шишикалы придворны
И толки злыхъ объ немъ, и небылицы вздорны;
Пусть ввѣкъ томятъ его въ плачевнѣйшей судьбѣ:
О добродѣтель! онъ не измѣнитъ тебѣ;
Онъ страждетъ за тебя, тобой и утѣшаемъ.—
Но знатный мной бранимъ, но бѣдный презираемъ!—
Да! подлый человѣкъ, кто бъ ни былъ онъ такой,
Есть подлъ въ моихъ глазахъ и ненавидимъ мной:
Копѣйку ль онъ укралъ, иль близко милліона;
Наемный ли писецъ, иль продавецъ закона,
Подъ митрою ли онъ, иль просто въ клобукѣ,
За краснымъ ли сукномъ сидитъ, иль въ шишакѣ,
На колесницѣ ли торжественной гордится,
Иль по икру въ грязи по мостовой тащится,
Предъ трономъ, иль съ доской на площади стоитъ.

Однако жъ этотъ бичъ, который всѣхъ страшитъ,
Готовъ на самаго Денниса въ томъ сослаться,
Что право онъ не столь ужасенъ можетъ статься;
Признался бъ и Деннисъ, когда бы совѣсть зналъ,
Что даже и враля онъ бѣдность облегчалъ.
Кричатъ: „Попъ мстителенъ, Попъ въ гордости примѣромъ!"
А онъ столь гордъ, что пилъ съ Тибальдомъ и Цибберомъ!
А онъ столь мстителенъ, что и за цѣлый томъ
Ругательствъ, на него написанныхъ Попомъ,
Ни капли не хотѣлъ чернилъ терять напрасно!
Въ угодность милой, Шаль бранитъ его всечасно;
А онъ въ отмщеніе желаетъ всей душой,
Чтобъ эта милая была его женой.
Но пусть Попъ виноватъ, и стоитъ осужденья:
За что жъ бранить его виновниковъ рожденья?
Кто смѣлъ обидчикомъ отца его назвать?
Злословила ль объ комъ его смиренна мать?
Не троньте жъ, подлецы, вы родъ его почтенной:
Онъ будетъ знаменитъ, доколѣ во вселенной
Воздастся должная, правдивая хвала
За добрые стихи и добрыя дѣла.

Родители его другъ съ другомъ были сходны:
И родомъ и душей не меньше благородны;
А предки ихъ, любовь къ отечеству храня,
Отважпвали жизнь средь браннаго огня.—
Но что достатокъ ихъ? – Не мздой пріобрѣтенный;
Законный: сей отецъ, мной вѣчно незабвенный,
Наслѣдникъ безъ обидъ, безъ спеси дворянинъ,
Супругъ безъ ревности и мирный гражданинъ,
Шелъ тихо по пути незлобиваго вѣка;
Онъ въ судъ ни одного не позвалъ человѣка,
И клятвой ложныхъ правъ нигдѣ не утверждалъ;
Онъ много о своихъ познаньяхъ не мечталъ;
Витійство все его въ томъ только состояло,

Что сердце завсегда словами управляло;
Учтивъ по добротѣ, отъ опытовъ ученъ,
Здоровъ отъ трезвости, трудами укрѣпленъ,
Онъ знакомъ старости имѣлъ однѣ сѣдины.
Отецъ мой долго ждалъ часа своей кончины;
Но скоро, не томясь, духъ Богу возвратилъ,
Какъ будто сладкимъ сномъ при вечерѣ почилъ.
Создатель! дай его признательному сыну
Подобно житіе, подобную кончину,
То въ зависть приведетъ и Царскихъ онъ дѣтей.

Довольствуйся, мой другъ, безпечностью своей;
А мнѣ, лишенному спокойства невозвратно,
Мнѣ съ меланхоліей бесѣдовать пріятно.
О! если бы могла сыновняя любовь
Хотя у матери согрѣть остылу кровь;
Прибавить жизни ей, и на краю могилы
Поддерживать ея скудѣющія силы,
Покоить, утѣшать до смертнаго часа,
И отдалить ея полетъ на небеса!

2) Чужой толкъ.

„Что за диковинка? лѣтъ двадцать ужъ прошло,
Какъ мы, напрягши умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ!
Ужели выдалъ Фебъ свой именной указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
Быть Флакку [1]), Рамлеру [2]) и ихъ собратьи равнымъ,
И столько жъ, какъ они, во пѣснопѣньи славнымъ?
Какъ думаешь?... Вчера случилось мнѣ сличать
И ихъ, и нашу пѣснь: въ ихъ... нечего читать!

[1]) Горацій Флаккъ.
[2]) Нѣмецкій поэтъ (1725—1798), переводчикъ Горація и одописатель.

Листочекъ, много три, а любо, какъ читаешь —
Не знаю какъ-то самъ какъ будто бы летаешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что они
Писали ихъ рѣзвясь, а не четыре дни;
То какъ бы намъ не быть еще и ихъ счастливѣй,
Когда мы во сто разъ прилежнѣй, терпѣливѣй?
Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь!
Надъ парою стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣетъ, думаетъ, чертитъ и жжетъ бумагу;
А иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной!
И подлинно ужъ весь приложитъ разумъ свой!
Ужъ прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода;
Но очень полная, иная въ двѣсти строфъ!
Судите жъ, сколько тутъ хорошихъ есть стишковъ!
Къ тому жъ, и въ правилахъ: сперва прочтешь вступленье,
Тутъ предложеніе, а тамъ и заключенье —
Точь въ точь, какъ говорятъ учены по церквамъ!
Совсѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты, вижу самъ.
Возьму ли, напримѣръ, я оды на побѣды,
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли Шведы:
Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу,
Гдѣ было, какъ, когда, — короче я скажу:
Въ стихахъ реляція! прекрасно!... а зѣваю!
Я, бросивши ее, другую раскрываю
На праздникъ, иль на что подобное тому:
Тутъ найдешь то, чего бъ нехитрому уму
Не выдумать и ввѣкъ: Зари багряны персты,
И райскій кринъ, и Фебъ, и небеса отверсты!
Такъ громко, высоко!... а нѣтъ, не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ!“

Такъ дѣдовскихъ временъ съ любезной простотою
Вчера одинъ старикъ бесѣдовалъ со мною.

Я, будучи и самъ товарищъ тѣхъ пѣвцовъ,
Которыхъ дѣйствію дивился онъ стиховъ,
Смутился и не зналъ, какъ отвѣчать мнѣ должно.
Но къ счастью—ежели назвать то счастьемъ можно,
Чтобъ слышать и себѣ ужасный приговоръ,—
Какой-то Аристархъ [1]) съ нимъ началъ разговоръ.

„На это, онъ сказалъ, есть многія причины;
Не обѣщаюсь ихъ открыть и половины,
А нѣкоторыя вамъ охотно объявлю.
Я самъ языкъ боговъ, поэзію, люблю,
И нашей, какъ и вы, утѣшенъ также мало;
Однако жъ здѣсь въ Москвѣ толкался я бывало
Межъ нашихъ Пиндаровъ, и всѣхъ ихъ замѣчалъ:
Большая часть изъ нихъ —Лейбъ-гвардіи капралъ,
Ассесоръ, офицеръ, какой нибудь подъячій,
Иль изъ Кунсткамеры антикъ, въ пыли ходячій,
Уродовъ стражъ,- народъ все нужный, должностной;
Такъ, часто я видалъ, что истинно иной
Въ два, въ три дни риѳму лишь прибрать едва успѣетъ,
Затѣмъ что въ хлопотахъ досуга не имѣетъ.
Лишь только мысль къ нему счастливая придетъ,
Вдругъ било шесть часовъ! уже карета ждетъ;
Пора въ театръ, а тамъ на балъ, а тамъ къ Ліону [2]),
А тутъ и ночь.... Когда жъ заѣхать къ Аполлону?
На завтра лишь глаза откроетъ—ужъ билетъ:
На пробу въ пять часовъ.... Куда же? Въ модный свѣтъ,
Гдѣ Лирикъ нашъ и самъ взялъ Арлекина ролю.
До оды ль тутъ? Тверди, скачи два раза къ Кролю [3]);

---

[1]) Греческій грамматикъ и критикъ въ Александріи, установившій текстъ Гомера (около 150 до Р. Х.). Употребляется въ значеніи строгаго критика вообще.

[2]) Устроитель въ Петербургѣ вольныхъ маскарадовъ.

[3]) Модный портной въ Петербургѣ.

Потомъ опять домой: здѣсь холься, да рядись;
А тамъ въ спектакль, и такъ со днемъ опять простись!

Къ тому жъ, у древнихъ цѣль была, у насъ другая:
Горацій, напримѣръ, восторгомъ грудь питая,
Чего желалъ? О! онъ—онъ бралъ не свысока,
Въ вѣкахъ—безсмертія, а въ Римѣ - лишь вѣнка
Изъ лавровъ иль изъ миртъ, чтобъ Делія сказала:
Онъ славенъ, чрезъ него и я безсмертна стала!
А нашихъ многихъ цѣль—награда перстенькомъ,
Нерѣдко сто рублей, иль дружество съ Князькомъ,
Который отъ роду не читывалъ другова,
Кромѣ придворнаго подчасъ мѣсяцослова,
Иль похвала своихъ пріятелей; а имъ
Печатный всякій листъ быть кажется святымъ.
Судя жъ, сколь разные и тѣхъ и нашихъ виды,
Навѣрно льзя сказать, не дѣлая обиды
Ретивымъ господамъ, питомцамъ Русскихъ Музъ,
Что долженъ быть у нихъ и особливый вкусъ,
И въ сочиненіи лирической поэмы
Другіе способы, особые пріемы;
Какіе же они, сказать вамъ не могу,
А только объявлю—и право, не солгу—
Какъ думалъ о стихахъ одинъ стихотворитель,
Котораго трудовъ Меркурій нашъ, и Зритель [1]),
И книжный магазинъ, и лавочки полны.
„Мы съ риѳмами на свѣтъ, онъ мыслилъ, рождены:
Такъ не смѣшно ли намъ, Поэтамъ, согласиться
На взморьѣ въ хижину, какъ Демосѳенъ, забиться,
Читать да думать все, и то, что вздумалъ самъ,
Разсказывать однѣмъ шумящимъ лишь волнамъ?
Природа дѣлаетъ пѣвца, а не ученье;
Онъ не учась ученъ, какъ придетъ въ восхищенье;

---

[1]) Современные журналы.

Науки будутъ все науки, а не даръ;
Потребный же запасъ: отвага, риѳмы, жаръ".
И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный оду:
Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу,
Что Рымникскій Алкидъ [1]) Поляковъ разгромилъ,
Иль Ферзенъ [2]) ихъ вождя Костюшку полонилъ,
Онъ тотчасъ за перо, и разомъ вывелъ: *Ода*!
Потомъ въ одинъ присѣстъ: *Такого дня и года!*
„Тутъ какъ?... *Пою!*... Иль нѣтъ, ужъ это старина!
„Не лучше ль: *Даждь мнѣ, Фебъ!*... Иль такъ: *Не ты одна*
„*Попала подъ пяту, о чалмоносна Порта!*
„Но что же мнѣ прибрать къ ней въ риѳму, кромѣ чорта?
„Нѣтъ, нѣтъ! нехорошо; я лучше поброжу,
„И воздухомъ себя открытымъ освѣжу".—
Пошелъ, и на пути такъ въ мысляхъ разсуждаетъ:
„Начало никогда пѣвцовъ не устрашаетъ;
„Что хочешь, то мели! Вотъ штука, какъ хвалить
„Героя-то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ сравнить?
„Съ Румянцовымъ его, иль съ Грейгомъ [3]), иль съ Орловымъ?
„Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ! а съ новымъ—
„Не ловко что-то все.—Да просто напишу:
„*Ликуй, Герой! ликуй, Герой ты!* возглашу.
„Изрядно! Тутъ же что! Тутъ надобенъ восторгъ!
„Скажу: *Кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ?*
„*Я вижу молній блескъ! Я слышу съ горня свѣта*
„*И то, и то*... А тамъ?... извѣстно: *многи лѣта!*
„Брависсимо! и планъ, и мысли, все ужъ есть!
„Да здравствуетъ Поэтъ! осталося присѣсть,
„Да только написать, да и печатать смѣло!"
Бѣжитъ на свой чердакъ, чертитъ, и въ шляпѣ дѣло!

---

[1]) Суворовъ.

[2]) Графъ Ферзенъ взялъ въ плѣнъ Костюшку въ 1794 г. при Мацеіовицахъ.

[3]) Русскій адмиралъ (ум. 1788) одержалъ блистательную побѣду у Свеаборга надъ шведами.

И оду ужъ его тисненью предаютъ,
И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продаютъ!
Вотъ какъ пиндарилъ[1]) онъ и всѣ ему подобны,
Едва ли вывѣски надписывать способны!
Желалъ бы я, чтобъ Фебъ хотя во снѣ имъ рекъ:
„Кто въ громкій славою Екатерининъ вѣкъ
Хвалой ему сердецъ другихъ не восхищаетъ
И лиры сладкою слезой не орошаетъ,
Тотъ брось ее, разбей и знай: онъ не поэтъ!“

Да вѣдаетъ же всякъ по одамъ мой клевретъ,
Какъ дерзостный языкъ безславилъ насъ, ничтожилъ,
Какъ Лириковъ цѣнилъ! Воспрянемъ! Марсій[2]) ожилъ!
Товарищи! къ столу, за перья! отомстимъ!
Надуемся, напрёмъ, ударимъ, поразимъ!
Напишемъ на него предлинную сатиру,
И оправдаемъ тѣмъ Россійску громку лиру.

---

[1]) Неологизмъ: отъ собств. имени Пиндаръ.
[2]) Марсіасъ, сынъ Олимпа, славился игрой на флейтѣ.

III. СКАЗКИ.

1) Искатели Фортуны.

Кто на своемъ вѣку Фортуны не искалъ?
Что, еслибъ силою волшебною какою
Всевидящимъ я сталъ,
И вдругъ открылись предо мною
Всѣ тѣ, которые и ѣдутъ и ползутъ,
И скачутъ и плывутъ,
Изъ царства въ царство рыщутъ,
И дочери Судьбы отмѣнной красоты
Иль убѣгающей мечты
Безъ отдыха столь жадно ищутъ?
Бѣдняжки! жаль мнѣ ихъ: ужъ, кажется, въ рукахъ...
Ужъ сердце въ восхищеньи бьется...
Вотъ только что схватить... Хоть какъ, такъ увернется,
И въ тысячѣ уже верстахъ!
„Возможно-ль, многіе, я слышу, разсуждаютъ:
Давно-ль такой-то въ насъ искалъ,
А нынѣ какъ онъ пышенъ сталъ!
Онъ въ счастіи растетъ, а насъ за грязь кидаютъ!
Чѣмъ хуже мы его?“—Пусть лучше во сто разъ,
Но что вашъ умъ и все? Фортуна вѣдь безъ глазъ;
А къ этому прибавимъ:
Чинъ стоитъ ли того, что для него оставимъ
Покой, покой души, даръ лучшій всѣхъ даровъ,
Который въ древности удѣломъ былъ боговъ?

Фортуна—женщина: умѣрьте вашу ласку;
Не бѣгайте за ней, сама смягчится къ вамъ.
Такъ милый Лафонтенъ давалъ совѣты намъ
И сказывалъ въ примѣръ почти такую сказку.
Въ деревнѣ-ль, въ городкѣ,
Одинъ съ другимъ невдалекѣ,
Два друга жили;
Ни скудны, ни богаты были.
Одинъ все счастье ставилъ въ томъ,
Чтобы нажить огромный домъ,
Деревни, знатный чинъ—то и во-снѣ лишь видѣлъ;
Другой богатствъ не ненавидѣлъ,
Однакожъ ихъ и не искалъ,
А кажду ночь покойно спалъ.
„Послушай, другъ ему однажды предлагаетъ:
На родинѣ никто пророкомъ не бываетъ;
Чего-жъ и намъ здѣсь ждать? современемъ—сумы.
Поѣдемъ лучше мы
Искать себѣ добра; войти, сказать умѣемъ;
Авось и мы найдемъ, авось разбогатѣемъ“.—
—Ступай, сказалъ другой,
А я останусь; мнѣ дорогъ мой покой,
И буду спать, пока мой другъ не возвратится.—
Тщеславный этому дивится
И ѣдетъ. На пути встрѣчаетъ цѣпи горъ,
Встрѣчаетъ много рѣкъ, и напослѣдокъ встрѣтилъ
Ту самую страну, куда издавна мѣтилъ:
Любимый уголокъ Фортуны, то есть—дворъ;
Не дожидаяся ни зову, ни наряду,
Присталъ къ нему, и по обряду
Всѣхъ жителей его онъ началъ посѣщать:
Тамъ стрѣлкою стоитъ, не смѣя и дышать,
Здѣсь такаетъ изъ всей онъ мочи,
Тутъ шепчетъ на ушко,—короче: дни и ночи,
Нашъ витязь самъ не свой;

Но все то было втунѣ!
„Что за диковинка! онъ думаетъ: стой, стой,
Да слушай объ одной Фортунѣ,
А самъ все ничего!
Нѣтъ, нѣтъ! такая жизнь несноснѣе всего!
Слуга покорный вамъ, господчики, прощайте,
И впредь меня не ожидайте:
Въ Суратъ, въ Суратъ лечу! я слышалъ въ сказкахъ, тамъ
Фортунѣ съ давнихъ лѣтъ курится фиміамъ“...
Сказалъ, прыгнулъ въ корабль, и волны забѣлѣли.
Но—что же?—не прошло недѣли,
Какъ странствователь нашъ отправился въ Суратъ,
А часто, часто онъ поглядывалъ назадъ,
На родину свою: корабль то загорался,
То на мель попадалъ, то въ хляби погружался;
Всечасно въ трепетѣ, отъ смерти на вершокъ,
Бѣднякъ бѣсился, клялъ, извѣстно, лютый рокъ,
Себя, и всѣмъ, и всѣмъ изрядна пѣсня пѣта!
Безумцы! онъ судилъ: на край приходимъ свѣта
Мы смерть ловить, а къ ней и дома три шага!—
Синѣютъ между тѣмъ Индійски берега,
Попутный дунулъ вѣтръ; по крайней мѣрѣ кстати
Пришло мнѣ такъ сказать, и онъ уже въ Суратѣ!
„Фортуна здѣсь?“ его былъ первый всѣмъ вопросъ.—
—Въ Японіи, сказали.
„Въ Японіи? вскричалъ Герой, повѣся носъ.
Быть такъ! плыву туда“.—И поплылъ; но къ печали
Разъѣхался и тамъ съ Фортуною слѣпой!
„Нѣтъ! полно, говоритъ, гоняться за мечтой“,—
И съ первымъ кораблемъ въ отчизну возвратился.
Завидя издали отеческихъ боговъ,
Родимый ручеекъ, домашній милый кровъ,
Нашъ мореходецъ прослезился
И, отъ души вздохнувъ, сказалъ:
„Ахъ! счастливъ, счастливъ тотъ, кто лишь по слуху зналъ

И дворъ, и океанъ, и о слѣпой богинѣ!
Умѣренность! съ тобой раздолье и въ пустынѣ".
И такъ, съ восторгомъ онъ и въ сердцѣ, и въ глазахъ,
Въ отчизну наконецъ вступаетъ;
Летитъ ко другу,—чтожъ? какъ друга обрѣтаетъ?
Онъ спитъ, а у него Фортуна въ головахъ!

2) Калифъ.

Противъ Калифова огромнаго дворца
Стояла хижина безъ кровли, безъ крыльца,
Издавна ветхая и близкая къ паденью,
Едва-ль приличная и самому смиренью.
Согбенный старостью ремесленникъ въ ней жилъ;
Однако онъ еще по мѣрѣ силъ трудился,
Ни злыхъ, ни совѣсти нимало не страшился,
И *тихимъ вечеромъ* своимъ доволенъ былъ.
Но хижиной его Визирь сталъ недоволенъ:
„Терпимъ ли—онъ своимъ разсчитывалъ умомъ—
Видъ бѣдности передъ дворцомъ?
Но развѣ Государь сломать ее не воленъ?
Подамъ ему докладъ, и хижинѣ не быть.
На этотъ разъ Визирь обманутъ былъ въ надеждѣ.
Докладъ подписанъ такъ: *„быть по сему; но прежде
Строенье ветхое купить*".
Послали Кадія съ сосѣдомъ торговаться;
Кладутъ предъ нимъ на столъ съ червонцами мѣшокъ.
„Мнѣ въ деньгахъ нужды нѣтъ, сказалъ имъ простачокъ:
А съ домомъ ни за что не можно мнѣ разстаться;
Я въ немъ родился, въ немъ скончался мой отецъ,
Хочу, чтобъ въ немъ же Богъ послалъ и мнѣ конецъ.
Калифъ, конечно, самовластенъ,
И каждый подданный къ нему подобострастенъ;
Онъ можетъ при моихъ глазахъ
Развѣять въ мигъ гнѣздо мое, какъ прахъ;

Но что-жъ послѣдуетъ? Несчастнымъ слезы въ пищу:
Я всякій день приду къ родиму пепелищу;
Возсяду на кирпичъ съ поникшей головой
Небеснаго подъ кровомъ свода,
И буду предъ отцемъ народа
Оплакивать мой жребій злой!"
Отвѣтъ былъ Визирю до слова пересказанъ,
А тотъ спѣшитъ объ немъ Калифу донести:
Тебѣ ли, Государь, отказъ такой снести?
Ужель останется рабъ дерзкій не наказанъ?
Калифу говорилъ Визирь на-единѣ.
„Да! подхватилъ Калифъ, отвѣтъ угоденъ мнѣ,
И я тебѣ повелѣваю:
Впредь помня навсегда, что въ правдѣ нѣтъ вины,
Исправить хижину на счетъ моей казны;
Я съ нею только жить въ потомкахъ уповаю;
Да скажетъ имъ дворецъ: такой-то пышно жилъ;
А эта хижина: онъ правосуденъ былъ!"

3) Воздушныя башни.

Утѣшно вспоминать подъ старость дѣтски лѣты:
Забавы, рѣзвости, различные предметы,
Которые тогда увеселяли насъ!
Я часто и въ гостяхъ хозяевъ забываю;
Сижу, повѣся носъ; нѣтъ ни ушей, ни глазъ;
Всѣ думаютъ, что я взмостился на Парнассъ;
А я... признаться вамъ, игрушкою играю,
Которая была
Мнѣ въ дѣтствѣ такъ мила,
Иль въ память привожу, какою мнѣ отрадой
Бывалъ тотъ день, когда, урокъ мой окончавъ,
Набѣгаясь въ саду, уставши отъ забавъ
И бросясь на постель, займусь *Шехерезадой* [1]).

---

[1]) Лицо изъ арабскихъ сказокъ: *Тысяча одна ночь.*

Какъ сказки я ея любилъ!
Читая ихъ... прощай, учитель,
Симбирскъ и Волга!... все забылъ!
Уже я всей вселенны зритель,
И вижу тамъ и сямъ и карловъ, и духовъ,
И Визирей рогатыхъ,
И рыбокъ золотыхъ, и лошадей крылатыхъ,
И въ видѣ Кадіевъ волковъ.
Но сколько нужно словъ,
Чтобъ все пересчитать, друзья мои любезны!
Не лучше-ль вамъ я угожу,
Когда теперь одну изъ сказочекъ скажу?
Я знаю, что онѣ неважны, безполезны;
Но все ли одного полезнаго искать?
Для сказки и того довольно,
Что слушаютъ ее безъ скуки, добровольно,
И можетъ иногда улыбку съ насъ сорвать.
Послушайте-жъ. Во дни иль самого Могола,
Или наслѣдника его престола,
Не знаю города какого мѣщанинъ,
У коего дѣтей—одинъ былъ только сынъ,
Жилъ, жилъ, и наконецъ, по постоянной модѣ,
Послѣдній отдалъ долгъ, какъ говорятъ, природѣ,
Оставя сыну домъ,
Да денегъ съ сотню драхмъ, не болѣ.
Сынъ, проводя отца на общее всѣмъ поле,
Поплакалъ, погрустилъ, потомъ
Сталъ думать и о томъ,
Какъ жить своимъ умомъ.
Дай, говоритъ, куплю посуды я хрустальной
На всю мою казну
И ею торговать начну;
Сначала въ малый торгъ, а тамъ—авось и въ дальный!
Сказалъ и сдѣлалъ такъ: купилъ себѣ лубковъ,
Построилъ лавочку; потомъ купилъ тарелокъ,

Чашъ, чашекъ, чашечекъ, кувшиновъ, пузырьковъ,
Бутылей—мало ли какихъ еще бездѣлокъ!—
Все, все изъ хрусталя!—Склалъ въ коробъ весь товаръ
И въ лавкѣ на полу поставилъ;
А самъ хозяинъ Альнаскаръ,
Ко стѣнкѣ прислонясь, глаза свои уставилъ
На коробъ, и съ собой вслухъ началъ разсуждать:
„Теперь, онъ говоритъ, и Альнаскаръ купчина,
И Альнаскаръ пошелъ на стать!
Надежда, счастіе и будуща судьбина,
Иль лучше, вся моя казна
Здѣсь въ коробѣ погребена....
Вотъ вздоръ какой мелю!—погребена? .. пустое!
Она плодится въ немъ, и вѣрно черезъ годъ
Прибудетъ съ барышемъ по крайней мѣрѣ вдвое;
Двѣ сотни—хоть куда изрядненькій доходъ!
На нихъ... еще куплю посуды; лучше тише—
И чрезъ годъ еще двѣ сотни зашибу
И также въ коробъ погребу.
И такъ годъ отъ году все выше, выше, выше,
Могу я, наконецъ, ужъ быть и въ десяти
И болѣе—тогда скажу моимъ товарамъ
Съ признательною къ нимъ улыбкою: прости!
И буду... ювелиръ! Боярынямъ, боярамъ,
Начну я продавать алмазы, изумрудъ,
Лазурь и яхонты, и... и—всего не вспомню!
Короче: золотомъ наполню
Не только лавку, цѣлый прудъ!
Тогда-то Альнаскаръ весь разумъ свой покажетъ!
Накупитъ лошадей, невольницъ, дачъ, садовъ,
Евнуховъ и домовъ
И дружбу свяжетъ
Съ знатнѣйшими людьми:
Ихъ дружба лишь на взглядъ спѣсива;
Нѣтъ! только кланяйся, да хорошо корми,

Такъ и полюбишься—она не прихотлива;
А у меня тогда
Всѣ тропки поростутъ персидскимъ виноградомъ;
Шербетъ польется, какъ вода;
Фонтаны брызнутъ лимонадомъ,
И масло розово къ услугамъ всѣхъ гостей.
А о столѣ уже ни слова:
Я только то скажу, что нѣтъ такихъ затѣй,
Нѣтъ въ свѣтѣ кушанья такого,
Какого у меня не будетъ за столомъ!
И мой великолѣпный домъ
Храмъ будетъ роскоши для всѣхъ, кто мнѣ любезенъ,
Иль властію своей полезенъ;
Всѣхъ буду угощать: пашей, придворныхъ ихъ,
Плясавицъ, плясуновъ и Кадіевъ лихихъ—
Визирскихъ подлипалъ.—И такъ умомъ, трудами,
А болѣ съ знатными водяся господами,
Легко могу войти въ чины и въ знатный бракъ...
Прекрасно! точно такъ!
Вдругъ гряну къ Визирю, который красотою
Земиры дочери по Азіи гремитъ;
Скажу ему: „вступи въ родство со мною:
Будь тесть мой!“ Если онъ хоть чуть зашевелитъ
Противное губами,
Я вспыхну, и тогда прощайся онъ съ усами!
Но нѣтъ! Визирска дочь такъ вѣрно мнѣ жена,
Какъ на небѣ луна;
И я, по свадебномъ обрядѣ,
На утро, въ праздничномъ нарядѣ,
Весь въ камняхъ, въ жемчугѣ и въ златѣ, какъ въ огнѣ,
Поѣду избочась и гордо на конѣ,
Котораго чепракъ съ жемчужной бахрамою
Унизанъ бирюзою,
Въ домъ къ тестю Визирю. За мной и предо мною
Потянутся мои евнухи по два въ рядъ.

Визирь, еще вдали завидя мой парадъ,
Ужъ на крыльцѣ меня встрѣчаетъ
И, въ комнаты введя, сажаетъ
По праву руку на диванъ,
Среди куреній благовонныхъ.
Я, сѣвши важно, какъ султанъ,
Скажу ему: „Визирь! вотъ тысяча червонныхъ,
И сверхъ того еще вотъ пять, во увѣренье,
Сколь мнѣ мила твоя прекраснѣйшая дочь,
А съ ними и мое прими благодаренье“.
Потомъ три кошелька большихъ ему вручу
И на конѣ стрѣлой къ Земирѣ полечу.
День этотъ будетъ днемъ любви и ликованій,
А завтра... о восторгъ! о верхъ моихъ желаній!
Лишь солнце выпрыгнетъ изъ водъ,
Вдругъ пробуждаюсь я отъ радостнаго клика
И слышу: весь народъ,
Отъ млада до велика,
Толпами приваля на дворъ,
Кричитъ, составя хоръ:
„Да здравствуетъ супругъ Земиры!“
А въ залѣ знатность: сераскиры,
Паши и прочіе стоятъ
И ждутъ, когда войти съ поклономъ имъ велятъ.
Я всѣхъ ихъ допустить къ себѣ повелѣваю
И тутъ-то важну роль вельможи начинаю:
У одного я руку жму,
Съ другимъ вступаю въ разговоры,
На третьяго взгляну, да и спиной къ нему.
А на тебя, Абдулъ, бросаю звѣрски взоры!
Раскаешься тогда,
Что разлучилъ меня съ Фатимою моей.
О! я уже тебя не трушу;
А ты передо мной дрожишь,
Блѣднѣешь, падаешь, прахъ ногъ моихъ цѣлуешь,—

Помилуй, позабудь прошедшее! жужжишь...
Но нѣтъ прощенія! лишь пуще кровь взволнуешь;
И я, уже владѣть не въ силахъ ставъ собой,
Ну по щекамъ тебя, по правой, по другой!
Пинками!“ И въ жару восторга нашъ мечтатель,
Визирскій гордый зять, Земиры обладатель,
Ногою въ коробъ толкъ: тотъ на бокъ, а хрусталь
Запрыгалъ, зазвенѣлъ и—вдребезги разбился!
И такъ, мои друзья, хоть жаль, хотя не жаль,
Но бѣдный Альнаскаръ—что дѣлать!—разженился!

4) Причудница.

Въ Москвѣ, которая и въ древни времена
Прелестными была обильна и славна—
Не знаю подлинно, при коемъ Государѣ,
А только слышалъ я, что Русскіе бояре
Тогда ужъ бросили запоры и замки,
Не запирали женъ въ высоки чердаки,
Но слѣдуя нѣмецкой модѣ,
Ужъ позволяли имъ въ пріятной жить свободѣ,
И свѣтская тогда жена
Могла безъ опасенья
И на качеляхъ быть въ день Свѣтла Воскресенья,
И въ кукольный театръ отъ скуки завернуть,
И въ рощѣ Марьиной подъ тѣнью отдохнуть—
Въ Москвѣ, я говорю, *Вѣтрана* процвѣтала.
Она пригожествомъ лица,
Здоровьемъ и умомъ блистала;
Имѣла мать, отца;
Имѣла лестну власть щелчки давать супругу;
Имѣла, словомъ, все: большой, тесовый домъ,
Съ берлинами сарай, изрядную услугу,
Гуслиста, карлицу, шутовъ и дуръ содомъ,
И даже двухъ сорокъ, которыя болтали

*

Такъ точно, какъ она—однакожъ меньше знали.
Вѣтрана куколкой всегда разряжена
И каждый день окружена
Знакомыми, родней и нѣжными сердцами;
Но всѣ они при ней казались быть льстецами,
Затѣмъ, что всякъ изъ нихъ завидовалъ то ей,
То цугу вороныхъ коней,
То парчевому ея платью,
И всякъ хотѣлъ бы жить съ такою благодатью.
Одна Вѣтрана лишь не вѣдала цѣны
Всѣхъ благъ, какія ей Фортуною даны;
Ни блескъ, ни дружество, ни пляски, ни забавы,
Ни самая любовь—вѣдь есть же на свѣту
Такіе чудны нравы!—
Не трогали мою надменну красоту.
Ей царствующій градъ казался пустъ и скученъ,
И всякъ, кто ни былъ ей знакомъ,
Съ какимъ нибудь да былъ пятномъ:
„Тотъ глупъ, другой уродъ, тотъ *ужасть* [1]) неразлученъ;
Сердечкинъ ноетъ все, вздыханьемъ гонитъ вонъ;
Такой-то все молчитъ и погружаетъ въ сонъ;
Та все чинится, та болтлива,
А эта слишкомъ зла, горда, самолюбива“.
Такой отзывъ ея знакомыхъ всѣхъ отбилъ!
Родня и другъ ее забылъ;
Пріѣздъ къ пригоженькой невѣжѣ
Часъ отъ часу сталъ рѣже, рѣже—
Осталась наконецъ лишь съ гордостью одной—
Утѣшно ли кому съ подругой жить такой
Надутой, но пустой?
Пожалуй, я въ глаза сказать ей то не струшу.
И такъ, Вѣтрана съ ней сначала—ну, зѣвать,
Потомъ ужъ и грустить, потомъ и тосковать,

---

[1]) Слово, употребительное и нынѣ въ губерніяхъ.

И плакать, и гонцовъ повсюду разсылать
За крестной матерью;—а та, извольте знать,
Чудесной силою невѣдомой науки
Творила на Руси неслыханныя штуки!
О еслибы возсталъ изъ гроба ты въ сей часъ
Драгунскій витязь мой, о ротмистръ Брамербасъ,
Ты, бывшій столько лѣтъ въ Малороссійскомъ краѣ
Игралищемъ злыхъ вѣдьмъ!... Я помню, какъ во снѣ,
Что ты разсказывалъ еще ребенку мнѣ,
Какъ вѣдьма нѣкая въ сараѣ,
Оборотя тебя въ драгунскаго коня,
Гуляла на хребтѣ твоемъ до полуночи,
Доколѣ ты уже не выбился изъ мочи;
Какимъ ты ужасомъ разилъ тогда меня!
Съ какой бывало ты разсказывалъ размашкой,
Въ колетѣ палевомъ и въ длинныхъ сапогахъ,
За круглымъ столикомъ, дрожащимъ съ чайной чашкой!
Какой огонь тогда пылалъ въ твоихъ глазахъ!
Какъ волосы твои, сѣдые съ желтиною,
Въ природной простотѣ взвѣвали по плечамъ!
Съ какимъ безмолвіемъ ты былъ внимаемъ мною!
Въ подобномъ твоему я страхѣ былъ и самъ,
Стоялъ, какъ вкопаный, тебя глазами мѣрилъ,
И что ужъ ты не конь... еще тому не вѣрилъ!
О еслибы теперь ты, витязь мой, воскресъ,
Я-бъ смѣлый былъ пѣвецъ неслыханныхъ чудесъ!
Не сталъ бы истину я закрывать подъ маску—
Но, ахъ, тебя ужъ нѣтъ, и быль идетъ за сказку.
Простите! виноватъ! немного отступилъ;
Но, истинно, не я, восторгъ причиной былъ;
Однако я клянусь моимъ Пермесскимъ богомъ,
Что буду продолжать обыкновеннымъ слогомъ;
И такъ дослушайте-жъ. Однажды, вечеркомъ,
Сидитъ, облокотясь, Вѣтрана подъ окномъ
И, возведя свои уныло-ясны очи

Къ задумчивой лунѣ, сестрицѣ смуглой ночи,
Грустить и думаетъ: „Прекрасная луна!
Скажи, не ты ли та счастливая страна,
Гдѣ матушка моя ликуетъ?
Увы! неужель ей, которой небеса
Вручили власть творить различны чудеса,
Невѣдомо теперь, что дочь ея тоскуетъ;
Что крестница ея оставлена отъ всѣхъ
И въ жизни никакихъ не чувствуетъ утѣхъ?
Ахъ, еслибы она хоть глазки показала?"
И съ этой мыслью вдругъ *Всевѣда* ей предстала.
—Здорово, дитятко! *Вѣтранъ* говоритъ:
Какъ поживаешь ты?... Но что твой кажетъ видъ?
Ты такъ стара! такъ похудѣла!
И, бывши розою, какъ лилія блѣдна!
Скажи мнѣ, отчего такъ скоро ты созрѣла?
Откройся...—„Матушка, отвѣтствуетъ она:
Я жизнь мою во скукѣ трачу;
Настанетъ день, тоскую, плачу;
Покроетъ ночь, опять грущу,
И все чего-то я ищу".
—Чего же, свѣтикъ мой? или ты нездорова?
„О! нѣтъ, грѣшно сказать".—Иль домъ вашъ не богатъ?
„Повѣрьте, не хочу ни мраморныхъ палатъ".
—Иль мужъ обычая лихова?
„Напротивъ, врядъ найти другова,
Который бы жену столь горячо любилъ".
—Иль онъ не нравится?—„Нѣтъ, онъ довольно милъ".
—Такъ развѣ отъ своихъ знакомыхъ неспокойна?
„Я болѣе отъ нихъ любима, чѣмъ достойна".
—Чего же, глупенька, тебѣ недостаетъ?
„Признаться, матушка, мнѣ такъ наскучилъ свѣтъ
И такъ я все въ немъ ненавижу,
Что то одно и сплю и вижу,
Чтобъ какъ нибудь попасть отсель

Хотя за *тридевять* земель,
Да только чтобы все въ глазахъ моихъ блистало,
Все новостію поражало
И рѣдкостью мой умъ и взоръ;
Гдѣ-бъ разныхъ дивностей соборъ
Представилъ быль, какъ небылицу...
Короче: дай свою увидѣть мнѣ столицу!"
Старуха хитрая, кивая головой,
Что дѣлать, мыслила, мнѣ съ просьбою такой!
Желанье дерзко... безразсудно,
То правда; но его исполнить мнѣ не трудно;
Зачѣмъ же дурочку отказомъ огорчить!...
Къ тому-жъ, я тѣмъ могу ее и поучить—
—Изрядно! наконецъ сказала.
Исполнится, какъ ты желала.
И вдругъ, о чудеса!
И крестница, и мать взвились подъ небеса
На лучезарной колесницѣ,
Подобной въ быстротѣ синицѣ,
И меньше, нежели въ три мига,
Спустились въ новый міръ, отъ нашего отмѣнный,
Въ которомъ тронъ веснѣ воздвигнутъ неизмѣнный!
Въ немъ рѣки какъ хрусталь, какъ бархатъ берега!
Деревья яблонны, кусточки ананасны,
А горы всѣ или янтарны иль топазны.
Каковъ же Феинъ былъ дворецъ, признаться вамъ,
То врядъ изобразитъ и Богдановичъ [1]) самъ.
Я только то скажу, что всѣ матеріалы
(А впрочемъ, выдаю я это вамъ за слухъ),
Изъ коихъ Феинъ кумъ, какой-то славный духъ,
Дворецъ сей сгромоздилъ: лишь изумрудъ, опалы,
Порфиръ, лазурь, пиропъ, кристаллъ,
Жемчугъ и лаллъ,—

---

[1]) Авторъ поэмы: *Душенька*.

Всѣ, словомъ, рѣдкости богатыя природы,
Какими свадебны набиты Русски оды;
А садъ—повѣрите-ль?—не только описать
Иль въ сказкѣ разсказать,
Но даже и во снѣ его намъ не видать.
Пожалуй, выдумать не трудно:
Но все то будетъ мало, скудно,
Иль много, много что во тьмѣ кудрявыхъ словъ
Удастся Царское Село себѣ представить,
Армидинъ садъ, иль Петергофъ;
Такъ лучше этотъ трудъ оставить
И далѣ продолжать. *Вѣтрана*, николи
Диковинокъ такихъ не видя на земли,
Со изумленьемъ всѣ предметы озираетъ
И мыслитъ, что мечта во снѣ надъ ней играетъ;
Войдя же въ храмины чудесницы своей,
И пуще щурится: то блескъ отъ хрусталей,
Сребристыя луны сражаяся съ лучами,
Которые-бъ почлись за солнечные нами,
Какъ яркой молніей, слѣпитъ *Вѣтранинъ* взоръ;
То перламутръ хруститъ подъ ней, или фарфоръ...
Ахти! опять понесъ великолѣпный вздоръ!
Но быть ужъ такъ, когда пустился.
И такъ, переступя одинъ, другой порогъ,
Лишь къ третьему пришли: богатый вдругъ чертогъ
Не вѣтеркомъ, но самъ собою растворился!
„Ну, дочка, поживай и веселися здѣсь!
Всевѣда говоритъ:—не только дворъ мой весь,
Но даже и духовъ подземныхъ и воздушныхъ,
Велѣніямъ твоимъ послушныхъ,
Даю во власть твою; сама же я, мой свѣтъ,
Отправлюся на мало время—
Вѣдь у меня заботъ беремя—
Къ сестрѣ, съ которою не видѣлась сто лѣтъ;
Она не далеко живетъ отсюда—въ Колѣ;

Да по дорогѣ ужъ оттолѣ
Зайду и къ брату я,
Камчатскому шаману.
Прощай, душа моя.
Надѣюсь, что тебя довольнѣе застану".
Тутъ коврикъ-*самолетъ* она подостлала,
Ступила, свиснула, и вмигъ изъ глазъ ушла,
Какъ будто бы и не была.
А удивленная *Вѣтрана*,
Какъ новая Діана,
Осталась между нимфъ, исполненныхъ заразъ;
Онѣ тотчасъ ее подъ ручки подхватили,
Помчали и за столъ роскошный посадили,
Какого и *виддмъ не видано* у насъ.
Вѣтрана кушаетъ, а дѣвушки прекрасны,
Изъ коихъ каждая почти какъ ты... мила,
Поджавши руки вкругъ стола,
Поютъ ей аріи веселыя и страстны,
Стараясь слухъ ея и сердце услаждать.
Потомъ, она едва задумала вставать,
Вдругъ—дѣвушекъ, стола не стало,
И залы будто не бывало:
Ужъ спальней сдѣлалась она!
Вѣтрана чувствуетъ пріятну томность сна,
Спускается на пухъ, изъ розъ въ сплетенномъ нишѣ;
И въ тотъ же мигъ смычокъ невидимый запѣлъ,
Какъ будто бы самъ Дицъ за пологомъ сидѣлъ;
Смычокъ часъ отъ часу пѣлъ тише, тише, тише,
И вмѣстѣ, наконецъ, съ *Вѣтраною* уснулъ.
Прошла спокойна ночь; натура пробудилась;
Зефиръ вспорхнулъ,
И жертва отъ цвѣтовъ душистыхъ воскурилась;
Взыгралъ и солнца лучъ, и голосъ соловья,
Сліянный съ сладостнымъ журчаніемъ ручья
И съ шумомъ рѣзваго фонтана,

Воспѣлъ: „Проснись, проснись, счастливая *Вѣтрана!*“
Она проснулася—и спальная ужъ садъ,
Жилище райское веселій и прохладъ!
Повсюду чудеса *Вѣтрана* обрѣтала;
Гдѣ только ступитъ лишь, тутъ роза расцвѣтала;
Здѣсь рядомъ передъ ней лимонны дерева,
Тамъ миртовый кустокъ, тамъ нѣжна мурава
Отъ солнечныхъ лучей какъ бархатъ отливаетъ;
Тамъ рѣчка по песку златому протекаетъ;
Тамъ свѣтлаго пруда на днѣ
Мелькаютъ рыбки золотыя;
Тамъ птички гимнъ поютъ природѣ и веснѣ,
И попугаи голубые
Со эхомъ въ запуски твердятъ:
„Вѣтрана! насыщай свой взглядъ!“
А къ полднямъ новая картина:
Садъ превратился въ храмъ,
Украшенный по сторонамъ
Столпами изъ рубина
И съ сводомъ въ видѣ облаковъ
Изъ разныхъ въ хрусталѣ цвѣтовъ.
И вдругъ отъ свода опустился
На розовыхъ цѣпяхъ столъ круглый изъ сребра
Съ такою-жъ пищей, какъ вчера,
И въ воздухѣ остановился;
А подъ *Вѣтраной* очутился
Съ подушкой бархатною тронъ,
Чтобы съ него ей кушать
И пѣніе, какимъ гордился-бъ Амфіонъ,
Тѣхъ Нимфъ, которыя вчера служили, слушать.
„По чести, это рай! Ну, еслибы теперь!—
Вѣтрана думаетъ,—подкрался въ эту дверь...“
И, слова не скончавъ, въ трюмо она взглянула—
Сошла со трона и вздохнула!
Что дѣлала потомъ она во весь тотъ день,

Признаться, сказывать и лѣнь,
И не умѣется, и было бы некстатѣ;
А только объявлю, что въ этой же палатѣ,
Иль въ храмѣ, какъ угодно вамъ,
Былъ и вечерній столъ, приличный лишь богамъ,
И что на утро былъ день новыхъ превращеній
И новыхъ восхищеній;
А на другой день то-жъ.—„Но что это за міръ?
Вѣтрана говоритъ, гармоніи внимая
Висящихъ по стѣнамъ золотострунныхъ лиръ,—
Все эдакъ, то тоска возьметъ и среди рая!
Все чудо изъ чудесъ, куда ни поглядишь;
Но что мнѣ въ томъ, когда товарища не вижу?
Увы! я пуще жизнь мою возненавижу!
Веселье веселитъ, когда его дѣлишь".
Лишь это вымолвить успѣла,
Вдругъ набѣжала тьма, всталъ вихорь, грянулъ громъ,
Ужасна буря заревѣла;
Все рушится, падетъ вверхъ дномъ.
Какъ не бывалъ волшебный домъ,
И бѣдная *Вѣтрана*,
Блѣдна, безгласна, бездыханна,
Стремглавъ летитъ, летитъ, летитъ—
И гдѣ-жъ, вы мыслите, упала?
Средь страшныхъ Муромскихъ лѣсовъ,
Жилища вѣдьмъ, волковъ,
Разбойниковъ и злыхъ духовъ!
Вѣтрана возрыдала,
Когда, опомнившись, узнала,
Куда попалася она;
Всѣ жилки съ страха въ ней дрожали!
Ночь адская была! ни звѣзды, ни луна
Сквозь чернаго ея покрова не мелькали.
Все спитъ;
Лишь воетъ вѣтръ, лишь листъ шумитъ,

Да изъ дупла въ дупло сова перелетаетъ
И изрѣдка въ глуши кукушка занываетъ.
Сиротка думаетъ, идти ли ей, иль нѣтъ,
И ждать, когда луны забрежжетъ блѣдный свѣтъ?
Но это часъ воровъ! И такъ, она рѣшилась
Не мѣшкая итти; и такъ, перекрестилась,
Вздохнула, и пошла по вязкому песку
Со страхомъ и тоскою;
Блѣднѣетъ и дрожитъ, лишь ступитъ шагъ ногою;
Тамъ предвѣщаетъ ей послѣдній часъ: *куку!*
Тамъ лѣшій выставилъ изъ-за деревьевъ роги;
То слышится *ау;* то вспыхнулъ огонёкъ;
То вѣдьма кошкою бросается съ дороги,
Иль кто-то скрылся за пенёкъ;
То по лѣсу раздался хохотъ,
То вой волковъ, то конскій топотъ.
Но сердце въ насъ вѣщунъ: я самъ то испыталъ,
Когда мои стихи въ журналы отдавалъ;
Не даромъ и *Вѣтрана* плачетъ!
Ужъ въ самомъ дѣлѣ кто-то скачетъ
Съ рогатиной въ рукѣ, съ пищалью за плечьми.
„Стой! стой!—онъ гаркаетъ, сверкаючи очьми:
Стой! кто бы ты ни шелъ, по волѣ, иль неволѣ,
Иль свѣта не увидишь болѣ!...
Кто ты?“—нагнавъ ее, онъ грозно продолжалъ.
Но видя, что у ней страхъ губы оковалъ,
Беретъ ее въ охапку
И поперекъ кладетъ сѣдла,
А самъ, надвинувъ шапку,
Припавъ къ лукѣ, летитъ, какъ изъ лука стрѣла,
Летитъ, исполненный отваги,
И *Клязьмы* доскакавъ высокихъ береговъ,
Бухъ прямо съ нимъ въ рѣку, не говоря двухъ словъ;
Вѣтрана-жъ: ахъ!... и пробудилась.
Представьте, какъ она, взглянувши, удивилась!

Вся горница полна людей:
Мужъ въ головахъ стоялъ у ней;
Сестры и тетушки вокругъ ея постели
Въ безмолвіи сидѣли;
Въ углу приходскій попъ молился и читалъ,
Въ другомъ углу колдунъ *досужій* [1]) бормоталъ;
У шкафа-жъ за столомъ, восчанкою накрытымъ,
Прописывалъ рецептъ хирургусъ изъ нѣмчинъ,
Который по Москвѣ считался знаменитымъ,
Затѣмъ, что былъ одинъ.
И все собраніе, *Вѣтраны* съ первымъ взоромъ:
Очнулась! возгласило хоромъ;
Очнулась! повторяетъ хоръ;
Очнулась!—и весь дворъ
Запрыгалъ, заплясалъ, воскликнулъ: слава Богу!
Боярыня жива! нѣтъ горя намъ теперь!
А въ эту самую тревогу
Вошла *Всевѣда* въ дверь
И бросилась къ *Вѣтранѣ*.
„Ахъ, бабушка! зачѣмъ явилась ты не ранѣ?
Вѣтрана говоритъ: гдѣ это я была?
И что я видѣла?... страхъ... ужасъ!“—„Ты спала,
А видѣла лишь бредъ,—*Всевѣда* отвѣчаетъ:—
Прости, развеселясь старуха продолжаетъ,
Прости мнѣ, милая! я видѣла, что ты
По молодости лѣтъ ударилась въ мечты;
И для того, когда ты съ просьбой приступила,
Трехсуточнымъ тебя я сномъ обворожила
И въ сновидѣніяхъ представила тебѣ,
Что мы, всегда чужой завидуя судьбѣ
И новыхъ благъ желая,
Изъ доброй воли въ адъ влечемъ себя изъ рая.

[1]) Въ старину ихъ называли *досужими*. См. Ядро Росс. Истор. Кн. Хилкова.

Гдѣ лучше, какъ въ своей родимой жить семьѣ?
И такъ, впередъ страшись ты покидать ее!
Будь добрая жена и мать чадолюбива
И будешь всѣми ты почтенна и счастлива".
Съ симъ словомъ бросилась *Вѣтрана* обнимать
Супруга, всѣхъ родныхъ и добрую *Всевѣду*;
Потомъ всѣ сродники приглашены къ обѣду;
Наѣхали, нашли и сѣли пировать.
Ужъ липецъ зашипѣлъ, все стало веселѣе,
Всякъ пьетъ и говоритъ, любуясь на бокалъ:
„Что матушки Москвы и краше и милѣе?"—
На силу досказалъ.

IV. БАСНИ.

1) Дубъ и Трость.

Дубъ съ тростію вступилъ однажды въ разговоры:
„Жалѣю, Дубъ сказалъ, склоня къ ней важны взоры,
Жалѣю, Тросточка, объ участи твоей!
Я чаю, для тебя тяжелъ и воробей;
Легчайшій вѣтерокъ, едва струящій воду,
Ужасенъ для тебя, какъ буря въ непогоду,
И гнетъ тебя къ земли;
Тогда какъ я—высокъ, осанистъ, и вдали
Не только Фебовы лучи пересѣкаю,
Но даже бурный вихрь и громы презираю;
Стою, и слышу вкругъ спокойно трескъ и стонъ;
Все для меня Зефиръ, тебѣ-жъ все Аквилонъ.
Блаженна-бъ ты была, когда-бъ росла со мною:
Подъ тѣнію моей густою
Ты-бъ не страшилась бурь; но рокъ тебѣ судилъ
Расти, на мѣсто злачна дола,
На топкихъ берегахъ владычества Эола.
По чести, и въ меня твой жребій грусть вселилъ“.
—„Ты очень жалостливъ, Трость Дубу отвѣчала:
Но, право, о себѣ еще я не вздыхала,
Да не о чемъ и воздыхать:
Мнѣ вѣтры менѣе, чѣмъ для тебя опасны.
Хотя порывы ихъ ужасны
И не могли тебя досель поколебать,

Но подождемъ конца“. Съ симъ словомъ вдругъ завыла
Отъ сѣвера гроза и небо помрачила;
Ударилъ грозный вѣтръ—все рушитъ и валитъ.
Летитъ, кружится листъ; Трость гнется—Дубъ стоитъ.
Вѣтръ, пуще воружась, изъ всей ударилъ мочи,
И тотъ, на коего съ трудомъ взирали очи,
Кто ада и небесъ едва не досягалъ—
Упалъ!

2) Пѣтухъ, Котъ и Мышенокъ.

О дѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта!

Мышенокъ, не видавшій свѣта,
Попалъ-было въ бѣду, и вотъ какъ онъ объ ней
Разсказывалъ въ семьѣ своей.
„Оставя нашу нору
И перебравшися чрезъ гору,
Границу нашихъ странъ, пустился я бѣжать,
Какъ молодой мышенокъ,
Который хочетъ показать,
Что онъ ужъ не ребенокъ.
Вдругъ съ розмаху на двухъ животныхъ набѣжалъ:
Какіе звѣри, самъ не зналъ;
Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступалъ,
Такъ миловиденъ былъ собою!
Другой: нахалъ, крикунъ; теперь лишь будто съ бою;
Весь въ перьяхъ; у него косматый крюкомъ хвостъ;
Надъ самымъ лбомъ дрожитъ наростъ
Какой-то огненнаго цвѣта,
И будто двѣ руки, служащи для полета;
Онъ ими такъ махалъ
И такъ ужасно горло дралъ,
Что я, таки не трусъ, а подавай богъ ноги—
Скорѣе отъ него съ дороги.

Какъ больно! безъ него я вѣрно бы въ другомъ
Нашелъ наставника и друга!
Въ глазахъ его была написана услуга;
Какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ!
Съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры,
Смиренны, кроткіе, но полные огня!
Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня;
Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
А уши, какъ у насъ, и я по нимъ сужу,
Что у него должна быть симпатія съ нами,
Высокородными Мышами".
—А я тебѣ на то скажу,—
Мышенка мать остановила:—
Что этотъ доброхотъ,
Котораго тебя наружность такъ прельстила,
Смиренникъ этотъ... Котъ!
Подъ видомъ кротости, онъ врагъ нашъ, злой губитель;
Другой же былъ Пѣтухъ, миролюбивый житель.
Не только отъ него не видимъ мы вреда,
Иль огорченья,
Но самъ онъ пищей намъ бываетъ иногда.
Впередъ по виду ты не дѣлай заключенья.

3) Чижикъ и Зяблица.

Чижикъ свилъ себѣ гнѣздо и, сидя въ немъ, поетъ:
„Ахъ! скоро-ль солнышко взойдетъ,
И съ домикомъ меня застанетъ?
Ахъ! скоро-ли оно проглянетъ?
Но вотъ ужъ и взошло! какъ тихо и красно!
Какая въ воздухѣ, въ дыханьѣ, въ жизни сладость:
Ахъ! я такого дня не видывалъ давно".
Но безъ товарища и радость намъ не въ радость:
Желаешь для себя, а ищешь раздѣлить!
„Любезна Зяблица!—кричитъ мой Чижъ сосѣдкѣ,

Смиренно прикорнувшей къ вѣткѣ:
Что ты задумалась? давай-ка день хвалить!
Смотри, какъ солнышко...“ Но солнце вдругъ сокрылось,
И небо тучами отвсюду обложилось;
Всѣ птицы спрятались, кто въ гнѣзды, кто въ рѣку,
Лишь галки стаями гуляютъ по песку
И крикомъ бурю вызываютъ,
Да ласточки еще надъ озеромъ летаютъ;
Быкъ, шею вытянувъ, подъ плугомъ заревѣлъ,
А конь, поднявши хвостъ и разметавши гриву,
Ржетъ, пышетъ и летитъ чрезъ ниву.
И вдругъ ужасный вихрь со свистомъ воcшумѣлъ,
Со трескомъ грянулъ громъ, ударилъ дождь со градомъ,
И пали пастухи со стадомъ.
Потомъ прошла гроза и солнце расцвѣло,
Все стало ярче и свѣтлѣе,
Цвѣты душистѣе, деревья зеленѣе—
Лишь домикъ у Чижа куда-то занесло.
О бѣдненькій мой Чижъ! Онъ, мокрыми крылами
Насилу шевеля, къ сосѣдушкѣ летитъ
И ей со вздохомъ и слезами,
Носокъ повѣся, говоритъ:
„Ахъ, всякъ своей бѣдой ума себѣ прикупитъ:
Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ“.

4) Лиса проповѣдница.

Разбитая параличемъ
И одержимая на старости подагрой
И хирагрой,
Всѣмъ тѣломъ дряхлая, но бодрая умомъ
И въ логикѣ своей изъ первыхъ мастерица,
Лисица
Уединилася отъ свѣта и отъ зла
И проповѣдывать въ пустыню перешла.

Тамъ кроткія свои бесѣды растворяла
Хвалой воздержности, смиренью, правотѣ;
То плакала, то воздыхала
О братіи, въ мірской утопшей суетѣ;
А братій и всего на проповѣдь сбиралось
Пять, шесть на-перечётъ,
А иногда случалось
И менѣе того, и то Сурокъ, да Кротъ,
Да двѣ, три набожныя Лани,
Звѣришки бѣдные, безъ связей, безъ подпоръ;
Какой же ожидать отъ нихъ Лисицѣ дани?
Но Лисій дальновиденъ взоръ:
Она перемѣнила струны:
Взяла суровый видъ и бросила перуны
На кровожаждущихъ Медвѣдей и Волковъ,
На тигровъ, даже и на Львовъ!
Что-жъ? слушателей тьма стекласся,
И слава о ея витійствѣ донеслася
До самого Царя звѣрей,
Который, не смотря, что онъ породы львиной,
Безъ шума управлялъ подвластною скотиной
И въ благочестіе вдался подъ старость дней.
„Послушаемъ Лису! Левъ молвилъ: что за диво?“
За словомъ вслѣдъ указъ;
И въ сутки, ежели не лживо
Историкъ увѣряетъ насъ,
Лиса привезена и проповѣдь сказала.
Какую-жъ проповѣдь? Изъ кожи лѣзла вонъ!
Въ тирановъ громъ она бросала,
А въ страждущихъ отъ нихъ духъ бодрости вливала
И упованіе на время и законъ.
Придворные оцѣпенѣли:
Какъ можно при дворѣ такъ дерзко говорить!
Другъ на друга глядятъ, но говорить не смѣли,
Смекнувъ, что Царь Лису изволилъ похвалить.

*

Какъ новость, иногда и правда намъ по нраву!
Короче вамъ: Лиса вошла и въ честь, и славу;
Царь Левъ, давъ лапу ей, привѣтливо сказалъ:
„Тобой я истину позналъ,
И болѣ прежняго гнушаться сталъ пороковъ;
Чего-жъ ты требуешь во мзду твоихъ уроковъ?
Скажи, безъ всякаго зазрѣнья и стыда;
Я твой должникъ".—Лиса, глядь, глядь туда, сюда,
Какъ будто совѣсти почувствуя улику:
„Всещедрый Царь-отецъ!
Отвѣтствовала Льву съ запинкой наконецъ:
Индѣекъ... *малую толику*".

5) Ласточка и Птички.

Летунья Ласточка и тамъ и сямъ бывала,
Про многое слыхала
И многое видала,
А потому она
И болѣ многихъ знала.
Пришла весна
И стали сѣять ленъ.—„Не по сердцу мнѣ это!
Пичужечкамъ она твердитъ:
Сама я не боюсь, но васъ жаль; придетъ лѣто,
И это сѣмя вамъ напасти породитъ;
Произведетъ силки и сѣтки,
И будетъ вамъ виной
Иль смерти, иль неволи злой;
Страшитесь вертела и клѣтки!
Но умъ поправитъ все, и вотъ его совѣтъ:
Слетитесь на загонъ и выклюйте все сѣмя".
—Пустое!—разсмѣясь вскричало мелко племя:
Какъ будто намъ въ поляхъ другого корма нѣтъ!—
Чрезъ сколько дней потомъ, не знаю,
Ленъ вышелъ, началъ зеленѣть,

А птичка ту же пѣсню пѣть.
„Эй худу быть! еще вамъ, птички, предвѣщаю:
Не дайте льну созрѣть;
Вонъ съ корнемъ! или вамъ придетъ дождаться лиха!“
—Молчи, зловѣщая вралиха!
Вскричали птички ей:—
Ты думаешь легко выщипывать все поле!
Еще прошло десятокъ дней,
А можетъ и гораздо болѣ,
Ленъ выросъ и созрѣлъ.
„Ну, птички, вотъ ужъ ленъ поспѣлъ,
Какъ хочете меня зовите—
Сказала Ласточка: а я въ послѣдній разъ
Еще пришла наставить васъ:
Теперь того и ждите,
Что пахари начнутъ хлѣбъ съ поля убирать,
А послѣ съ вами воевать:
Силками васъ ловить, изъ ружей убивать
И сѣтью накрывать;
Избавиться такого бѣдства
Другого нѣтъ вамъ средства,
Какъ далѣ, далѣ прочь. Но вы не Журавли,
Для васъ вѣдь море край земли;
Такъ лучше ближе пріютиться,
Забиться въ гнѣздышко, да въ немъ не шевелиться“.
—Пошла, пошла! другихъ стращай
Своимъ ты вздоромъ!
Вскричали пташечки ей хоромъ:
А намъ гулять ты не мѣшай.—
И такъ онѣ въ поляхъ летали, да летали,
Да въ клѣтку и попали.

—

Всякъ только своему разсудку вслѣдъ идетъ:
А вѣруетъ бѣдѣ не прежде, какъ придетъ.

6) Часовая стрѣлка.

„Кто равенъ мнѣ? Солдатъ, любовникъ, сочинитель,
И сторожъ, и министръ, и алтарей служитель,
И докторъ, и больной, и самый государь—
Всѣ чувствуютъ, что я важнѣй, чѣмъ календарь!
Я каждому изъ нихъ минуты означаю;
Дѣля и день и ночь, я время измѣряю!"—
Такъ, видя на нее зѣвающій народъ,
Хвалилась Стрѣлка часовая,
Межъ тѣмъ какъ бѣдная пружина, продолжая
Невидимый свой путь, давала Стрѣлкѣ ходъ!

—

Пружина—Секретарь, а Стрѣлка, между нами...
Но вы умны: смекайте сами.

7) Человѣкъ и Конь.

Читатели! хотите-ль знать,
Какъ лошадь намъ покорна стала?
Когда семья людей за лакомство считала
Коренья, жолуди жевать;
Когда еще не такъ, какъ нынѣ,
Не знали ни каретъ, ни шоръ, ни хомутовъ;
На стойлахъ не было коней, ни лошаковъ,
И вольно было жить, гдѣ хочешь, всей скотинѣ:
Въ тѣ времена Олень, поссорившись съ Конемъ,
Пырнулъ его рогами.
Конь былъ и самъ съ огнемъ,
И могъ бы отплатить, да на бѣду ногами
Не такъ проворенъ, какъ Олень;
Гоняяся за нимъ напрасно, сталъ онъ въ пень.
Что дѣлать? Мщеніе отъ вѣка
Пружина важная сердецъ;
И Конь прибѣгнулъ наконецъ

Къ искусству Человѣка.
А тотъ и радъ служить: скотину онъ взнуздалъ,
Вспрыгнулъ къ ней на спину и столько рыси далъ,
Что прыткій нашъ Олень въ минуту сталъ ихъ жертвой:
Настигнутъ, пораженъ и палъ предъ ними мертвый.
Тогда помощника она благодаритъ:
„Ты мой спаситель! говоритъ:
Мнѣ не забыть того, пока жива я буду;
А между тѣмъ... уже не въ мочь моей спинѣ,
Нельзя-ль сойти съ меня? Пора мнѣ въ степь отсюду!"
—Зачѣмъ же не ко мнѣ?
Сказалъ ей Человѣкъ: въ степи какой ждать холи?
А у меня живи въ опрятствѣ и красѣ
И по брюхо всегда въ овсѣ.—
Увы! что сладкій вкусъ, когда нѣтъ милой воли!
Увидѣлъ бѣдный Конь и самъ, что сглуповалъ,
Да поздно: подъ ярмомъ состарѣлся и палъ.

8) Лебедь и Гагары.

За то, что Лебедь такъ и бѣлъ и величавъ,
Гагары на него изъ зависти напали
И, крылья тиной замаравъ,
Вкругъ Лебедя тѣснясь, нарочно отряхали
И брызгами его марали!
Но Лебедю вреда не сдѣлали онѣ!
Онъ въ воду погрузился—
И въ прежней бѣлизнѣ
Съ величествомъ явился.

—

Гагары въ прозѣ и въ стихахъ!
Возитесь, какъ хотите,
Но, право, истинный талантъ не помрачите;
Удѣлъ его: сіять въ вѣкахъ.

9) Ружье и Заяцъ.

Трусливыхъ наберешь не мало
Отъ скорохода до щенка;
Но Зайца никого трусливѣй не бывало.
Увидя онъ Ружье, которое лежало
Въ ногахъ у спящаго стрѣлка,
Такъ испугался,
Что даже и бѣжать съ душою не собрался,
А только сжался
И, уши на спину, моргая носомъ, ждетъ,
Что вмигъ Ружье убьетъ.
Проходитъ полчаса—перунъ еще не грянулъ:
Прошелъ и часъ—перунъ молчитъ,
А Заяцъ веселѣй глядитъ;
Потомъ, поободрясь, воспрянулъ,
Бросаетъ любопытный взглядъ—
Прыжокъ впередъ, прыжокъ назадъ—
И наконецъ къ Ружью подходитъ.
„Такъ это, говоритъ, на Зайца страхъ наводитъ?
Посмотримъ ближе... да оно
Какъ мертвое лежитъ, не говоритъ ни слова!
Ага! хозяинъ спитъ—такъ и ружье равно
Безсильно, какъ лоза, безъ помощи другова“.
Сказавши это, Заяцъ мой
Въ минуту сталъ и самъ герой:
Храбрится, и Ружье ужъ лапою толкаетъ.
—Прочь бѣдна тварь!—Ружье молчанье прерываетъ:
Или не знаешь ты, что я лишь захочу,
Сейчасъ тебя въ ничто за дерзость превращу?
Отъ грома моего и Левъ побѣдоносный,
И кровожадный Тигръ со трепетомъ бѣгутъ;
Бѣги и ты, звѣрокъ несносный,
Иль молніи мои тебя сожгутъ!
„Не такъ-то строго!

От Зайца был Ружью ответ:
Ведь ныне умудрился свет,
И между Зайцами трусливых уж немного.
Ты страшно лишь в руках Стрелка, а без него
Ты ничего".

—

Ничто и ты, закон!—подумает читатель—
Когда не бодрствует, но дремлет Председатель.

10) Орел, Кит, Уж и Устрица.

Орел парил под облаками,
Кит волны разсекал, а Уж полз по земли,
И все, что редкость между нами,
О том и думать не могли,
Чтоб позавидовать чужой на свете доле.
Однако говорить и мыслить в нашей воле.
И Устрица моя нимало не винна,
Что, глядя на того, другого,
Возстала на судьбу она.
„Возможно-ль!—думает, неужель никакого
Таланта не дано лишь только мне одной?
Дай полечу и я!.. Нет, это дар не мой;
Дай поплыву!"—Все идет хило.
„Хоть поползем".—Не тут-то было!
А что и этого досаднее сто раз:
Подкрался водолаз,
Который видно, что подслушал,
Схватил ее, да в рот, и на здоровье скушал.

—

Вот так-то весь наш век
В пустых желаньях погибает,
И редкій человек
Доволен участью бывает.
„Изрядно, но... авось и лучшее найду".
А смотришь: и нашел беду!

11) Каретныя Лошади.

Двѣ Лошади везли карету;
Оселъ, увидя ихъ, сказалъ:
„Съ какою завистью смотрю на пару эту!
Нѣтъ дня, чтобъ гдѣ нибудь ея я не встрѣчалъ;
Все вмѣстѣ: видно очень дружны!“—
—Дуракъ, дуракъ! при всей длинѣ своихъ ушей!
Сказала вслѣдъ ему одна изъ Лошадей:
Ты только лишь глядишь на признаки наружны;
Диковинка-ль, всегда въ упряжкѣ быть одной,
А розно жить душой?
Увы! не намъ чета живутъ на насъ похоже.

—

Вчера мнѣ Хлоинъ мужъ шепнулъ въ собраньи то же.

12) Два Голубя.

Два Голубя друзьями были,
Издавна вмѣстѣ жили
И кушали и пили.
Соскучился одинъ все видѣть то-жъ, да то-жъ:
Задумалъ погулять и другу въ томъ открылся.
Тому вѣсть эта—острый ножъ;
Онъ вздрогнулъ, прослезился
И къ другу возопилъ:
„Помилуй, братецъ, чѣмъ меня ты поразилъ?
Легко-ль въ разлукѣ быть?... тебѣ легко, жестокій!
Я знаю; ахъ! а мнѣ... я съ горести глубокой
И дня не проживу... къ тому же разсуди,
Такая ли пора, чтобъ въ странствіе пускаться?
Хоть до Зефировъ ты, голубчикъ, погоди!
Къ чему спѣшить? еще успѣемъ мы разстаться!
Теперь лишь Воронъ прокричалъ,
И безъ сомнѣнія—страшуся я безмѣрно!—

Какой нибудь изъ птицъ напасть онъ предвѣщалъ,
А сердце въ горести и пуще имовѣрно [1])?
Когда разстанусь я съ тобой,
То будетъ каждый день мнѣ угрожать бѣдой:
То Ястребомъ лихимъ, то лютыми стрѣлками,
То Коршунами, то силками—
Все злое сердце мнѣ на память приведетъ.
Ахти мнѣ! я скажу, вздохнувши, дождь идетъ!
Здоровъ ли то мой другъ? не терпитъ ли онъ холодъ?
Не чувствуетъ ли голодъ?
И мало ли чего не вздумаю тогда!"—
Безумцамъ умна рѣчь, какъ въ ручейкѣ вода:
Журчитъ и мимо протекаетъ.
Затѣйникъ слушаетъ, вздыхаетъ,
А все-таки летѣть желаетъ.
„Нѣтъ, братецъ, такъ и быть, сказалъ онъ, полечу!
Но вѣрь, что я тебя крушить не захочу;
Не плачь; пройдетъ дни три, и буду я съ тобою
Клевать
И ворковать
Опять подъ кровлею одною;
Начну разсказывать тебѣ по вечерамъ—
Вѣдь все одно да то-жъ приговорится намъ—
Что видѣлъ я, гдѣ былъ, гдѣ хорошо, гдѣ худо;
Скажу: я тамъ-то былъ, такое видѣлъ чудо,
А тамъ случилось то со мной—
А ты, дружечекъ мой,
Наслушаясь меня, такъ свѣдущъ будешь къ лѣту,
Какъ будто бы и самъ гулялъ по бѣлу свѣту.
Прости-жъ!"—При сихъ словахъ
На мѣсто всѣхъ *увы!* и *ахъ!*
Друзья взглянулись, поклевались,
Вздохнули и разстались.

[1]) Въ смыслѣ: довѣрчиво.

Одинъ, носокъ повѣся, сѣлъ;
Другой вспорхнулъ, взвился, летитъ, летитъ стрѣлою,
И вѣрно-бъ сгоряча край свѣта залетѣлъ;
Но вдругъ покрылось небо мглою,
И прямо страннику въ глаза
Изъ тучи ливный дождь, градъ, вихрь, сказать вамъ словомъ,
Со всею свитою, какъ водится, гроза!
При случаѣ такомъ опасномъ, хоть не новомъ,
Голубчикъ поскорѣй садится на сучокъ,
И радъ еще тому, что только лишь измокъ.
Гроза утихнула, Голубчикъ обсушился
И въ путь опять пустился.
Летитъ и видитъ съ высока:
Разсыпано пшено, а возлѣ—Голубка;
Садится, и въ минуту
Запутался въ сѣтò; но сѣть была худа,
Такъ онъ противъ нее носкомъ вооружился;
То имъ, то ножкою тянувъ, тянувъ, пробился
Изъ сѣти безъ вреда,
Съ утратой перьевъ лишь. Но это ли бѣда?
Къ усугубленью страха,
Явился вдругъ Соколъ, и, со всего размаха,
Напалъ на бѣдняка,
Который, какъ злодѣй, опутанъ кандалами,
Тащилъ съ собой снурокъ съ обрывками силка.
Но къ счастью тутъ Орелъ съ широкими крылами
Для встрѣчи Сокола спустился съ облаковъ;
И такъ, благодаря стеченію воровъ,
Нашъ путникъ Соколу въ добычу не достался;
Однако все еще съ бѣдой не развязался:
Въ испугѣ потерявъ и умъ, и зоркость глазъ,
Задѣлъ за кровлю онъ какъ-разъ
И вывихнулъ крыло; потомъ въ него мальчишка—
Знать голубиный былъ и въ томъ еще умишка—
Для шутки камешекъ лукнулъ

И такъ его зашибъ, что чуть онъ отдохнулъ;
Потомъ... потомъ, проклявъ себя, судьбу, дорогу,
Рѣшился бресть назадъ, полмертвый, полхромой,
И прибылъ наконецъ калѣкою домой,
Таща свое крыло и волочивши ногу.

—

О вы, которыхъ богъ любви соединилъ!
Хотите-ль странствовать? Забудьте гордый Нилъ
И далѣ ближняго ручья не разлучайтесь.
Чѣмъ любоваться вамъ? другъ другомъ восхищайтесь!
Пускай одинъ въ другомъ находитъ каждый часъ
Прекрасный, новый міръ, всегда разнообразный!
Бываетъ ли въ любви хоть мигъ для сердца праздный?
Любовь, повѣрьте мнѣ, все замѣнитъ для васъ.
Я самъ любилъ: тогда за лугъ уединенный,
Присутствіемъ моей подруги озаренный,
Я не хотѣлъ бы взять ни мраморныхъ палатъ,
Ни царства въ небесахъ!... Придете-ль вы назадъ,
Минуты радостей, минуты восхищеній?
Иль буду я однимъ воспоминаньемъ жить?
Ужель прошла пора столь милыхъ обольщеній,
И полно мнѣ любить?

13) Орелъ и Змѣя.

Орелъ изъ области громовъ
Спустился отдохнуть на лугъ среди цвѣтовъ
И встрѣтилъ тамъ Змѣю, ползущую по праху.
Завистливая тварь
Шипитъ, и на Орла кидается съ размаху.
Что-жъ дѣлаетъ пернатыхъ Царь?
Бросаетъ гордый взглядъ, и къ солнцу возлетаетъ.

—

Такъ Геній своему хулителю отмщаетъ.

14) Змѣя и Піявица.

„Какъ я несчастна
И какъ завидна часть твоя!—
Однажды говоритъ Піявицѣ Змѣя:
Ты у людей въ чести, а я для нихъ ужасна;
Тебѣ охотно кровь свою даютъ,
Меня же всѣ бѣгутъ и, если могутъ, бьютъ;
А кажется, равно мы съ ними поступаемъ:
И ты, и я: людей кусаемъ".
—Конечно! былъ на то Піявицынъ отвѣтъ:—
Да въ цѣли нашей сходства нѣтъ;
Я, напримѣръ, людей къ ихъ пользѣ уязвляю,
А ты для ихъ вреда;
Я множество больныхъ чрезъ это исцѣляю,
А ты и небольнымъ смертельна завсегда.
Спроси самихъ людей: всѣ скажутъ, что я права,—
Я имъ лѣкарство, ты—отрава.

—

Смыслъ этой басенки встрѣчается тотчасъ:
Не то ли Критика съ Сатирою у насъ?

15) Мудрецъ и Поселянинъ.

Какъ я люблю моихъ героевъ воспѣвать!
Не знаю, могутъ ли они меня прославить;
Но мнѣ ихъ тяжело оставить.
Съ животными я радъ всечасно лепетать
И вѣкъ мой коротать;
Люблю ихъ общество!—Согласенъ я, конечно,
Есть и у нихъ свой плутъ, сутяга и пролазъ,
И хуже этого; но я чистосердечно
Скажу вамъ между насъ:
Опаснѣй тварей всѣхъ словесную считаю,
И плутъ за плута—я Лису предпочитаю!

Такихъ же мыслей былъ покойникъ мой землякъ,
Не авторъ, ниже чтецъ, однако не дуракъ,—
Честнѣйшій человѣкъ, оракулъ всей округи.
Отецъ ли огорченъ, размолвятся-ль супруги,
Торгашъ ли заведетъ съ товарищемъ разсчетъ,
Сиротка-ль своего лишается наслѣдства:
Всѣмъ нужда до его совѣтовъ иль посредства.
Какъ важно иногда судилъ онъ у воротъ
На лавкѣ, окруженъ согласною семьею,
Дѣтьми и внуками, друзьями и роднею!
„Ты правъ! ты виноватъ!“ бывало скажетъ онъ,
И этотъ приговоръ былъ силенъ, какъ законъ;
И ни одинъ не смѣлъ, ни впрямь, ни стороною,
Скрыть правды предъ его почтенной сѣдиною.
Однажды, помню я, имѣлъ съ нимъ разговоръ
Проѣзжій моралистъ, натуры испытатель.
„Скажи мнѣ, онъ спросилъ, какой тебя писатель
Наставилъ мудрости? какихъ монарховъ дворъ
Открылъ передъ тобой всѣ таинства правленья?
Зенона-ль строгаго держался ты ученья,
Иль Пиѳагоровымъ послѣдовалъ стопамъ?
У Эпикура ли быть счастливымъ учился,
Или божественнымъ Платономъ озарился?“
—А я ихъ и не зналъ ниже по именамъ!—
Отвѣтствуетъ ему смиренно сельскій житель:
Природа мнѣ—букварь, а сердце—мой учитель.
Вселенну населилъ животными Творецъ;
Въ наукѣ нравственной я ихъ бралъ въ образецъ:
У кроткихъ голубковъ я перенялъ быть нѣжнымъ;
У муравья къ труду прилежнымъ
И на зиму запасъ копить;
Воломъ я наученъ терпѣнью;
Овечкою—смиренью;
Собакой—неусыпнымъ быть;
А еслибъ мы дѣтей невольно не любили,

То куры бы меня любить ихъ научили;
По мнѣ же, такъ легко и всякаго любить!
Я зависти не знаю;
Доволенъ тѣмъ, что есть—богатый пусть богатъ,
А бѣднаго всегда, какъ брата, обнимаю,
И съ нимъ дѣлиться радъ;
Стараюсь, наконецъ, разсудка быть подъ властью,
И только—вотъ и вся моя наука счастью!

16) Муха.

Быкъ съ плугомъ на покой тащился по трудахъ,
А Муха у него сидѣла на рогахъ
И Муху же они дорогой повстрѣчали.
Откуда ты, сестра?—отъ этой былъ вопросъ.
А та, поднявши носъ,
Въ отвѣтъ ей говоритъ: „Откуда?—мы пахали!"

—

Отъ басни завсегда
Нечаянно дойдешь до были.
Случалось ли подчасъ вамъ слышать, господа:
„Мы сбили! мы рѣшили!"

17) Два друга.

Давно уже, давно два друга гдѣ-то жили,
Одну имѣли мысль, одно они любили,
И каждый часъ
Другъ съ друга не спускали глазъ;
Все вмѣстѣ; только ночь одна ихъ разводила;
Но нѣтъ: и въ ночь душа съ душою говорила.
Однажды одному приснился страшный сонъ;
Онъ вмигъ изъ дому вонъ,
Бѣжитъ встревоженный ко другу
И будитъ.—Тотъ вскочилъ:

„Какую требуешь услугу?“
Смутясь, онъ говорилъ:
„Такъ рано никогда мой другъ не пробуждался!
Что значитъ твой приходъ? Иль въ карты проигрался?
Вотъ вся моя казна! Иль кѣмъ ты огорченъ?
Вотъ шпага! я бѣгу—умру, иль ты отмщенъ!“
—„Нѣтъ, нѣтъ, благодарю; не это, ни другое,
Другъ нѣжный отвѣчалъ: останься ты въ покоѣ;
Проклятый сонъ всему виной!
Мнѣ снилось на зарѣ, что другъ печаленъ мой,
И я... я столько тѣмъ смутился,
Что тотчасъ пробудился
И прибѣжалъ къ тебѣ, чтобъ успокоить духъ“.

—

Какой безцѣнный даръ—прямой, сердечный другъ!
Онъ всякія къ твоей услугѣ ищетъ средства:
Отгадываетъ грусть, предупреждаетъ бѣдства;
Его бездѣлка, сонъ, ничто, приводитъ въ страхъ,
Другъ въ сердцѣ, другъ въ умѣ—и онъ же на устахъ!

18) Слѣпецъ и Разслабленный.

„И ты несчастливъ!... дай же руку!
Начнемъ другъ другу помогать.
Ты скажешь: есть кому мнѣ вздохъ мой передать;
А я скажу: мою онъ знаетъ грусть и муку—
И легче будетъ намъ“.
Такъ говорилъ мудрецъ Востока,
И вотъ его же притча вамъ.

—

Два были нищіе, и оба властью рока
Лишенны были средствъ купить трудами хлѣбъ;
Одинъ былъ слѣпъ,
Другой разслабленный; желаютъ смерти оба;
Но горемыки здѣсь, какъ дара, ждутъ и гроба:

На помощь къ нимъ и смерть нейдетъ.
Разслабленный конца своимъ страданьямъ ждетъ
На голой мостовой, снося и жаръ, и холодъ,
Всего же чаще голодъ
И нечувствительность румяныхъ богачей.
Слѣпецъ равно терпѣлъ, или еще и болѣ:
Тотъ могъ, хотя вдали, въ день лѣтній видѣть поле,
А для него ужъ нѣтъ и солнечныхъ лучей!
Вся жизнь—глубока ночь, и скоро-ль разсвѣтаетъ,
Увы! не знаетъ.
Одной собачкой онъ былъ искренно любимъ,
Ласкаемъ и водимъ;
И ту какіе-то злодѣи не украли,
А нагло отъ него веревки отвязали
И увели съ собой.
Слѣпецъ случайно очутился
На томъ же мѣстѣ, гдѣ разслабленный томился;
Онъ слышитъ стонъ его, и самъ пускаетъ вздохъ.
„Товарищъ! говоритъ, несчастныхъ сводитъ Богъ;
Намъ должно побрататься,
Имѣть одну суму
И вмѣстѣ горевать. Не станемъ разлучаться!“
—Согласенъ, отвѣчалъ разслабленный ему:
Но, добрая душа! какою мы подмогой
Другъ другу можемъ быть? ты слѣпъ, а я безногій!
Что-жъ будемъ дѣлать мы? еще тебѣ скажу.
„Какъ! подхватилъ слѣпецъ: ты зрячъ, а я хожу;
Такъ ты ссужай меня глазами,
А я съ охотою ссужусь тебѣ ногами;
Ты за меня гляди, я за тебя пойду—
И будетъ каждый такъ служить въ свою чреду“.

19) Отецъ съ Сыномъ.

—Скажите, батюшка, какъ счастія добиться?
Сынъ спрашивалъ отца. А тотъ ему въ отвѣтъ:

„Дороги лучшей нѣтъ,
Какъ тѣломъ и умомъ трудиться,
Служа отечеству, согражданамъ своимъ,
И чаще быть съ перомъ и книгой,
Когда быть дѣльными хотимъ“.
—Ахъ, это тяжело! какъ легче бы?—„Интригой,
Втираться жабой и ужомъ
Къ тому, кто при дворѣ фортуной вознесется...“
—А это низко!—„Ну, такъ просто... быть глупцомъ:
И этакъ многимъ удается“.

20) Супъ изъ костей.

„О времена! о времена!
Собака, выходя изъ кухни, горько выла:
Прощайся и съ костьми! будь вѣчно голодна,
И околѣй за то, что съ вѣрностью служила!
Вотъ дождались какихъ мы дней!
Безвременная смерть! ужъ нѣтъ намъ и костей!“
—Да гдѣ-жъ онѣ? вопросъ ей сдѣлала другая,
Собака пожилая,
Прикована подлѣ воротъ.
„Въ котлѣ, да не для насъ, а для самихъ господъ
Какой-то выдумщикъ, злодѣй собачью роду,
И вѣрно ужъ французъ, пустилъ и кости въ моду!
Онъ выдумалъ изъ нихъ дешевый супъ варить,
И хочется имъ людей кормить,
А намъ уже ни кости!
Я тресну съ голода и злости!“
—А мой совѣтъ, сказалъ на привязи мудрецъ:
Въ молчаніи терпѣть, пока судьба сурова!
Вѣдь этотъ случай намъ не первый образецъ:
Большой всегда на счетъ меньшого.

*

21) Пчела и Муха.

„Здорово, душенька! влетя въ окно, Пчела
Такъ Мухѣ говорила:
Сказать ли вѣсточку? Какой я сотъ слѣпила!
Мой медъ прозрачнѣе стекла;
И какъ душистъ! какъ сладокъ, вкусенъ!“.
—Повѣрю, Муха ей отвѣтствуетъ: вашъ родъ
Природно въ томъ искусенъ;
А я хотѣла-бъ знать, каковъ-то будетъ плодъ,
Продлятся ли жары?—„Да! что-то будетъ съ медомъ?“
—Ахъ! этотъ медъ, да медъ, твоимъ всегдашнимъ бредомъ
„Да для того, что медъ...“—Опять? нѣтъ силъ терпѣть,
Какое малодушье!
Я, право, получу отъ словъ твоихъ удушье.
„Удушье? ничего! съѣсть меду, да вспотѣть,
И все пройдетъ; мой медъ...“—Чтобъ быть тебѣ безъ жала!
Съ досадой Муха ей сказала:
Сокройся въ улій свой, вралиха, иль молчи!

—

О эгоисты-рифмачи!

22) Слонъ и Мышь.

Какъ ни великъ и силенъ Слонъ,
Однако же и онъ
Пойманъ мудростью людскою:
Превосходительный тяжелою стопою
Ступилъ по хворосту, и провалился въ ровъ.
Чрезъ часъ потомъ и Мышь подверглась той же долѣ.
Но Мышкѣ тамъ просторъ; она, не тратя словъ,
Пошла карабкаться, и выпрыгнула въ поле;
А великанъ мой, ставъ по нуждѣ философъ,
Не могши въ западнѣ ниже пошевелиться:
„Увы! кричитъ, къ чему ведетъ насъ толщина?

Что въ ростѣ? Мелочнымъ не страхъ и провалиться,
И Мышка въ западнѣ свободнѣе Слона!“

23) Быкъ и Корова.

„Какъ жалокъ ты!—Быку Корова говорила:
Судьба тебя на трудъ всегдашній осудила“.
На утро повели Корову на убой,
Къ закланію богамъ. Быкъ, вспомня рѣчь вчерашню,
„Гордись, красавица,—сказалъ,—твоей судьбой:
Ты къ алтарямъ идешь, а я—опять на пашню“.

24) Бобръ, Кабанъ и Горностай.

Кабанъ, да Бобръ и Горностай
Стакнулись къ выгодамъ искать себѣ дороги.
По долгомъ странствіи, въ пути отбивши ноги,
Приходятъ наконецъ въ обѣтованный край,
Привольный для всего; однакожъ этотъ рай
Былъ окруженъ болотомъ,
Вмѣстилищемъ и жабъ и змѣй.
Что дѣлать? Никакимъ не можно изворотомъ
Болота миновать, а кто себѣ злодѣй?
Кому охотно жизнь отваживать безъ славы?
Въ раздумьи путники стоятъ у переправы.
Осмѣлюсь, Горностай помыслилъ, и слегка
Онъ лапку въ бродъ и вонъ, и одаль въ два прыжка:
„Нѣтъ! братцы,—говоритъ,—по совѣсти признаться,
Со всѣмъ обиліемъ край этотъ нехорошъ;
Чтобъ входъ къ нему найти, такъ должно замараться,
А мнѣ и пятнышко ужаснѣе, чѣмъ ножъ!“
—Ребята! Бобръ сказалъ, съ терпѣньемъ
И умѣньемъ
Добьешься до всего; я въ двѣ недѣли мостъ
Исправный здѣсь построю:

Тогда мы перейдемъ къ довольству и покою:
И гады въ сторонѣ, и не замаранъ хвостъ;
Вся сила не спѣшить и бодрствовать въ надеждѣ.
„Въ полмѣсяца? пустякъ! я буду тамъ и прежде",
Вскричалъ Кабанъ—и разомъ въ бродъ:
Ушелъ по рыло въ топь, и змѣй и жабъ—все давитъ,
Ногами бьетъ, пыхтитъ, упорно къ цѣли правитъ,
И хватски на берегъ изъ мутныхъ вылѣзъ водъ.
Межъ тѣмъ какъ на другомъ товарищи зѣваютъ,
Кабанъ, встряхнувшися, надменный принялъ видъ,
И чрезъ болото къ нимъ съ презрѣніемъ хрючитъ:
„Вотъ какъ по-нашему дорогу пробиваютъ!"

25) Котъ, Ласточка и Кроликъ.

Случилось Кролику отъ дому отлучиться,
Иль лучше, онъ пошелъ Аврорѣ поклониться
На тминѣ, вспрыснутомъ росой.
Здоровъ, спокоенъ и на волѣ,
Попрыгавъ, пощипавъ муравки свѣжей въ полѣ,
Приходитъ Кроличекъ домой,
И что же? чуть его не подкосились ноги!
Онъ видитъ: Ласточка разставливаетъ тамъ
Своихъ пенатовъ по угламъ!
„Во снѣ ли я, иль нѣтъ? страннопріимны боги!"
Изгнанникъ возопилъ
Изъ отческаго дома.
—Что надобно?—вопросъ хозяйки новой былъ.
„Чтобъ ты, сударыня, безъ грома
Скорѣй отсюда вонъ! ей Кроликъ отвѣчалъ:
Пока я всѣхъ Мышей на помощь не призвалъ".
—Мнѣ выйти вонъ? она вскричала: вотъ прекрасно!
Да что за право самовластно?
Кто далъ тебѣ его? и стоитъ ли войны
Нора, въ которую и самъ ползкомъ ты входишь?

Но пусть и царство будь: не всѣ-ль мы здѣсь равны?
И гдѣ, скажи мнѣ, ты находишь,
Что Богъ, создавши свѣтъ, его размежевалъ?
Богъ создалъ Ласточку, тебя и Дромадера,
А землемѣра
Отнюдь не создавалъ.
Кто-жъ болѣ права далъ на эту десятину
Петрушкѣ Кролику, племяннику, иль сыну
Филата, Фефела, чѣмъ Карпу или мнѣ?
Пустое, братъ! земля всѣмъ служитъ наравнѣ;
Ты первый захватилъ: тебѣ принадлежала;
Ты вышелъ, я пришла: моею норка стала.
Петръ Кроликъ приводилъ въ доводъ
Обычай, *давность*—ихъ закономъ;
Онъ утверждалъ: введенъ въ владѣніе нашъ родъ
Безспорно этимъ домомъ,
Который Кроликомъ Софрономъ
Отказанъ, справленъ былъ за сына своего
Ивана Кролика; по смерти же его
Достался, въ силу права,
Тожъ сыну, именно мнѣ, Кролику Петру;
Но если думаешь, что вру,
То отдадимъ себя на судъ мы *Крысодава*.—
А этотъ *Крысодавъ*, сказать безъ многихъ словъ,
Былъ постный жирный Котъ, мужъ святъ изъ всѣхъ Котовъ,
Пустынникъ набожный средь свѣта
И въ *казусныхъ* дѣлахъ оракулъ для совѣта.
„Съ охотой!" Ласточка сказала. И потомъ
Пошли они къ Коту. Приходятъ, бьютъ челомъ,
И оба говорятъ: „Помилуй!"—Разсудите!...—
—„Поближе, дѣтушки, ихъ перервалъ судья:
Не слышу я,
Отъ старости сталъ глухъ; поближе подойдите!"
Они подвинулись, и вновь ему поклонъ;
А онъ

Вдругъ обѣ лапы врозь, царапъ того, другого,
И вмигъ ихъ примирилъ,
Не вымолвя ни слова:
Задавилъ.

—

Не то же-ль иногда бываетъ съ Корольками,
Когда они въ своихъ дѣлишкахъ по землямъ
Не могутъ примириться сами,
А прибѣгаютъ къ Королямъ?

26) Жаворонокъ съ дѣтьми и Земледѣлецъ.

Пословица у насъ: *на ближнихъ уповай,*
А самъ ты не плошай!
И правда; вотъ примѣръ. Въ прекрасные дни года,
Въ которые цвѣтетъ и нѣжится природа,
Когда все любится, медвѣдь въ лѣсу густомъ,
Киты на днѣ морскомъ,
А жаворонки въ полѣ,
Не вѣдаю того по волѣ, иль неволѣ,
Но самочка одна
Изъ племя Жаврoнковъ летала, да гуляла,
И о вліяніи весны не помышляла,
А ужъ давно весна!
У птичекъ много ли затѣй?
Свила во ржи гнѣздо, снесла яичекъ, сѣла
И вывела дѣтей.
Рожь выросла, созрѣла,
А птенчики еще не въ силахъ ни порхать,
Ни корма доставать:
Все матушка ищи.—„Ну, дѣтушки, прощайте!
Я за припасомъ полечу,
Сказала имъ она: а вы здѣсь примѣчайте,
Не соберутся-ль жать, и тотчасъ голосъ дайте;
Такъ я другое вамъ пристанище сыщу“.

Она лишь изъ гнѣзда, пришелъ хозяинъ въ поле
И сыну говоритъ: „вѣдь рожь и жать пора,
Смотри, какъ матера!
Ступай же ты, не медля болѣ,
И попроси друзей на помощь къ намъ прійти“.
—Ахъ, матушка! лети, скорѣе къ намъ лети!
Малютки въ страхѣ запищали.
„Что, что вамъ сдѣлалось?“—Ахти! мы всѣ пропали:
Хозяинъ былъ, онъ хочетъ жать,
Ужъ сыну и друзей велѣлъ на помочь звать.—
„А болѣ ничего? отвѣтствовала мать:
Такъ не къ чему спѣшить: *день ночи мудренѣе;*
Вотъ, дѣтушки, вамъ кормъ: покушайте скорѣе,
Да ляжемъ съ Богомъ спать!“ Они того, сего
Клевнули,
Прижались подъ крыло къ родимой и уснули.
Ужъ день, а изъ друзей нѣтъ въ полѣ никого.
Пичужечка опять пустилась за припасомъ;
А селянинъ на рожь,
И мыслитъ: на родню сторонній не похожъ!
Поди-ка, сынъ мой, добрымъ часомъ,
Ты къ дядѣ своему, да свату поклонись.—
Малютки пуще взволновались
И матери вослѣдъ всѣ въ голосъ раскричались:
„Ахъ! милая, скорѣй, родима, воротись!
Ужъ за родней пошли“.—Молчите, не пугайтесь!
Отвѣтствовала мать: и съ Богомъ оставайтесь.—
Еще проходитъ день; хозяинъ въ третій разъ
Приходитъ на поле.—Изрядно учатъ насъ,
Онъ сыну говоритъ: и дѣльно! впредь не станемъ
Съ надеждою зѣвать, а поскорѣй вспомянемъ,
Что всякій самъ себѣ вѣрнѣйшій другъ и братъ;
Ступай же ты назадъ
И матери скажи съ сестрами,
Чтобъ на поле пришли съ серпами.—

А птичка, слыша то, сказала дѣтямъ такъ:
„Ну, дѣтки, вотъ теперь къ походу вѣрный знакъ!“
И дѣти въ тотъ же мигъ скорѣй, скорѣй сбираться,
Расправя крылья, въ первый разъ
За маткой кое-какъ вверхъ, вверхъ приподниматься,
И скрылися отъ глазъ.

27) Верблюдъ и Носорогъ.

Верблюду говорилъ однажды Носорогъ:
„Во-вѣкъ я приложить ума къ тому не могъ,
За что предъ нами вы въ такой счастливой долѣ?
Васъ держитъ человѣкъ всегда въ чести и холѣ,
И кормитъ вдоволь и поитъ,
И ваше разводить старается онъ племя;
Согласенъ, что на васъ нерѣдко вьючатъ бремя,
Отъ коего вашъ братъ довольно и кряхтитъ,
Что кротки вы, легки, притомъ неутомимы;
Но тѣ же самыя достоинства и въ насъ,
Да по рогу еще для случая въ запасъ—
А все мы презрѣны, гонимы!“
—Дружокъ! отвѣтствовалъ Верблюдъ:
Покорность иногда достоинствамъ замѣна.
Чтобъ людямъ угодить, одинъ ли нуженъ трудъ?
Умѣй и подгибать колѣна.

28) Рысь и Кротъ.

Когда-то Рысь, найдя лежащаго Крота,
Изъ жалости ему по-свойски говорила:
—Увы! мой бѣдный Кротъ! несчастье слѣпота!
И рощица и лугъ съ цвѣтами—всѣ мѣста
Тебѣ какъ темная могила!
Какая жизнь твоя!
Съ утра до вечера ты спишь, или зѣваешь,

И ни о чемъ не разсуждаешь;
А я
Теперь же, будто на ладонѣ,
Все вижу на версту вокругъ
И все пересказать готова—слушай, другъ:
Вотъ Ястребъ въ облакахъ за Коршуномъ въ погонѣ;
Здѣсь Ласточка своихъ птенцовъ
Питаетъ мухами, добычей пауковой;
Тамъ хитрая Лиса Цыпленку строитъ ковъ;
Тамъ Кролика постигъ ружья ударъ громовой;
Здѣсь Кошка давитъ Мышь; а тамъ
Змѣя впилась въ Корову;
А далѣе Медвѣдь, разинувъ пасть багрову,
Реветъ и гонится за Серной по скаламъ;
А вотъ и лютый Волкъ Ягненочка терзаетъ...
„Ахъ, полно, полно!—Кротъ болтунью прерываетъ:
Утѣшно-ль зрячимъ быть для ужасовъ такихъ?
Довольно и того, что слышалъ я объ нихъ".

29) Желанія.

Сердися, Лафонтенъ, иль нѣтъ,
А я съ нимъ не могу разстаться.
Что дѣлать? виноватъ, свое на умъ нейдетъ,
Такъ за чужое приниматься.
Слыхали-ль вы когда отъ нянекъ объ духахъ,
Которыхъ запросто зовемъ мы Домовыми?
Какъ не слыхать! дѣтей всегда стращаютъ ими;
Они во всѣхъ странахъ
Живутъ между людей, неся различны службы—
Безъ всякой платы, лишь изъ дружбы:
Кто правитъ кухнею, кто холитъ лошадей;
Иные берегутъ людей
Отъ злого глаза и уроковъ,
И всѣ имѣютъ даръ пророковъ.

Одинъ изъ тѣхъ Духовъ
Былъ въ Индіи у мѣщанина
Хранителемъ его садовъ.
Онъ госпожу и господина
Любилъ не меньше, чѣмъ родныхъ:
Всегда, бывало, ихъ
Своимъ усердьемъ утѣшаетъ,
И въ упражненьи всякій часъ
То мирточки садитъ, то лучшій ананасъ
Къ столу хозяевъ выбираетъ.
Хозяямъ кладъ былъ гость такой!
Но доброе всегда непрочно!
Не знаю точно,
Что было этому виной —
Политика, или товарищей коварство—
Вдругъ отъ начальника приказъ ему лихой
Летѣть въ другое государство;
Куда-жъ? сказать ли вамъ,
Сердца чувствительны и нѣжны?
Изъ мѣстъ, гдѣ счета нѣтъ цвѣтамъ,
Изъ вѣчнаго тепла, въ сугробы, въ горы снѣжны,
На край Норвегіи! Вдругъ изъ Индѣйца будь
Лапландецъ! Такъ и быть, слезами не поправить,
А только лишь надсадишь грудь.
„Прощайте, господа! мнѣ должно васъ оставить!
Со вздохомъ добрый Духъ хозяйвамъ говорилъ:
Я здѣсь ужъ отслужилъ;
Нашъ Князь указъ наслалъ, предписываетъ строго
Летѣть на Сѣверъ мнѣ. Хоть грустно, но летѣть!
Недолго, милые, уже на васъ глядѣть:
Съ недѣлю, мѣсяцъ много.
Что мнѣ оставить вамъ за вашу хлѣбъ и соль,
Въ знакъ моего признанья?
Скажите; я могу исполнить три желанья“.
Извѣстенъ человѣкъ: просить чего? изволь,

Сейчасъ готовы крылья.
„Ахъ! изобилья, изобилья!"
Вскричали въ голосъ мужъ съ женой.
И изобиліе рѣкой
На домъ ихъ полилося:
Въ шкатулы золотомъ, въ амбары ихъ пшеномъ,
А въ выходы виномъ;
Верблюдовъ табуны—откуда что взялося!
Но сколько-жъ и заботъ прибавилося съ тѣмъ!
Легко ли усмотрѣть за всѣмъ,
Все счесть, все записать? минуты нѣтъ покоя:
Въ день доброхотовъ угощай,
Тому въ часъ добрый въ долгъ, другому такъ давай,
А въ ночь дрожи и жди разбоя.
„Нѣтъ, Духъ! они кричатъ: возьми свой даръ назадъ;
Съ богатствомъ не житье, а въ живѣ сущій адъ!
Приди, спокойствія подруга неизмѣнна,
Наставница людей,
Посредственность безцѣнна!
Приди и возврати намъ счастье прежнихъ дней!"
Она пришла, и два желанія свершились;
Осталось третье объявить:
Подумали они, и наконецъ рѣшились
Благоразумія просить,
Которое во всяко время
Нигдѣ и никому не въ бремя.

30) Нищій и Собака.

Большой боярскій дворъ Собака стерегла.
Увидя старика, входящаго съ сумою,
Собака лаять начала.—
„Умилосердись надо мною!
Съ боязнью, пошептомъ бѣднякъ ее молилъ:
Я сутки ужъ не ѣлъ... отъ глада умираю!"—

За тѣмъ-то я и лаю,
Собака говоритъ, чтобъ ты накормленъ былъ.

—

Наружность иногда обманчива бываетъ:
Иной какъ звѣрь, а добръ; тотъ ласковъ, а кусаетъ.

31) Сверчки.

Два обывателя столицы безъимянной,
Между собою земляки,
А націей Сверчки,
Избрали для себя квартирой постоянной
Судейскій домъ;
Одинъ въ передней жилъ, другой же въ кабинетѣ,
И каждый день они видалися тайкомъ.
„Нѣтъ лучше нашего хозяина на свѣтѣ!
Сказалъ товарищу Сверчокъ:
Какъ гнется, даромъ что высокъ!
Какая кротость въ немъ! какая добродѣтель!
И какъ трудолюбивъ! я самъ тому свидѣтель,
Какую кучу онъ записокъ отберетъ,
И что же? ни одной изъ нихъ не издеретъ;
А всѣ за нимъ тащатъ!“ На произволъ судьбины,
Товарищъ подхватилъ:
—Дружокъ! ты видно вѣкъ въ прихожихъ только жилъ,
И вмѣсто лицъ привыкъ разсматривать личины;
Не то бы ты сказалъ, узнавши кабинетъ!
Въ передней баринъ то, чѣмъ хочетъ онъ казаться;
А здѣсь, какимъ родился онъ на свѣтъ:
Богатому служить, предъ сильнымъ пресмыкаться;
А до другихъ и дѣла нѣтъ:
Вотъ нашего ханжи и все тутъ уложенье!
Оставь же лишнее къ нему ты уваженье!
И въ обществѣ людскомъ,
Гдѣ многое тебѣ покажется превратнымъ,

Умѣй ты различать двухъ человѣкъ въ одномъ:
Параднаго съ приватнымъ.

32) Оселъ и Кабанъ.

Не знаю, отчего зазнавшійся Оселъ
Храбрился, что вражду съ Кабаномъ онъ завелъ,
Съ которымъ и нельзя имѣть ему пріязни.
„Что мнѣ Кабанъ! Оселъ рычалъ:
Сейчасъ готовъ съ нимъ въ бой безъ всякія боязни!“
—Мнѣ въ бой съ тобой? Кабанъ съ презрѣніемъ сказалъ:
Несчастный! будь спокоенъ:
Ты славной смерти недостоинъ.

33) Летучая Рыба.

Есть рыбы, говорятъ, которыя летаютъ.
Не бойтесь; я хочу не Плинія читать,
А только вамъ сказать,
Что и у рыбъ бываютъ
Такіе-жъ мудрецы и трусы, какъ у насъ;
Вотъ и примѣръ для васъ.
Одна изъ рыбъ такихъ и день и ночь грустила
И бабушкѣ своей твердила:
„Ахъ, бабушка! куда отъ злобы мнѣ уйти?
Гоненіе и смерть повсюду на пути!
Лишь только я летать, орлы клюютъ носами;
Нырну въ глубь моря, тамъ встрѣчаема волками!“
Старуха ей въ отвѣтъ:
—Что дѣлать, дитятко! таковъ сталъ нынѣ свѣтъ!
Кому не суждено Орломъ быть, или Волкомъ,
Тому одинъ совѣтъ, чтобъ избѣжать бѣды:
Держись всегда своей тропинки тихомолкомъ,
Плывя *близъ* воздуха, летая *близъ* воды.

34) Три путешественника.

Съ восходомъ солнечнымъ переходя лужокъ,
Три путника нашли съ червонцами мѣшокъ;
Они находку раздѣлили
И съ общаго потомъ согласья положили,
Чтобъ младшему итти за хлѣбомъ на обѣдъ.
Товарищъ ихъ пошелъ, а старшій, глядя вслѣдъ,
Другому говоритъ: „Почто его мы взяли?
Не будь онъ, такъ мѣшокъ достался-бъ только двумъ.
Но знаешь ли, что мнѣ пришло, товарищъ, въ умъ?
Кинжалъ бы въ бокъ ему, и поминай какъ звали!
—А часть его въ раздѣлъ, товарищъ подхватилъ.
Межъ тѣмъ и закупщикъ дорогой въ мысляхъ былъ:
„Что, еслибы вчера, не нынѣ,
Попался мнѣ мѣшокъ? тогда я шелъ одинъ,
Тогда-бъ я былъ не въ половинѣ,
А полной суммы господинъ!...
Дай хлѣбъ отравимъ!
Товарищей моихъ постигнетъ вѣчный сонъ,
А мы къ своей казнѣ и ихъ казну прибавимъ“.
Какъ думалъ, такъ и сдѣлалъ онъ.
Хлѣбъ съ ядомъ принесенъ; но прежде въ два кинжала
Товарищи его пронзили наповалъ;
Потомъ, когда въ немъ кровь подъ сердцемъ замирала,
Но онъ еще дышалъ,
Они, наѣвшись хлѣба,
И сами у его простерлись хладныхъ ногъ.
Ихъ нѣтъ, а деньги тутъ!—и голосъ грянулъ съ неба:
Всевидящъ скрытый Богъ!

35) Орелъ и Каплунъ.

Юпитеровъ Орелъ за облака взвивался:
Уже онъ къ трону приближался

Властителя громовыхъ стрѣлъ—
И весь пернатыхъ родъ на слѣдъ его смотрѣлъ.
„Недаромъ онъ любимъ Юноцинымъ супругомъ!
Въ восторгѣ восклицалъ Пѣтухъ:
Какая быстрота! какой великій духъ!
Какимъ онъ очертилъ свой путь обширнымъ кругомъ!
Недаромъ, повторю, врученъ ему перунъ;
Кто равенъ съ нимъ?“—Кто? ты и я, сказалъ Каплунъ:
Конечно; будемъ только смѣлы,
То также обтечемъ небесные предѣлы
И къ солнцу возлетимъ;
А это покажу примѣромъ я моимъ.—
Съ симъ словомъ, размахнувъ крылами,
Уже задорный удалецъ
Между землей и небесами—
И въ мигъ... на кровлю, какъ свинецъ!

—

Спасибо Каплуну! и онъ урокъ оставилъ:
Отважный безъ ума всегда себя безславилъ.

36) Старикъ и трое молодыхъ.

Старикъ, лѣтъ въ семьдесятъ, рылъ яму и кряхтѣлъ:
Добро бы строить, нѣтъ! садить еще хотѣлъ!
А трое молодцовъ, зѣвая на работу,
Смѣялися надъ нимъ. „Какую же охоту
На старости Богъ далъ!“
Одинъ изъ нихъ сказалъ.
Другой прибавилъ:—Что-жъ? еще не опоздалъ!
Ковчегъ и большаго терпѣнья стоилъ Ною.
„Смѣшонъ ты, дѣдушка, съ надеждою пустою!
Примолвилъ третій Старику:
Довольно, кажется, ты пожилъ на вѣку;
Когда-жъ тебѣ дождаться
Подъ тѣнію твоей рябинки прохлаждаться?

Ровесникамъ твоимъ и настоящій часъ
Невѣренъ;
А *завтремъ* льстить себя оставь уже ты насъ".
Совѣтъ довольно здравъ, довольно и умѣренъ
Для мудреца въ шестнадцать лѣтъ!
„Повѣрьте мнѣ, друзья, Старикъ сказалъ въ отвѣтъ,
Что *завтра* ни мое, ни ваше;
Что Парка блѣдная равно
Взираетъ на теченье наше.
Отъ Провидѣнія намъ вѣдать не дано,
Кому изъ насъ оно судило
Послѣднему взглянуть на ясное свѣтило!
Не можете и вы надежны быть, какъ я,
Ниже на мигъ одинъ... Работа же моя
Не мнѣ, такъ дѣтямъ пригодится;
Чувствительна душа и вчужѣ веселится.
И такъ вы видите, что мной ужъ собранъ плодъ,
Которымъ я могу теперь же наслаждаться,
И *завтра*, можетъ статься,
И далѣе... какъ знать? быть можетъ, что и годъ.
Ахъ! можетъ быть и то, что вашъ безумецъ хилый
Застанетъ мѣсяца восходъ
Надъ вашей, розами усыпанной... могилой!"
Старикъ предчувствовалъ: одинъ, прельстясь пескомъ—
Конечно, золотымъ—уснулъ на днѣ морскомъ;
Другой подъ миртами исчезъ въ цвѣтущи лѣта;
А третій—дворянинъ, за честь къ отмщенью скоръ,
Войдя съ пріятелемъ въ театрѣ въ легкій споръ,
За кресла, помнится... убитъ изъ пистолета.

37) Левъ и Комаръ.

„Прочь ты, подлѣйшій гадъ, навоза порожденье!
Левъ гордый Комару сказалъ".
—Потише! отвѣчалъ Комаръ ему: я малъ,

Но самъ не меньше гордъ, и не снесу презрѣнье!
Ты царь звѣрей,
Согласенъ;
Но мнѣ ни мало не ужасенъ:
Я и Быкомъ верчу, а онъ тебя сильнѣй.
Сказалъ и, ставъ трубачъ, жужжитъ повѣстку къ бою;
Потомъ съ размашкою, приличною герою,
Встряхнулся, полетѣлъ и въ шею Льву впился;
У Льва глазъ кровью налился;
Изъ пасти пѣна бьетъ; зубами онъ скрежещетъ,
Реветъ, и все вокругъ уходитъ и трепещетъ!
Отъ Комара всеобщій страхъ!
Онъ въ тысячи мѣстахъ,
И въ шею, и въ бока, и въ брюхо Льва кусаетъ,
И даже въ глубь ноздри влетаетъ!
Тогда несчастный Левъ, въ страданьи выше силъ,
Какъ бѣшеный, вкругъ чреслъ хвостомъ своимъ забилъ
И началъ грызть себя; потомъ... лишившись мочи,
Упалъ, и грозныя навѣкъ смыкаетъ очи.
Крылатый богатырь тутъ пуще зажужжалъ,
И всюду разглашать о подвигахъ помчался;
Но скоро самъ попалъ
Въ засаду къ Пауку и съ жизнію разстался.

—

Увы! въ юдоли слезъ невѣренъ каждый шагъ;
Отъ злобы, отъ бѣды, когда и гдѣ въ покоѣ?
Опасенъ *крупный* врагъ,
А *мелкій* часто вдвое.

38) Царь и два Пастуха.

Какой-то Государь, прогуливаясь въ полѣ,
Раздумался о царской долѣ.
„Нѣтъ хуже нашего, онъ мыслилъ, ремесла:
Желалъ бы дѣлать то, а дѣлаешь другое!

*

Я всей душой хочу, чтобъ у меня цвѣла
Торговля; чтобъ народъ мой ликовалъ въ покоѣ;
А принужденъ вести войну,
Чтобъ защищать мою страну.
Я подданныхъ люблю, свидѣтели въ томъ боги,
А долженъ прибавлять еще на нихъ налоги;
Хочу знать правду, всѣ мнѣ лгутъ.
Бояра лишь чины берутъ,
Народъ мой стонетъ, я страдаю,
Совѣтуюсь, тружусь, никакъ не успѣваю;
Полсвѣта властелинъ, не веселюсь ничѣмъ!"
Чувствительный Монархъ подходитъ, между тѣмъ,
Къ пасущейся скотинѣ;
И что же видитъ онъ? разсыпанныхъ въ долинѣ
Барановъ, тощихъ до костей,
Овечекъ безъ ягнятъ, ягнятъ безъ матерей!
Всѣ въ страхѣ бѣгаютъ, кружатся,
А псамъ и нужды нѣтъ: они подъ тѣнь ложатся;
Лишь бѣдный мечется Пастухъ:
То за бараномъ въ лѣсъ во весь онъ мчится духъ,
То бросится къ овцѣ, которая отстала,
То за любимымъ онъ ягненкомъ побѣжитъ,
А между тѣмъ ужъ волкъ барана въ лѣсъ тащитъ;
Онъ къ нимъ, а здѣсь овца волчихи жертвой стала.
Отчаянный Пастухъ рветъ волосы, реветъ,
Бьетъ въ грудь себя и смерть зоветъ.
„Вотъ точный образъ мой, сказалъ самовластитель:
И такъ, и смирненькихъ животныхъ охранитель
Такими-жъ, какъ и мы, напастьми окруженъ,
И онъ, какъ Царь, порабощенъ!
Я чувствую теперь какую-то отраду".
Такъ думая, впередъ онъ путь свой продолжалъ:
Куда? и самъ не зналъ;
И наконецъ пришелъ къ прекраснѣйшему стаду.
Какую разницу Монархъ увидѣлъ тутъ!

Баранамъ счету нѣтъ, отъ жира чуть идутъ;
Шерсть на овцахъ какъ шелкъ и тяжестью ихъ клонитъ;
Ягнятки, кто кого скорѣе перегонитъ,
Толпятся къ маткинымъ питательнымъ сосцамъ;
А Пастушокъ въ свирѣль подъ липою играетъ,
И милую свою пастушку воспѣваетъ.
„Не сдобровать, овечки, вамъ!
Царь мыслитъ: волкъ любви не чувствуетъ закона,
И Пастуху свирѣль худая оборона“.
А волкъ и подлинно, откуда ни возьмись,
Во всю несется рысь;
Но псы, которые то стадо сторожили,
Вскочили, бросились и волка задавили;
Потомъ одинъ изъ нихъ ягненочка догналъ,
Который далеко отъ страха забѣжалъ,
И тотчасъ въ кучку всѣхъ по-прежнему собралъ;
Пастухъ же все поетъ, не шевелясь нимало.
Тогда уже въ Царѣ терпѣнія не стало.
„Возможно-ль? онъ вскричалъ: здѣсь множество волковъ,
А ты одинъ... умѣлъ сберечь большое стадо!“
—Царь! отвѣчалъ Пастухъ, тутъ хитрости не надо:
Я выбралъ *добрыхъ* псовъ.

39) Смерть и Умирающій.

Одинъ охотникъ житъ, не старѣе ста лѣтъ,
Предъ Смертію дрожитъ и вопитъ,
Зачѣмъ она его торопитъ
Врасплохъ оставить свѣтъ,
Не давъ ему свершить, какъ водится, духовной,
Не предваря его хоть за годъ напередъ,
Что онъ умретъ.—
„Увы! онъ говоритъ: а я лишь въ подмосковной
Палаты заложилъ; хотя бы ихъ докласть;
Дай винокуренный заводъ мой мнѣ поправить

И правнуковъ женить! а тамъ... твоя ужъ власть!
Готовъ, перекрестясь, я бѣлый свѣтъ оставить".
— Неблагодарный! Смерть отвѣтствуетъ ему:
Пускай другіе мрутъ въ весеннемъ жизни цвѣтѣ;
Тебѣ бы одному
Не умирать на свѣтѣ!
Найдешь ли двухъ въ Москвѣ,—десятка даже нѣтъ
Во всей Имперіи, доживших до ста лѣтъ.
Ты думаешь, что я должна бы приготовить
Заранѣе тебя къ свиданію со мной:
Тогда бы ты успѣлъ красивый домъ построить,
Духовную свершить, заводъ поправить свой
И правнуковъ женить; а развѣ мало было
Навѣтокъ отъ меня? Не ты ли посѣдѣлъ!
Не ты ли сталъ ходить, глядѣть и слышать хило?
Потомъ пропалъ твой вкусъ, желудокъ ослабѣлъ,
Увянулъ цвѣтъ ума, и память притупилась;
Годъ-отъ-году хладѣла кровь,
Въ день ясный средь цвѣтовъ душа твоя томилась,
И ты оплакивалъ и дружбу и любовь.
Съ которыхъ лѣтъ уже отвсюду поражаетъ
Тебя печальна вѣсть: тотъ сверстникъ умираетъ,
Тотъ умеръ, этотъ занемогъ
И на одрѣ мученья?
Какого-жъ болѣе хотѣлъ ты извѣщенья!
Короче: я уже ступила на порогъ,
Забудь и горе и веселье;
Исполни мой уставъ!—
Сказала, и Старикъ, не думавъ, не гадавъ
И не достроя домъ, попалъ на новоселье!!

Смерть права: во сто лѣтъ отсрочки поздно ждать;
Да какъ бы въ старости страшиться умирать?
Доживъ до позднихъ дней, мнѣ кажется, изъ міра
Такъ должно выходить, какъ гость отходитъ съ пира,

Отдавъ за хлѣбъ и соль хозяину поклонъ.
Пути не миновать, къ чему-жъ послужитъ стонъ?
Ты сѣтуешь, старикъ! Взгляни на ратно поле:
Взгляни на юношей, на этотъ милый цвѣтъ,
Которые летятъ на смерть по доброй волѣ,
На смерть прекрасную, сомнѣнія въ томъ нѣтъ,
На смерть похвальную, вездѣ превозносиму,
Но часто тяжкую, притомъ неизбѣжиму!...
Да что! я для другихъ обѣдню вздумалъ пѣть:
Полмертвый пуще всѣхъ боится умереть!

V. АПОЛОГИ.

1) Равновѣсіе.

Сынъ Сѣвера! суровъ и хладенъ твой климатъ;
Ужасны льды твои: но счастливъ ты сто кратъ:
Въ тебѣ и бодрый духъ, и богатырска сила.
Въ Сициліи-жъ—Вулканъ; чума—на брегѣ Нила.

2) Львиное право.

Медвѣдя Левъ просилъ: черезъ твою берлогу
Позволь мнѣ проложить военную дорогу.
Нельзя, сказалъ Медвѣдь, и въ шубу носъ уткнулъ.
Что-жъ сдѣлалъ Левъ?—перешагнулъ.

3) Полевой цвѣтокъ.

Простой цвѣточекъ, дикой,
Нечаяино попалъ въ одинъ пучокъ съ гвоздикой;
И что же? отъ нея душистымъ сталъ и самъ.—
Хорошее всегда знакомство въ прибыль намъ.

4) Дитя на столѣ.

Какъ я великъ! дитя со столика вскричалъ.
А нянька говоритъ: сниму, такъ будешь малъ.
Богачъ, съ надменною душою!
Смекай заранѣе: урокъ передъ тобою.

5) Разбитая скрипка.

Скрипица пошлая упала и разбилась.
 Скрипачъ ее склеилъ,
И скрипка изъ дурной прекрасной очутилась.
Тотъ вѣрно сталъ умнѣй, кто въ школѣ бѣдствій былъ.

6) Чужеземное растеніе.

Что сдѣлалось съ тобою нынѣ?
О, милый кустъ! ты блѣденъ сталъ;
Гдѣ зелень, запахъ твой?—Увы! онъ отвѣчалъ:
 Я на чужбинѣ.

7) Плоды мудраго правленія.

При пятомъ Львѣ Медвѣдь за правду лѣзъ изъ кожи,
Волъ удабривалъ поля и былъ неутомимъ;
Конь смѣлостью блисталъ. Короче заключимъ:
 Великъ монархъ—отличны и вельможи.

8) Преступленія.

Тигръ, ужасъ всѣхъ звѣрей, поднявъ кровавы взоры,
Морфея умолялъ, чтобъ сонъ къ нему послалъ.—
Для изверговъ, тебѣ подобныхъ, богъ сказалъ:
Готовлю я не макъ, но совѣсти укоры.

9) Пѣснь Лебедя.

Пѣлъ Лебедь, и моихъ всѣхъ чувствъ онъ былъ владѣтель.
— Ты веселъ? я его, растроганный, спросилъ:
„Да, онъ отвѣтствовалъ, часъ смерти наступилъ“.
Спокойно жизни путь свершаетъ добродѣтель.

10) Порокъ и Добродѣтель.

— Я царь земной! Порокъ въ надменности изрекъ.
—А я Царю небесъ мой жребій поручила,

Смиренно Доблесть говорила.—
Рѣшись и выбирай, безсмертный человѣкъ!

11) Скорбь и Фортуна.

Отрады лучъ блеснулъ у Скорби на челѣ.
—Что этому виной? Фортуна вопросила;
Давно-ль твой томный взоръ поникнутъ былъ къ землѣ?
„Я малостью слезу сиротки осушила“.

12) Ошибка Чижа.

Чижъ, въ птичникъ залетя, прельстился имъ, какъ раемъ.
Раздолье! пьетъ и ѣстъ одно онъ съ Попугаемъ.
На долго-ль? нѣтъ! Скворецъ тамъ заклевалъ его.—
Опасно выходить изъ круга своего.

13) Жертвенникъ и Правосудіе.

Во храмѣ Жертвенникъ преступника скрывалъ.
„Какъ? Правосудіе вопило раздраженно:
Скрывать преступника!“—Да, Жертвенникъ сказалъ:
Несчастіе священно.

14) Плодъ.

Садовникъ сѣтовалъ, что долго Плодъ не зрѣетъ,
А Плодъ судилъ: вина не отъ моихъ сѣмянъ:
Дай больше свѣта мнѣ, и буду я румянъ.—
Безъ солнца и талантъ въ созрѣніи коснѣетъ.

15) Ежъ и Мышь.

Ежъ говорилъ, что онъ, изъ одного презрѣнья
Къ мірскому, скрылъ себя во мракъ уединенья.
—Сосѣдъ! сказала Мышь: разсказывай другимъ:
Отъ міра злой не прочь, но въ мірѣ тѣсно съ нимъ.

16) Деревцо.

Березка выросла предъ домомъ кривобока:
Пришлось выкапывать; но корни такъ ушли
Далеко въ глубину, что вырыть не могли.—
История порока.

17) Чадолюбивая Мать.

Мартышка, съ нѣжностью дитя свое любя,
Безъ отдыха его ласкала, тормошила;
И что же? наконецъ, въ объятьяхъ задушила.—
Мать слабая! Поэтъ! остереги себя.

18) Репейникъ и Фіалка.

Между Репейникомъ и розовымъ кустомъ
Фіалочка себя отъ зависти скрывала;
Безвѣстною была, но горестей не знала.—
Тотъ счастливъ, кто своимъ доволенъ уголкомъ.

19) Курица и Утята.

„Ты все съ утятами".—Кому-жъ ходить за ними?
Я высидѣла ихъ.—„Но что тебѣ они?
Чужія".—Нужды нѣтъ! хочу считать моими.—
Кто любитъ помогать, тотъ всякому съ родни.

20) Клевета.

Честонъ былъ пораженъ кинжаломъ, но слегка.—
Данъ промахъ, такъ и быть! злодѣй вскричалъ: отселѣ
По крайней мѣрѣ знакъ останется на тѣлѣ.—
Черта клеветника.

21) Свѣтлякъ и Змѣя.

Со Свѣтлымъ червячкомъ встрѣчается Змѣя
И—ядомъ вмигъ его смертельнымъ обливаетъ.

„Убійца! онъ вскричалъ, за что погибнулъ я?“
— Ты свѣтишь—отвѣчаетъ.

22) Своенравная Лиса.

Свѣтъ полонъ чудаковъ: Медвѣдь Лисѣ былъ другъ;
И съ Тигромъ и Слономъ хлѣбъ-соль она водила:
Но никого въ своемъ сосѣдствѣ не любила,
А пуще всѣхъ—своихъ подругъ.

23) Змѣя и Птицеловъ.

У сѣтки сторожа добычу, Птицеловъ
Давнулъ Змѣю, а та въ него вонзила жало,
И вмигъ его не стало!—
Нерѣдко гибнетъ злой, другому строя ковъ.

24) Павлинъ.

Индѣекъ не на вкусъ пришелъ Павлиній ростъ.
„Какой, кричатъ, уродъ!“ А онъ въ отвѣтъ злодѣйкамъ
Лишь только раздувалъ свой изумрудный хвостъ.—
Творенье генія—отвѣтъ его Индѣйкамъ.

25) Человѣкъ, Обезьяна, Червь и Яблоко.

Садовникъ, Яблоко отнявъ у Обезьяны,
Вскричалъ: оно мое! и тотчасъ раскусилъ.—
„Неправда, анъ мое! вы сильны, такъ и рьяны“,
Изъ Яблока ему Червь бѣдный возразилъ.

26) Мартышка и Лиса.

„Скажи мнѣ, есть ли звѣрь,
Котораго бы я замашки не схватила?“
— Конечно, нѣтъ; но всякій, мнѣ повѣрь,
Стыдиться захотѣть, чтобъ ты его учила.

27) Духъ смиренія.

Сыны Османовы вопили: „Мщенье, мщенье!
Наполнимъ ужасомъ и кровью всѣ мѣста!“
А вы что имъ въ отпоръ, о воины Христа?
— Прощенье.

28) Орелъ и Филинъ.

Орелъ стремилъ полетъ свой къ Фебову престолу,
А Филинъ говорилъ: Отъ солнца мука намъ.—
Такъ доблесть ясный взоръ возводитъ къ небесамъ,
Злодѣйство жъ опускаетъ долу.

29) Усопшій убійца.

Убійца, чтобъ спастись отъ строгости Судей
И казни, весь дрожа, бѣжалъ черезъ плотину,
Споткнулся, и въ рѣкѣ нашелъ свою кончину.—
Судъ Промысла вездѣ найдетъ тебя, злодѣй!

30) Мщеніе Пчелы.

Обиду мстя, Пчела
Въ обидчика вонзила жало.
„И возгордилася?“—Ни мало:
На язвѣ умерла.

31) Хлѣбъ и Свѣчка.

— Прочь, далѣ! близъ тебя лежать я не хочу,
Хлѣбъ Свѣчкѣ говорилъ; а та ему: „Напрасно;
Чѣмъ хуже я тебя? подумай безпристрастно:
Ты кормишь, я—свѣчу“.

32) Левъ и Волкъ.

Волкъ, полуночный тать,
Схватилъ козленочка.—Не смѣй его терзать,

Воскликнулъ Левъ, пусти!—и Волкъ ему послушенъ.—
Подлецъ всегда свирѣпъ; герой великодушенъ.

33) Мячикъ.

„Несносный жребій мой! то вверхъ, то внизъ лечу;
Впередъ, назадъ меня толкаютъ.
Ракетѣ смѣхъ, а я страдаю и молчу".—
Проситель! и съ тобой не лучше поступаютъ.

34) Комъ земли.

—Не амбра-ль ты? поднявъ Комъ, персти я сказалъ:
Какъ отъ тебя благоухаетъ!—
„Нѣтъ, онъ мнѣ отвѣчаетъ:
Я Комъ простой земли, но съ Розою лежалъ".

35) Черепаха.

„Надъ Черепахою нельзя не прослезиться.
—Спасибо! что-бъ тебя растрогать такъ могло?—
Легко-ль носить свой домъ, повсюду съ нимъ тащиться?—
„Что въ пользу, то не тяжело".

36) Каменная Гора и водяная Капля.

Съ умомъ ли, Капля, ты? меня пробить взялась!
Меня, гранитную! ты, право, стоишь смѣха.
Но Капля молча все капъ, капъ... и пробралась.—
Настойчивость—залогъ успѣха.

37) Богачъ и Поэтъ.

„Поэтъ и гордъ еще! сказалъ спесивый Климъ.
А чѣмъ богатъ? ума палата!"
Купи безсмертіе себѣ цѣною злата,
Отвѣтствовалъ Поэтъ, и я смирюсь предъ нимъ.

38) Желаніе и Страхъ.

Неугомонное и вздорное Желанье
Предъ Діемъ завсегда толклось, какъ на часахъ.
— Постой-же, онъ сказалъ: отнынѣ, въ обузданье,
Пускай сопутствуетъ ему повсюду Страхъ.

39) Мыльный пузырекъ.

Блестящій тысячью Ирисиныхъ цвѣтовъ
Изъ мыла Пузырекъ на воздухѣ гордился;
Но дунулъ вѣтръ, и вмигъ онъ въ каплю превратился.—
Судьба временщиковъ.

40) Безпечность поэта.

Поэтъ случайно въ честь и кругъ бояръ попалъ;
Но буря зависти противъ него возстала,
И всюду разнеслось: пѣвцу грозитъ опала.—
„Такъ я былъ въ случаѣ? вотъ новость!" онъ сказалъ.

41) Собака и Перепелъ.

За Перепеломъ Песъ вдоль нивы крался лѣтомъ,
Но Перепелъ не слѣпъ: онъ съ мѣста вмигъ вспорхнулъ,
И пѣсню съ высоты въ насмѣшку затянулъ:
Измѣнникъ! ты берешь ползкомъ, а я полетомъ.

42) Подснѣжникъ.

„Что мнѣ зима? сказалъ Подснѣжникъ, ранній цвѣтъ;
Пускай ее страшатся Розы;
Я все превозмогу: и бури, и морозы".—
Для генія препоны нѣтъ.

43) Узда и Конь.

Съ чего Конь пышетъ, ржетъ?—гортань дерутъ уздою.
Ослабили узду, и Конь пошелъ на стать.—

Властитель! хочешь ли спокойно обладать?
Держи бразды не вкруть, но мощною рукою.

44) Прохожій и Пчела.

— О, Пчёлка! межъ цвѣтовъ, прекраснѣйшихъ для взора,
Есть ядовитые: отравятъ жизнь твою;
Смотри же, не садись на каждый безъ разбора!—
„Не бойся: ядъ при нихъ; я только нектаръ пью“.

45) Орелъ и Коршунъ.

Юпитеръ Коршуну сказалъ: „твоя чреда,
Орелъ въ опалѣ: будь его преемникъ власти“.
И вдругъ раздоръ, грабежъ, всѣ взволновались страсти.—
Ошибка въ выборѣ—бѣда.

46) Два Врача.

Одинъ угрюмый Врачъ подобенъ былъ тирану:
Больной отчаянье въ глазахъ его читалъ.
Другой участіемъ, привѣтствомъ жизнь вливалъ.—
Такъ бережно цѣлить намъ должно сердца рану.

47) Цвѣтъ и Плодъ.

Цвѣтной горохъ подъ судъ хозяина попалъ
За то, что возгордясь, всѣхъ братьевъ презиралъ;
И вотъ какъ приговоръ былъ справедливъ и точенъ:
„Цвѣтъ милъ на часъ, а плодъ питателенъ и прочень“.

48) Садовая Мышь и кабинетская Крыса.

„Ты книги все грызешь: дивлюсь твоей охотѣ!
Умнѣе-ль будешь ты? пустая то мечта“.
Сказала Крысѣ Мышь, жилица въ темномъ гротѣ.
Отвѣтъ былъ:—Что мнѣ умъ? была бы лишь сыта.

49) Оселъ и Выжлица.

— Скотъ глупый взялъ передъ! и по какому праву?
Шумѣла Выжлица; иль я не удала,
Не обгоню его на славу?—
Немного славы въ томъ, чтобъ обогнать Осла.

50) Челнокъ безъ весла.

По вѣтру, безъ весла, Челнокъ помчался въ море,
Ударился въ скалу и раздробилъ свой бокъ.—
На жизненной рѣкѣ и намъ такое-жъ горе:
Безъ мудрости, прощай, нашъ утлый челночекъ!

ЭПИЛОГЪ.

51) Авторъ и Критика.

Что вздумалось тебѣ сухіе Апологи
Представить критикамъ на судъ?
Ты знаешь, какъ они насмѣшливы и строги.—
Тѣмъ лучше: ихъ прочтутъ.

Объяснительныя статьи.

О жизни и стихотвореніяхъ Ивана Ивановича Дмитріева.

(Изъ ст. кн. П. Вяземскаго).

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ родился въ 1760 году, въ Симбирской губерніи, въ деревнѣ отца своего.

Способы тогдашняго воспитанія были весьма ограничены; нынѣ оно содѣйствуетъ природѣ въ развитіи дарованій и нерѣдко искуственными прививками замѣняетъ первобытную скудость. Такъ искусство и попечительность плодотворятъ почву лѣнивую и черствую! Тогда природа одна и нераздѣльно насаждала и образовала въ любимцѣ своемъ умствен-

ныя способности и склонности душевныя. Еще, къ счастію своему, Ив. Ив. Дмитріевъ имѣлъ въ родителѣ человѣка умнаго, образованнаго и чуждаго предразсудковъ, которые господствуютъ въ городахъ, отдаленныхъ отъ средоточія просвѣщенія, и встрѣчаются иногда и въ самыхъ столицахъ. Симбирскъ отличался всегда, предъ прочими губернскими городами, успѣхами въ общежитіи и свѣтской образованности. Съ самаго дѣтства, вниманіе Ив. Ив. Дмитріева было обращено на предметы достойные любопытства. Новости политическія, придворныя и литературныя скоро доходили изъ Петербурга до семейнаго его общества, и выводили разговоръ изъ обыкновеннаго круга мелкихъ сплетней городскихъ, сужденій о пикетѣ и рокомболѣ, и шумныхъ преній о псовой охотѣ. Съ самаго дѣтства научился онъ, примѣромъ родителей, любить чтеніе и слѣдственно уважать званіе писателя. Но что служило въ то время пищею ума? Какія книги были въ ходу и въ чести у русскихъ читателей? Нѣкоторые романы, убійственные переводы, которые искажали мастерскія произведенія иностранной словесности; и молодые воспитанники должны были, такъ сказать, на трупахъ изувѣченныхъ пробуждать въ себѣ духъ жизни, и по грубымъ твореніямъ учиться искусству правильно мыслить и изъясняться!

До двѣнадцатилѣтняго возраста обучался онъ въ Казани, а потомъ въ Симбирскѣ, въ частныхъ училищахъ. О томъ образованіи, которое можно было получить въ сихъ заведеніяхъ, легко составить себѣ понятіе, смотря на многія изъ нынѣшнихъ воспитательныхъ заведеній, и предполагая, что образованность и у насъ идетъ постепенно къ возможному усовершенствованію. Смутныя обстоятельства низоваго края, при мятежѣ Пугачева, не позволили ему пользоваться долго и тѣми скудными способами. Отецъ его со всѣмъ семействомъ былъ принужденъ покинуть родину, убѣгая отъ ужаса, распространяемаго неистовымъ и безразсуднымъ мятежникомъ. На 14 году возраста, И. И. Дмитріевъ былъ посланъ родителемъ въ Петербургъ, явиться въ гвардейскій Семеновскій

полкъ, въ которомъ онъ еще съ малолѣтства былъ записанъ въ солдаты, по тогдашнему обыкновенію, угождавшему тщеславію родителей, но вредному для молодыхъ людей и пользы государственной. Не успѣвъ еще не только образовать ума воинскими науками, но и физически и нравственно образоваться, не испытавъ способностей и склонностей своихъ, спѣшили отроки, какъ будто по какому-то невольному обѣту, въ военное званіе, подобно какъ въ прежней Франціи меньшіе братья обречены были до рожденія званію духовному. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ полковой школѣ, гдѣ обучали только первымъ правиламъ рисованія, математикѣ, исторіи и географіи на русскомъ языкѣ, вступилъ онъ въ дѣйствительную службу. Призовите иностранцевъ, легкомысленныхъ въ сужденіяхъ своихъ о Россіи, и пригласите ихъ вывести изъ предлагаемаго здѣсь обозрѣнія первоначальныхъ лѣтъ жизни, сихъ лѣтъ, такъ сказать, приготовительныхъ, гадательное заключеніе о будущей судьбѣ такого юноши? Какъ неосновательны и какъ далеки отъ истины будутъ ихъ гаданія! Какой неистребимый запасъ душевныхъ силъ должно имѣть въ себѣ, чтобы при несовершенствѣ образованія, не поддаться губительной силѣ обстоятельствъ, всегда стремящихся уравнивать преимущества природныя и задерживать въ рядахъ толпы благородныхъ честолюбцевъ, порывающихся выступить изъ обыкновенной среды! Въ Россіи слѣды къ успѣхамъ ума не могли еще быть твердо проложены; каждый шагъ впередъ есть побѣда и завоеваніе, но за то и каждый побѣдитель есть исполинъ. Рядовому дарованію, не увлекаемому движеніемъ общимъ, нельзя ожидать успѣховъ соразмѣрныхъ его достоинству. Не имѣя въ себѣ довольно силы, чтобы утвердиться самобытно, оно, вызываемое честолюбіемъ изъ толпы, въ которой ему душно и неловко, по тщетномъ бореніи, по усиліяхъ похвальныхъ, но безполезныхъ, поглощается пучиною, тогда какъ при другихъ обстоятельствахъ, при общемъ стремленіи, достигнуло бы оно цѣли не быстрыми, но твердыми, не блестящими, но вѣр-

ными средствами. Оттого и умственныя способности наши, неразлившіяся еще по разнымъ степенямъ общества, сосредоточиваются въ нѣсколькихъ лицахъ, которыя, подобно откупщикамъ, завладѣвшимъ нераздѣльно всѣми отраслями и выгодами народной промышленности, отвѣчаютъ частными капиталами за толпу неимущую и живущую ихъ подаяніемъ.

Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ Семеновскомъ полку, былъ онъ, по желанію своему, отставленъ полковникомъ, при вступленіи на престолъ Императора Павла. Военное ремесло, которое становится столь блестящимъ званіемъ, когда событія призываютъ воина на защиту или прославленіе отечества, не можетъ въ мирныхъ обстоятельствахъ удовлетворять вполнѣ потребностямъ души пылкой и дѣятельнаго ума. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отставки, И. И. Дмитріевъ вступилъ въ службу гражданскую; въ продолженіе перваго ея періода, занималъ онъ, между прочимъ, мѣста: товарища Министра въ Департаментѣ Удѣльныхъ имѣній и оберъ-прокурора. Снова вышедъ въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника и пенсіономъ, поселился онъ въ Москвѣ, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ, посвященныхъ занятіямъ литературнымъ и тихимъ наслажденіямъ жизни изящной и философической. Москва была тогда истинною столицею русской литературы и удовольствій общежитія образованнаго. Памятники блестящаго Двора Екатерины доживали свой вѣкъ въ тихой пристани и придавали Московскому обществу какую-то историческую физіономію, равно какъ и Кремлевскія стѣны придаютъ ее самому городу. Многіе открытые домы, куда съѣзжались, на хлѣбосольство хозяевъ образованныхъ и достаточныхъ, собесѣдники умные, женщины любезныя и просвѣщенные путешественники, доставляли людямъ, чуждымъ честолюбія и удаленнымъ отъ дѣлъ, пріятныя наслажденія утонченнаго общежитія, признаки несомнительные и плоды образованности зрѣлой. Знаменитый творецъ Россіады, патріархъ московской словесности, доживалъ тогда, посреди друзей и почитателей, славу долголѣтнюю и безмятежную.

Успѣхи цвѣтущіе и успѣхи расцвѣтающіе искали въ его благосклонномъ добродушіи и одобренія, и поощренія. Слѣды 1812 года, въ отношеніи къ вещественному разоренію, столь быстро изглаженные дѣятельностію Правительства и похвальнымъ тщеславіемъ московскихъ жителей, еще разительно означаются въ отношеніи къ нравственному опустошенію. Цвѣтущій возрастъ московскаго общества миновалъ, и самыя Московскія Музы какъ-то не опомнились еще отъ ужаса и тревогъ военныхъ.

Въ 1806 году дѣятельность благородная снова вызвала И. И. Дмитріева на поприще службы государственной. Ему повелѣно было присутствовать въ Сенатѣ, въ семъ высокомъ государственномъ мѣстѣ, одаренномъ великимъ Основателемъ своимъ столь значительными преимуществами и прославленномъ въ памяти народной великодушною смѣлостію Долгорукаго и безсмертными строками, писанными Петромъ I, съ береговъ Прута, къ собранію мужей именитыхъ. Въ продолженіе засѣданія своего въ Сенатѣ, И. И. Дмитріевъ былъ три раза удостоенъ Высочайшею довѣренностію, и посыланъ, по особеннымъ порученіямъ, въ разныя губерніи. Въ 1810 году получилъ онъ блистательнѣйшую награду за ревностное исполненіе обязанностей своихъ по званію Сенатора, и вызванъ изъ Москвы занять мѣсто Министра Юстиціи. Общественное уваженіе къ заслугамъ, пробившимъ себѣ стезю къ высокому назначенію на пути пользы и усердія къ службѣ государственной, безъ инаго предстательства и покровительства, кромѣ личныхъ достоинствъ, оказалось съ выборомъ Правительства въ совершенномъ согласіи, коимъ всегда дорожитъ попечительная и прозорливая власть. Между прочими законодательными постановленіями, послѣдовавшими во время управленія его министерствомъ юстиціи, замѣчателенъ по государственной важности указъ, въ силу коего запрещалось личнымъ дворянамъ пріобрѣтать крестьянъ и дворовыхъ людей. Благомыслящіе люди съ признательностію и радостію увидѣли въ семъ благонамѣренномъ распоряже-

ніи правительства отсѣченіе одной изъ отраслей бѣдственнаго злоупотребленія и надежду на совершенное искорененіе зла. Пробывъ въ званіи министра въ продолженіе важной эпохи войны народной и слѣдующихъ годовъ, достопамятныхъ для Россіи, уволенъ онъ былъ, по желанію своему, изъ службы, и снова возвратился въ Москву, гдѣ впослѣдствіи удостоился быть избранъ орудіемъ Высочайшей милости, оказанной пострадавшимъ жителямъ столицы отъ разоренія въ 1812 году.

Всѣ обстоятельства жизни человѣка значительнаго возбуждаютъ общее любопытство: тѣмъ болѣе желаемъ знать, какія были его связи, знакомства, и въ особенности, когда въ кругу ихъ встрѣчаемъ имена равно достойныя уваженія нашего по добродѣтели или заслугамъ. Счастливая судьба свела нашего поэта въ Семеновскомъ полку съ Ѳ. И. Козлятевымъ. Умъ образованный, страсть къ ученію, строгій и вѣрный вкусъ въ литературѣ и прекрасныя качества души ясной и благородной были свойствами человѣка, въ которомъ И. И. Дмитріевъ отыскалъ себѣ друга и еще болѣе, благодѣтеля, по прекрасному выраженію души, почитающей за истинное благодѣяніе пріязнь поучительную и сладостную людей добродѣтельныхъ и возвышенныхъ. „Онъ не могъ (говоритъ поэтъ въ письмѣ своемъ о покойномъ другѣ) передать мнѣ прекрасной души своей; по крайней мѣрѣ примѣромъ своимъ отвращалъ меня отъ всего низкаго“. Признаніе трогательное и возвышенное! Такое чувство свойственно только душѣ высокой и служитъ лучшею похвалою покойника и лучшимъ доказательствомъ, что друзья были достойны другъ друга. Знакомство ихъ началось въ Семеновскомъ полку, когда Ѳ. И. Козлятевъ былъ еще подпоручикомъ, а нашъ поэтъ сержантомъ; взаимная дружба, испытанная временемъ и всѣми измѣненіями жизни, прервана была одною смертію. Въ его судѣ о русской словесности, всегда основанномъ на чувствѣ изящнаго, поэтъ нашъ почерпалъ сію вѣрность и утонченность вкуса, которыя послѣ

руководствовали его дарованіемъ. Въ его библіотекѣ пользовался онъ старыми и новѣйшими произведеніями французской литературы особенно имъ одобряемыми, чаще же всего классическими, коихъ отпечатокъ ознаменовалъ самыя первыя его творенія въ то время, когда и охота, и самыя средства къ чтенію иностранныхъ писателей были такъ рѣдки и скудны. Любопытно знать, что при дружбѣ, столь тѣсно ихъ связывавшей, поэтъ никогда не показывалъ своихъ стиховъ другу, равно какъ и старшему брату своему и сослуживцу, о коемъ русскій путешественникъ упоминаетъ въ своихъ письмахъ, и коего любовные стихи читаемъ въ московскомъ журналѣ, писанные подъ шведскими ядрами, по выраженію издателя. Козлятевъ узналъ вмѣстѣ съ публикою о поэтическомъ дарованіи своего друга: съ какимъ живымъ удовольствіемъ долженъ онъ былъ привѣтствовать цвѣты, расцвѣтшіе тайкомъ отъ него, но, безъ сомнѣнія, отъ его попечительнаго участія и благотворнаго вліянія на склонности и образованіе поэта. Въ молодости своей Козлятевъ и самъ писалъ стихи, но также не показывалъ ихъ другу. Вѣроятно, находятся и переводы его, можетъ быть, и напечатанные безъ его имени. Необыкновенная скромность его только однажды дозволила ему показать другу прекрасный переводъ одной изъ древнихъ элегій; къ сожалѣнію, сей опытъ не былъ напечатанъ, и потерянъ. Не можемъ удержаться отъ удовольствія привести здѣсь одну прекрасную черту изъ жизни сего благодѣтельнаго человѣка. Въ истинныхъ друзьяхъ и печали и радости общія; кажется, что и самыя добродѣтели одного отражаются на другомъ, и потому никакія подробности, служащія къ чести Козлятева, не могутъ казаться здѣсь неумѣстными. Онъ имѣлъ небольшую деревню въ Владимірской губерніи; однажды пишетъ онъ къ своимъ крестьянамъ: „На нынѣшній годъ не присылайте мнѣ оброка: у меня остается на годовой прожитокъ довольно денегъ отъ прошлаго“.

Впослѣдствіи И. И. Дмитріевъ былъ въ связи со всѣми

литераторами нашими, которые прославились въ концѣ протекшаго столѣтія. Державинъ любилъ его, довѣрялъ его вкусу и слѣдовалъ иногда его совѣтамъ; стихи нашего поэта на смерть его первой супруги, исполненные чувства глубокаго, доказываютъ и его привязанность къ знаменитому лирику. Въ домѣ его познакомился онъ со Львовымъ (Н. А.), оставившимъ по себѣ нѣсколько пріятныхъ стихотвореній, и съ Фонвизинымъ, за нѣсколько часовъ до его смерти.

Излишнимъ будетъ упомянуть здѣсь о дружбѣ тѣсной и, такъ сказать, гласной, соединяющей его съ писателемъ знаменитымъ, дружбѣ примѣрной и поучительной, возраставшей отъ самой юности наравнѣ съ ихъ лѣтами и славою, и заимствовавшей новый блескъ и новую связь отъ соперничества въ успѣхахъ, такъ часто служащаго къ помраченію и разрыву пріязни въ людяхъ, коимъ чужія достоинства кажутся всегда собственными неудачами, чужія удачи личными оскорбленіями.

Никто лучше автора нашего не могъ бы составить обозрѣнія и записокъ литературныхъ послѣдняго полустолѣтія. Умъ наблюдательный, взглядъ зоркій и вѣрный, память счастливая, мастерство повѣствованія, вкусъ строгій и чистый, долгое обращеніе съ книгами и писателями,—все ручается за успѣшное исполненіе предпріятія, коего, смѣемъ сказать, мы почти въ правѣ требовать отъ автора, уже принесшаго столько пользы словесности нашей. У насъ государственные люди, полководцы, писатели, художники преходятъ молчаливо и какъ бы украдкою поприще дѣйствія своего и, по большей части, въ жизни сопровождаемые равнодушіемъ, по кончинѣ награждаются однимъ забвеніемъ. Смерть ихъ похитила, и изъ частной ихъ жизни молва ничего не завѣщаетъ намъ ни поучительнаго, ни занимательнаго, и ни одинъ голосъ не раздается для сохраненія ихъ памяти. На холодной и неблагодарной почвѣ остываютъ и изглаживаются всѣ слѣды человѣка знаменитаго при жизни, но который по смерти оставляетъ намъ, какъ извѣстный бригадиръ, развѣ только

одно преданіе въ газетахъ, что онъ выѣзжалъ въ Ростовъ. Суворовъ живъ у насъ въ однихъ реляціяхъ военныхъ, конечно, достаточныхъ для его славы; но не для любопытства нашего. Ломоносовъ, коего жизнь, можетъ быть, болѣе самыхъ твореній его исполнена поэзіи, еще ожидаетъ біографа искуснаго. Извѣстіе о жизни его, изданное Академіею, скудно, а какой богатый предметъ для философа, поэта, историка, который найдетъ въ немъ и поучительность истины строгой, и всю чудесность романическихъ вымысловъ! Дикій рыбакъ въ Холмогорахъ, пробуждаемый откровеніемъ природы, гонимый изъ родины потребностію чего-то неизвѣстнаго и пророческою тоскою генія; прусскій солдатъ въ крѣпости германской; преобразователь языка, поэтъ и ученый соревнователь первѣйшихъ лириковъ и Франклина въ Петербургѣ, едва только возникающемъ къ просвѣщенію. Какое разнообразіе въ картинѣ, какая игра и глубокая таинственность въ предназначеніи судьбы человѣческой! Гордость народная, источникъ любви къ отечеству, сей первой добродѣтели народа и сего перваго залога его славы, не можетъ и не должна быть слѣпымъ чувствомъ пристрастія, или грубымъ самохвальствомъ. Пусть почерпается она изъ точнаго познанія всего, что можетъ въ глазахъ нашихъ возвысить достоинство страны, въ коей мы родились, народа, коему принадлежимъ, изъ сродства нашего съ мужами, коихъ дѣятельная и плодотворная жизнь содѣйствовала благоденствію и славѣ отечества, и кои имѣютъ еще болѣе права на нашу благодарность, чѣмъ на благодарность своихъ современниковъ, ибо пора сѣянія не есть пора жатвы.

Во Франціи писатель, оставившій по себѣ страничку стиховъ въ гостепріимномъ календарѣ музъ, по смерти своей занимаетъ нѣсколько страницъ въ журналахъ и біографическихъ словаряхъ, а изъ нихъ переходитъ въ область исторіи. Такая мелочная попечительность можетъ казаться неумѣстною и смѣшною въ чужѣ; но въ своей землѣ она есть полезное поощреніе ко всѣмъ предпріятіямъ общественнымъ, побужде-

ніе къ славѣ и средство успѣшное для поддержанія и подкрѣпленія семейственной связи народа, которая прерывается и рушится тамъ, гдѣ старина безъ преданій, а настоящее безъ честолюбивыхъ упованій на будущее.

Въ 1791 году Карамзинъ, возвратившійся въ Россію съ умомъ, обогащеннымъ наблюденіями и воспоминаніями, собранными въ путешествіи по государствамъ классической образованности Европейской, началъ издавать Московскій Журналъ, съ коего, не во гнѣвъ старозаконникамъ будь сказано, начинается новое лѣтосчисленіе въ языкѣ нашемъ. Въ семъ изданіи, на мрачныхъ развалинахъ готическихъ, положено первое основаніе зданія правильнаго и свѣтлаго нашей возрождающейся словесности.

Въ Московскомъ Журналѣ встрѣчаются первыя печатныя стихотворенія нашего поэта, признанныя имъ и вкусомъ. Многія изъ нихъ не были послѣ перепечатаны; но любители стиховъ и наблюдатели постепеннаго усовершенствованія дарованій съ удовольствіемъ отъискиваютъ нѣкоторыя преданныя авторомъ забвенію, а въ другихъ слѣдуютъ за исправленіями, коими очищалъ ихъ вкусъ образующійся и разборчивость строжайшая. Въ худомъ писателѣ и случайныя красоты его никому не въ пользу: въ хорошемъ и самыя погрѣшности служатъ предметомъ наблюденія и ученія. „Что меня отличаетъ отъ Прадона? Слогъ!" говорилъ Расинъ. А слогъ, какъ и тѣлесныя силы, зрѣетъ и мужаетъ отъ изощренія и времени. Въ посредственныхъ писателяхъ постепенныя измѣненія не такъ разительны: они въ самой молодости являютъ истощеніе и холодность преклонныхъ лѣтъ; въ возрастѣ мужества отзывается въ ихъ лепетаніи недозрѣлость и невинность ребячества. Въ писателяхъ образцовыхъ переходы иногда неимовѣрны. Боссюэтъ въ первыхъ опытахъ былъ надутъ и до невѣроятія погрѣшалъ противъ вкуса. У него встрѣчаются выраженія: „да здравствуетъ Вѣчный!" Дѣтей называетъ онъ: рекрутами человѣческаго рода.

Авторы-друзья собирались издать свои сочиненія въ одной

книгѣ; обстоятельства не позволили исполнить намѣренія. Карамзинъ напечаталъ свои прежде, подъ названіемъ: Мои бездѣлки. „Какъ же мнѣ назвать свою книгу?“ сказалъ однажды товарищъ опоздавшій: „развѣ И мои бездѣлки?“ Такъ и сдѣлалось; и въ самомъ дѣлѣ Ермакъ, Причудница—такія же бездѣлки, какъ Наталья боярская дочь, Дарованія, т. е. бездѣлки для таланта, который разсыпаетъ ихъ легкою рукою, и камни преткновенія для посредственности безсильной и зависти, тщетно разбивающей о нихъ орудія своей досады. Нѣкоторые еще и понынѣ держатся буквальнаго значенія наименованій, данныхъ авторами своимъ произведеніямъ. Эти люди не пробуждаются, но оглушаются звономъ словъ высокопарныхъ, и по свѣтской привычкѣ они платятъ спеси авторской дань приличную достоинству; дарованія не распознаютъ, если оно показывается подъ завѣсою скромности. Для нихъ громкое наименованіе книги есть тоже, что знакъ отличія на человѣкѣ, то есть, требованіе на безусловное поклоненіе. Послѣ изданія И моихъ бездѣлокъ, вышедшаго въ Москвѣ въ 1795 году, было, сказываютъ, напечатано и другое, но безъ вѣдома автора. Тутъ, какъ и въ Московскомъ Журналѣ, находятся стихотворенія, исключенныя авторомъ изъ послѣдовавшихъ изданій, но которыя хранятся въ памяти у литераторовъ. Игривые стихи: Къ пріятелю съ дачи, сверкаютъ веселостію и остроуміемъ французскимъ.

Отъ 1795 до 1818 года разошлось шесть изданій поэта нашего, не считая двухъ изданій басень, изъ коихъ послѣднее было перепечатано въ 1810 году. Такое явленіе обыкновенно въ другихъ государствахъ, гдѣ всѣ читаютъ и все читается; но у насъ, гдѣ число читателей ограничено, а разборчивость ихъ если не всегда проницательна, то по крайней мѣрѣ взыскательна, и гдѣ цѣна на книги чрезмѣрно высока, такой примѣръ замѣчателенъ и утѣшителенъ. Пускай недовольные вопіютъ противъ непризнательности и несправедливости общества: мы, забывая о иныхъ ложныхъ приговорахъ публики, которая, какъ и другой судья, подвержена бываетъ

иногда заблужденіямъ, обольщенію и лицепріятію, порадуемся за нее и за писателей, когда видимъ блестящіе опыты ея разумѣнія и справедливости.

Кажется, что вопросъ: кого должны мы утвердительно почесть основателями нынѣшней прозы и настоящаго языка стихотворнаго? давно уже рѣшенъ большинствомъ голосовъ. Языкъ Ломоносова въ нѣкоторомъ отношеніи есть уже мертвый языкъ. Сумароковъ подвинулъ у насъ ходъ и успѣхи словесности, но не языка. Языкъ Петрова, Державина, обильный поэтическою смѣлостію, красотами живописными и быстрыми движеніями, не можетъ быть почитаемъ за языкъ классическій или образцовый. Подражатели ихъ удачнаго своевольства, остановясь на одной безобразности, не переступятъ никогда за черту, недосягаемую для посредственности, черту, за коею геній похищаетъ право сбросить съ себя яремъ докучныхъ условій, его рукою порабощенныхъ и предъ нимъ безмолвствующихъ. Языкъ Хераскова и ему подобныхъ отцвѣлъ вмѣстѣ съ ними, какъ нарѣчіе скудное, единовременное, не взросшее отъ корня живого въ прошедшемъ и не пустившее отраслей для будущаго. Въ нѣкоторыхъ изъ стиховъ и прозаическихъ твореній Фонвизина обнаруживается умъ открытый и острый; и хотя онъ первый, можетъ быть, угадалъ игривость и гибкость языка, но не оказалъ совершенно авторскаго дарованія: слогъ его есть слогъ умнаго человѣка, но не писателя изящнаго. Богдановичъ, въ нѣкоторыхъ отрывкахъ Душеньки и другихъ стихахъ, коихъ доискиваться должно въ безднѣ стиховъ обыкновенныхъ, можетъ назваться баловнемъ счастія, но не питомцемъ искусства. Мольеръ говорилъ о Корнелѣ, что какой-то добрый духъ нашептываетъ ему хорошіе стихи его: тоже можно сказать и о пѣвцѣ Душеньки, сожалѣя, что духъ враждебный такъ часто нагова-рпвалъ ему на другое ухо—стихи вялые и нестройные. Если и полагать, что нерадпвый Хемницеръ трудился когда нибудь надъ усовершенствованіемъ языка, то развѣ съ тѣмъ, чтобы домогаться въ стихахъ своихъ совершеннаго отсутствія

искусства. Но, отвергая предположеніе невѣроятное, признаемся, что простота его иногда плѣнительная, часто уже слишкомъ обнажена; къ тому же онъ, упражняясь только въ одномъ родѣ словесности, и не могъ рѣшительно дѣйствовать на образованіе языка. Всѣ сіи писатели и нѣсколько другихъ, здѣсь не упомянутыхъ, болѣе или менѣе обогащали постепенно нашъ языкъ новыми оборотами и новыми соображеніями, и расширяли его предѣлы; но со всѣмъ тѣмъ признаться должно, что и посредственнѣйшіе изъ писателей нынѣшнихъ (разумѣется, и здѣсь найдутся исключенія), пишутъ не языкомъ Княжнина и Емина, стоящихъ гораздо выше многихъ современниковъ нашихъ, если судить о дарованіи авторскомъ, а не о превосходствѣ слога. Ѳемистоклъ и Аннибалъ, конечно, были одарены геніемъ воинскимъ, коего не найдемъ въ каждомъ изъ современныхъ нашихъ генераловъ; но нѣтъ сомнѣнія, что въ нынѣшнемъ усовершенствованіи военнаго искусства, каждый изъ нихъ, при малѣйшемъ образованіи, пользуется средствами, облегчающими ему успѣхи, о коихъ древніе полководцы, не взирая на всю обширность своихъ соображеній, и мысли не имѣли. Строгая справедливость и обдуманная признательность, называя двухъ основателей нынѣшняго языка нашего, соединяетъ еще новыми узами имена, сочетанныя уже давно постоянною и примѣрною дружбою. Отвращеніе ко всѣмъ успѣхамъ ума человѣческаго ополчило и здѣсь соперниковъ, во имя старины, противъ Карамзина и Дмитріева, развивающихъ средства языка, еще недовольно обработаннаго, и обогащающихъ сей языкъ добычею, взятою изъ его собственныхъ сокровищъ. Сіе раскрытіе, сіи примѣненія къ нему понятій новыхъ, сіи вводимые обороты называли галлицизмами, и можетъ быть, не безъ справедливости, если слово галлицизмъ принято въ смыслѣ европеизма, т. е., если принять языкъ французскій за языкъ, который преимущественнѣе можетъ быть представителемъ общей образованности Европейской. Согласиться должно, что вкусъ французской словесности, которая преимущественно образовала умъ

и дарованія нашихъ двухъ писателей, замѣтенъ въ ихъ произведеніяхъ; но и то неоспоримо, что, при тогдашнемъ состояніи нашей литературы, писателямъ, вызываемымъ дарованіями отличными изъ тѣснаго круга торжественныхъ одъ и прозы ребяческой или высокопарной, въ коей по большей части были въ обращеніи одни слова, а не мысли, должно было заимствовать обороты изъ языковъ уже созрѣвшихъ, и прививать ихъ рукою искусною къ своему языку, пріемлющему съ пользою все то, что только не противится коренному его свойству. Мы могли бы спросить, изъ которыхъ языковъ прививки были бы выгоднѣе для русскаго языка, и свойственнѣе ли ему германизмы, англицизмы, италіанизмы, даже эллинизмы и латинизмы? Но рѣшеніе сего вопроса не подлежитъ настоящему разсужденію, и не удовольствовало бы ни въ какомъ случаѣ гнѣва противниковъ, готовыхъ поразить равнымъ проклятіемъ все то, что не заклеймено печатію старины и не освящено правомъ давности, единственнымъ правомъ, коему поклоняются умы лѣнивые и робкіе. Не слышимъ ли ежедневно смертныхъ приговоровъ, произносимыхъ защитниками здравой словесности, школьными классиками, надъ смѣлыми покушеніями Жуковскаго, который мастерскою рукою похитилъ красоты съ германской почвы и, пересадивъ на нашу, укоренилъ ихъ въ русской поэзіи? Лучше носиться иногда съ Шиллеромъ и Гёте въ безбрежныхъ областяхъ своенравнаго воображенія, чѣмъ пресмыкаться вѣчно на лощинахъ посредственности, не отступая, для успокоенія совѣсти, отъ правилъ условныхъ, коихъ затруднительное соблюденіе можетъ придать лучшій блескъ твореніямъ изящнымъ, но не въ состояніи придать достоинства творенію плоскому и бездушному. Наша словесность еще въ такомъ несовершеннолѣтіи, что каждая попытка дарованія, будетъ ли она утверждена или отринута дальнѣйшимъ употребленіемъ, неминуемо должна ей и языку обратиться въ пользу.

Примѣчательно и забавно то, что Карамзинъ и Дмитріевъ, какъ великіе полководцы, которые, преобразовавъ искусство

военное, кончаютъ тѣмъ, что самыхъ враговъ своихъ научаютъ сражаться по системѣ, ими вновь введенной, научили непримѣтнымъ образомъ и противниковъ своихъ писать съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ по-своему. Какъ часто видѣли мы, что присяжные заступники старинныхъ писателей витійствуютъ за нихъ и противъ новѣйшихъ, на языкѣ утвержденномъ сими послѣдними! Языки, прославленные твореніями Данта, Шекспира и другіе, не смотря на огромность славы своихъ образователей и ненарушимость правъ ея на уваженіе потомства, не могли пребыть неизмѣнными у народовъ зрѣлѣйшихъ въ образованности: зачѣмъ же на насъ однихъ налагать неподвижность и задерживать естественный ходъ языка, который только-что начинаетъ выходить изъ отроческаго возраста и нуждается еще въ правилахъ, утвержденныхъ употребленіемъ или законною властію? Повѣрить легко, что для многихъ онъ достаточно, если не съ излишествомъ, изобилуетъ оборотами и соображеніями; найдутся люди и даже въ числѣ писателей нашихъ, которые нѣсколькими сотнями словъ могли бы выручить полную сумму своихъ наличныхъ понятій; но забывать не должно, что при этомъ родѣ людей угомонныхъ и умѣренныхъ бываютъ и такіе, коихъ неутолимая жажда къ пріобрѣтеніямъ безпрерывно умножаетъ богатство языка, а съ ними и его потребности. Умъ человѣка знаетъ отдыхъ и бездѣйствіе; но умъ человѣческій завсегда въ работѣ и движеніи наступательномъ. Новыя понятія, новыя открытія въ наукахъ, новыя устройства въ порядкѣ гражданскомъ, требуютъ и новыхъ выраженій или новыхъ соображеній въ значеніи словъ уже извѣстныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и самый нашъ языкъ, уже измѣнившійся, измѣнится еще, по мѣрѣ, какъ мы будемъ непосредственнѣе и дѣйствительнѣе участвовать въ общемъ ходѣ образованности и просвѣщенія. Исторія Государства Россійскаго составляетъ сама эпоху въ слогѣ Карамзина и слѣдственно эпоху и въ русскомъ языкѣ.

Нашъ поэтъ въ разныхъ родахъ испытывалъ свои силы,

и намъ можно жалѣть не о томъ, что онъ, не совѣтуясь съ своимъ геніемъ, принимался за иное, но о томъ, что, не совѣтуясь съ выгодами читателей, не умножилъ и еще болѣе не разнообразилъ своихъ опытовъ. Начнемъ съ лирическихъ твореній обозрѣніе его трудовъ поэтическихъ.

Народныя воспоминанія, славныя событія отечественныя, внезапная и чудная смерть исполина, коего жизнь и знаменитость имѣли что-то своенравное и баснословное, явленія природы, кои въ разнообразномъ однообразіи своемъ живѣе самыхъ явленій общества дѣйствуютъ на душу поэта, пробуждали и въ нашемъ сей восторгъ пламенный и увлекательный, коему нельзя научиться въ піитикахъ, ни подражать съ помощію искусства, если онъ не зажженъ въ насъ рукою природы, и который одинъ творитъ истинныхъ лириковъ. Въ лирическихъ произведеніяхъ его не найдетъ сихъ одъ торжественныхъ, писанныхъ, такъ сказать, подъ руководствомъ личныхъ вдохновеній, на такой-то случай или день, и не переживающихъ въ памяти любителей поэзіи ни случая, ни дня, ни героя, для коего онѣ были изготовлены. Паскаль говорилъ, что вся поэзія заключается въ бѣдственномъ лаврѣ, прелестномъ свѣтилѣ (laurier fatal, bel astre) и тому подобныхъ выраженіяхъ. Паскаль доказалъ, что можно при умѣ глубокомъ и обширномъ не имѣть чувства поэзіи; но если бы кто у насъ сказалъ, что за исключеніемъ первенствующихъ лириковъ, языкъ лирическій составленъ изъ райскихъ криновъ, изъ безотвѣтныхъ вопросовъ: что зрю? какой восторгъ! куда парю?—то доказалъ бы, что онъ съ прилежаніемъ вникнулъ въ тайну многихъ нашихъ лириковъ. Не подражая рабски и слѣпо предшественникамъ своимъ на поприщѣ лирической поэзіи, нашъ поэтъ умѣлъ себѣ присвоить родъ, еще не испытанный ни Ломоносовымъ, ни Петровымъ, ни Державинымъ. Два образца, которые приличнѣе назвать лирическими поэмами, нежели одами, доказываютъ, что можно и не ревнуя въ звучности и плавности съ отцемъ нашей поэзіи, ни въ смѣлости порывовъ и выраженій съ

двумя его преемниками, занять мѣсто почетное въ числѣ лириковъ. Ермакъ, Освобожденіе Москвы, исполнены огня поэтическаго и, что еще лучше, если оно въ такомъ случаѣ не одно и то же, огня любви къ отечеству, не сей любви грубой, которая болѣе охлаждаетъ душу читателей, но любви возвышенной, переливающей въ другихъ пламень животворный, коимъ она согрѣвается. Тутъ лирикъ, напрягши умъ, наморщивши чело, не карабкается на ходули восторга, даже и неискусственнаго, не замѣняетъ плоскости щедушнаго своего предмета пухлостію выраженій; но возвышается наравнѣ съ нимъ и заимствуетъ свой жаръ отъ чувства, которое имъ овладѣло. Ермакъ—мрачная и угрюмая картина, въ коей поэзія та же живопись; не знаю только, употреблены ли въ ней съ вѣрностію краски мѣстныя и сродныя лицамъ и сценѣ, на коей они дѣйствуютъ. Драматическое движеніе, данное сему произведенію, есть опытъ новый и мастерской. Стихъ:

И вскорѣ скрылися въ туманѣ,

вывѣска необыкновеннаго искусства. Эта черта довершаетъ картину превосходнымъ образомъ. Воображеніе слѣдуетъ взоромъ за шаманами, скрывающимися въ туманѣ, какъ и самая слава ихъ отечества, которое они оплакиваютъ. Бой Ермака съ Мегметъ-Куломъ оживляется въ глазахъ читателей, и звучность стиховъ, разительныхъ и твердыхъ, дополняетъ обманомъ слуха обманъ глазъ,—обольщенныхъ искусствомъ поэта.—Г-жа Сталь въ Десятилѣтнемъ изгнаніи говоритъ: „Русскій языкъ очень звонокъ; я готова сказать, что въ немъ есть что-то металлическое“. Можно подумать, что она сдѣлала это заключеніе, слушая стихи изъ упомянутаго отрывка.

Въ Освобожденіи Москвы болѣе движеній и дѣйствія, чѣмъ въ нѣсколькихъ пѣсняхъ Россіады, выбранныхъ на произволъ. Поэтъ даетъ въ первомъ произведеніи образецъ живописный боя, здѣсь образецъ битвы. Сжатая, но мастерскими чертами означенная картина ужаса, распространяемаго

пирующею смертію, отличается отдѣлкою совершенною. Тутъ, въ нѣскольких стихахъ, приведено все, что можетъ возбудить въ сердцѣ чувство состраданія къ жертвамъ войны и опустошенія, всегда ей сопутствующаго. Вообще сіи два произведенія носятъ на себѣ отпечатокъ силы безъ напряженія, смѣлости безъ своевольства, искусства безъ принужденія, что составляетъ въ поэтѣ нашемъ отличительные признаки его лирическаго дарованія. Желательно, чтобы данный имъ примѣръ—почерпать вдохновеніе поэтическое въ источникѣ исторіи народной, имѣлъ болѣе подражателей. Источникъ сей нынѣ расчищенъ рукою искусною и въ нѣдрахъ своихъ содержитъ все то, что можетъ даровать жизнь истинную и возвышенную поэзіи. Пора, выводя ее изъ тѣснаго круга общежительныхъ удовольствій, вознести на степень высокую, которую она занимала въ древности, когда поучала народы и воспламеняла ихъ къ мужеству и добродѣтелямъ государственнымъ. „Должно непремѣнно", говоритъ г-жа Сталь въ помянутой книгѣ, „чтобы русскіе писатели почерпали поэзію въ ближайшихъ чувствахъ, таящихся у нихъ во глубинѣ души. Они донынѣ, такъ сказать, шевелятъ только „губами, и никогда народъ, столь пылкій, не можетъ быть растроганъ такими глухими звуками!" Постараемся избѣгнуть сего справедливаго упрека, и пусть поэзія, мужая вмѣстѣ съ вѣкомъ, отстаетъ отъ игръ ребяческихъ, въ коихъ нѣжится ея продолжительное отрочество.

Въ стихахъ Къ Волгѣ, какъ и во всѣхъ его другихъ, не обнаруживается стремительность пламенная, которая, преодолѣвая всѣ оплоты, исторгаетъ невольно и удивленіе безмолвное; но видно сіе искусное благоразуміе поэта, предписывающее ему совѣтоваться съ своимъ геніемъ и пользоваться принадлежностями, ему сродными. Поэтъ, воспѣвая Волгу, не увлекается, подобно пѣвцу Водопада, воображеніемъ своенравнымъ и неукротимымъ; но, управляя имъ, описываетъ вѣрно и живо то, что видитъ, и заимствуетъ изъ преданій историческія воспоминанія для отдѣлки картины не обширной, не яркой, но стройной, свѣжей и правильной.

„Размышленіе по случаю грома" содержитъ стихи сильные, точные, гдѣ слова, такъ сказать, въ обрѣзъ и на перечётъ, заставляютъ забывать о недостаткѣ риѳмы, украшенія стиховъ хорошихъ и необходимости стиховъ посредственныхъ. Пѣсни его долго пользовались—однѣ съ пѣснями Нелединскаго,—славою быть присвоенными поломъ, для коего онѣ пишутся, въ то время, когда русскій языкъ не былъ еще признанъ граціями. Мы имѣемъ множество пѣсенъ, но большая часть изъ нихъ могутъ быть уподоблены древнимъ монетамъ, покоящимся въ кабинетахъ ученыхъ, но не пускаемымъ въ обращеніе; если изъ огромныхъ пѣсенниковъ нашихъ исключить всѣ пѣсни, которыя не поются, то пришлось бы книгопродавцамъ преобразовать свои толстые томы въ маленькія тетрадки.

Какъ Фонвизинъ одинъ написалъ русскую комедію, въ коей изобличаются дурачества и пороки не заимствованные, а природные, не пошлые, а личные; такъ и нашъ поэтъ одинъ написалъ и, къ сожалѣнію, одну русскую сатиру, въ коей осмѣивается слабость, господствовавшая только на нашемъ парнасѣ. Недоросль и Чужой толкъ носятъ на себѣ отпечатокъ народности, мѣстности и времени, который, отлагая въ сторону искусство авторское, придаетъ имъ цѣну отличную. Легко можно написать комическую сцену, или десятокъ рѣзкихъ стиховъ сатирическихъ, при талантѣ и начитанности; но быть живописцемъ образцовъ, посреди коихъ живемъ, писать картины не на память, или наобумъ, но съ природы, ловить черты характеристическія, оттѣнки въ физіономіи лицъ и обществъ, можно только при умѣ наблюдательномъ, прозорливомъ и глубокомъ. Тогда удовольствіе соединяется съ пользою въ произведеніи искусства, и авторъ достигаетъ высоты назначенія своего: быть наставникомъ согражданъ.—Переводъ изъ Попа, хотя и поставленъ въ числѣ посланій, можетъ почтенъ быть за сатиру, въ коей поэтъ остроумно, а иногда и съ чувствомъ, жалуется другу своему на положеніе въ обществѣ Автора, коему нерѣдко

жить худо и отъ друзей, и отъ враговъ его. Сей переводъ отдѣланъ тщательнѣе и удачнѣе предъидущаго: свободность въ стихосложеніи, правильность и красивость слога, почти вездѣ постоянная естественность языка стихотворнаго, даютъ право назвать сіе произведеніе и первымъ опытомъ и едва ли не лучшимъ образцемъ такого рода поэзіи на языкѣ нашемъ.

Сколько истинной поэзіи и чувства въ Посланіи къ друзьямъ, которое одно могло бы, если нужно, служить доказательствомъ, что достоинство поэта нашего не ограничивается однимъ искусствомъ и умомъ живымъ, но всегда холоднымъ, когда душа не участвуетъ въ его твореніяхъ! Вольтера также упрекали въ недостаткѣ чувствительности, но его стансы къ Сидевилю, которые если не съ искусствомъ, то по крайней мѣрѣ съ чувствомъ переведены Херасковымъ, краснорѣчиво опровергаютъ такое нареканіе. Обвинителямъ нашего поэта назову стихи „къ друзьямъ", и если они сами не носятъ въ себѣ души черствой, то должны признаться, что и сквозь наружность, часто холодную, отражается въ его дарованіи душа теплая и внимательная къ сладостнымъ вдохновеніямъ унынія.

Въ другихъ родахъ стихотворства, поэтъ оставилъ намъ, какъ мы видѣли, образцы своего дарованія, образцы изящные, и мы сожалѣемъ, что оставилъ ихъ не болѣе. Въ басняхъ завѣщаетъ онъ намъ славу полную. Число басенъ, имъ написанныхъ, доказываетъ, что онъ занимался ими охотнѣе, нежели инымъ родомъ поэзіи; но изъ того не слѣдуетъ, что сей родъ свойственнѣе другихъ его дарованію. По слогу и стихосложенію Хемницера видимъ, что ему можно было писать только однѣ басни; но басни И. И. Дмитріева, еслибъ и не оставилъ онъ другихъ памятниковъ поэтическихъ, служили бы доказательствомъ, что его гибкое дарованіе способно къ разнообразнымъ измѣненіямъ. Кажется неоспоримо, что онъ первый началъ у насъ писать басни съ правильностію, красивостію и поэзіею въ слогѣ. Говорить не въ шутку о каррикатурныхъ притчахъ Сумарокова смѣшно и безразсудно: обыкновенно простота его есть плоскость, игри-

вость—шутливость, свободность—пустословіе; живопись—мѣстами яркое, но по большей части грубое малярство. О Хемницерѣ мы уже осмѣлились сказать свое мнѣніе: Басни его наги, какъ истина, пренебрегшая хитрости искусства, коего союзъ ей нуженъ, когда она не столько поражать, сколько увлекать хочетъ, не столько покорять, сколько вкрадываться въ сердца людей, пугающихся наготы и скоро скучающихъ тѣмъ, что ихъ непостоянно забавляетъ. Согласимся, что если нравственная цѣль басни и постигнута имъ, то не прокладывалъ онъ къ ней слѣдовъ піитическихъ, и въ оправданіе приговора нашего, если покажется онъ излишне строгимъ, замѣтимъ, что мы здѣсь судимъ болѣе о литературномъ, чѣмъ о нравственномъ достоинствѣ басни. Барковъ, болѣе извѣстный по рукописнымъ твореніямъ, нежели по печатнымъ переводамъ классическихъ поэтовъ древности, переложилъ въ шестистопные стихи всѣ басни Федра. Въ переводѣ своемъ старался онъ придерживаться краткости и точности подлинника, и за исключеніемъ выраженій обветшалыхъ, черствыхъ и какой-то тупости въ стихосложеніи, пороковъ, кои должно приписывать болѣе времени, нежели поэту, басни его и теперь еще можно читать съ пріятностію, хотя онѣ и преданы забвенію несправедливому. Херасковъ оставилъ намъ полную книжку басенъ, подпавшихъ жребію его трагедій и комедій; большая часть изъ нихъ отличается скудостію мыслей и слабостію изобрѣтенія, но притомъ и легкостію въ стихосложеніи и свободою въ разсказѣ. Майковъ, творецъ нѣсколькихъ поэмъ комическихъ, въ коихъ главный недостатокъ есть отсутствіе комической веселости, то есть души подобныхъ твореній, написалъ также довольное число басенъ нравственныхъ—по выраженію издателей, но не піитическихъ, по приговору критики. Вѣроятно, что въ нихъ достойнѣйшими примѣчанія стихами могутъ быть слѣдующіе. Лягушки, просящія о Царѣ, описывая Юпитеру картину безпорядковъ отъ безначальства своего, говорятъ, что у нихъ сильные притѣсняютъ слабыхъ:

И кто кого смога,
Такъ тотъ того въ рога.

Сіи лягушечьи рога могутъ итти въ собраніе рѣдкостей естественныхъ, или, лучше сказать, сверхъ-естественныхъ, коими своенравная природа угощаетъ на-заказъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ баснописцевъ. Лучшее доказательство первенства нашего автора въ числѣ русскихъ баснописцевъ есть то, что не примѣръ Сумарокова и Хемницера, о другихъ и говорить не кстати, но его примѣръ возбудилъ многихъ подражателей и обогатилъ поэзію нашу баснями, не въ соразмѣрности по числу хорошихъ съ другими отраслями поэзіи. Напрасно заключаютъ многіе изъ богатства нашего, что басни легче другого пишутся. Одъ, буде называть Одами все то, что выпущено у насъ въ свѣтѣ подъ симъ общимъ названіемъ, не менѣе, если не болѣе басенъ; причина тому, что никто изъ поэтовъ не дѣйствовалъ на общій вкусъ сильнѣе Ломоносова, Державина и Дмитріева. Вотъ главнѣйшая причина, а другая та, что басня если не легче, то скорѣе пишется, чѣмъ посланіе, или иное твореніе, принадлежащее къ роду легкой поэзіи, и обыкновенно требующее большаго числа стиховъ; прибавимъ еще, что басня, имѣя всегда общенародную занимательность, естественнѣе влечетъ къ подражанію, нежели другое произведеніе, котораго достоинство зависитъ иногда отъ условій личныхъ и мѣстныхъ. Здѣсь, вѣроятно, источникъ изобилія нашего въ семъ родѣ литературы. Оставляя догадки, болѣе или менѣе замысловатыя, на коихъ основываютъ происхожденіе басни, постараемся пріискать особенно намъ сродную и нравственную причину укоренѣнія баснотворства у насъ. Яркая черта ума русскаго есть насмѣшливость лукавая, но наша острота, не заключающаяся, какъ острота французская, въ игрѣ словъ, или тонкомъ выраженіи мысли, есть болѣе живописная. Французскія шутки бѣглы и, такъ сказать, не осязательны, какъ двусмысленное значеніе или переливающіеся оттѣнки словъ, изъ коихъ онѣ составлены; наши обыкновенно въ лицахъ, и болѣе говорятъ чувству, чѣмъ понятію. Французскій остроумецъ ловко и проворно дѣйствуетъ орудіемъ остроты и колетъ имъ свою жертву;

русскій владѣетъ кистью, коею расписываетъ лица на-смѣхъ. Шутки французскія вырываются подъ вдохновеніемъ Аполлона и напоминаютъ, что онъ вооруженъ стрѣлами мѣткими и язвительными: наши отзываются добродушіемъ веселаго Мома, который насмѣхается, чтобы смѣшить и смѣяться. Всякая французская насмѣшка годится на остріе эпиграммы или сатирическаго куплета; лучшія русскія шутки могутъ служить основою забавныхъ каррикатуръ.

Замѣтимъ, что при насмѣшливости ума Русскаго, законы нашего общежитія, подкрѣпленные, а можетъ быть и порожденные законами государственными, не позволяя ему преступать тѣсныхъ границъ, назначенныхъ строгимъ уваженіемъ къ личности и ко многимъ освященнымъ условіямъ, обязываютъ его прибѣгать къ уловкамъ лукавства, когда онъ хочетъ предаваться господствующей своей наклонности. И послѣ того легко согласиться можно, что басни должны были укорениться у насъ и часто утаивать, подъ своимъ покровомъ, обнаженіе истины или слишкомъ смѣлой, или слишкомъ язвительной. Обращая вниманіе на русскія пословицы, сей отголосокъ ума народовъ, найдемъ еще новые доводы сродства нашего съ баснями: сколько изъ нихъ живописныхъ и драматическихъ, въ коихъ герои Эзопа играютъ важныя роли, и сколько изъ нихъ могутъ служить основою басенъ.

„Говорятъ, что Лафонтенъ ничего не изобрѣлъ: онъ „изобрѣлъ свое искусство писать, и его изображеніе „не сдѣлалось общимъ“. Такъ судилъ Лагарпъ во Франціи, и такъ, безъ сомнѣнія, судилъ бы онъ у насъ о нашемъ Лафонтенѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что поэтъ нашъ болѣе всѣхъ породнился со своими подлинниками; но достоинство его заключается не въ томъ, что онъ не отступаетъ отъ Лафонтена и Флоріана, и удачно подражаетъ ихъ красотамъ, а въ томъ, что онъ у насъ превосходенъ, и что красоты стиховъ его правильныхъ, изящныхъ и живыхъ суть красоты на языкѣ нашемъ образцовыя. Шемфоръ говоритъ о Лафонтенѣ: „Ему одному предоставлено „было сочетать въ краткости аполога оттѣнки рѣзкіе“ и

краски противоположныя. Часто одна басня соединяетъ въ себѣ простоту Марота, игривость и замысловатость Воатюра, черты поэзіи возвышенной и „нѣсколько такихъ стиховъ, кои силою смысла навсегда врѣзываются въ памяти“. Естественно примѣненіе сего сужденія къ автору, о коемъ пишемъ, само собою представится уму читателей, вникнувшихъ въ его искусство. Какое постоянное разнообразіе въ слогѣ, пріемахъ и украшеніяхъ, и какая вездѣ вѣрность въ порядкѣ выраженій, картинъ и принадлежностей!

Дубъ съ Тростію вступилъ однажды въ разговоры.

Какое мастерское изложеніе! Будь разговоръ начатъ Тростію, а не Дубомъ, и этотъ стихъ неумѣстною важностію погрѣшилъ бы противъ вѣрности: здѣсь онъ отвѣчаетъ и лицу, выглядывающему изъ-за Дуба, и самому преимуществу, данному природой гордому временщику лѣсовъ надъ слабою и смиренною Тростію. Мы остановились на первомъ примѣрѣ, который намъ встрѣтился, но подобныхъ примѣровъ найдется тысяча, еще разительнѣйшихъ. Г. Измайловъ (А. Е.), критикуя въ хорошемъ сочиненіи своемъ о разсказѣ басни, слѣдующій стихъ за приведеннымъ выше:

Жалѣю, Дубъ сказалъ, склоня къ ней важны взоры,—

говоритъ: „Дубъ не имѣетъ глазъ, слѣдовательно не можетъ склонять взоровъ. Деревьямъ и растеніямъ позволяется въ баснѣ только говорить, а не дѣйствовать, подобно животнымъ“. Кажется, что сіе замѣчаніе болѣе изыскано и строго, чѣмъ справедливо. Если въ баснѣ вся природа, одушевленная и вещественная, пользуется преимуществомъ словесныхъ тварей и даромъ размышленія; то можно, кажется, ей безъ исключенія дозволить и видѣть и слышать, наравнѣ съ другими животными. Здѣсь приходитъ на умъ вопросъ естественный: если отказать Дубу въ глазахъ, то какъ же увидитъ онъ Трость и разсмотритъ, что она растетъ

На топкихъ берегахъ владычества Эола?

Приписывать Дубу зрѣніе внутреннее, которое не всѣми признается и въ людяхъ, подверженныхъ дѣйствію магнетизма

животнаго, еще гораздо сверхъестественнѣе и произвольнѣе. Баснь Дубъ и Трость была любимѣйшею баснею Лафонтена; не соглашаясь съ нимъ, не отдадимъ исключительнаго преимущества надъ другими и переводу, хотя по слогу стоитъ онъ въ числѣ лучшихъ произведеній нашего поэта. За исключеніемъ двухъ словъ, неправильно употребленныхъ (злачна, вмѣсто злачнаго; воружась, вмѣсто вооружась), вообще всѣ стихи совершенны, а иные отдѣляются еще и отъ общаго совершенства блескомъ преимущественнымъ и красотою отличною. Лучшія басни его, по нашему мнѣнію, слѣдующія: Дубъ и Трость; Пѣтухъ, Котъ и Мышенокъ; Мышь, удалившаяся отъ свѣта; Чижикъ и Зяблица; Лиса проповѣдница; Два Голубя; Человѣкъ и Конь; Исторія; Прохожій; Два друга; Котъ, Ласточка и Кроликъ; Воспитаніе Льва; Три Льва; Смерть и Умирающій; Жаворонокъ съ дѣтьми и земледѣлецъ; Старикъ и трое молодыхъ; Искатели Фортуны; Царь и два Пастуха. О нихъ почти то же можно сказать, что сказано передъ тѣмъ о нѣкоторыхъ стихахъ изъ Дуба и Трости: онѣ лучшія не потому, чтобы остальныя были посредственны, но лучшія изъ басенъ нашего поэта, которыя суть лучшія на языкѣ нашемъ. Прилагательное „лучшее" имѣетъ смыслъ относительный и личный: посредственное въ Херасковѣ было бы лучшимъ въ Николевѣ, а лучшее Хераскова обыкновеннымъ въ Державинѣ. По красивости въ слогѣ и живости въ поэзіи, назвали бы совершеннѣйшею басню: Чижикъ и Зяблица, если бы нравственное ея содержаніе было занимательнѣе, а предметъ глубокомысленнѣе или замысловатѣе. Какая утренняя свѣжесть въ начальныхъ чертахъ! сколько чувства и простоты въ стихахъ:

Но безъ товарища и радость намъ не въ радость,
Желаемъ для себя, а ищемъ раздѣлить.

Смотрите далѣе, какъ темнѣетъ свѣтлая и веселая картина, по мѣрѣ приближающейся грозы: передъ вами оживляется сельское явленіе, не уступающее въ живости и разнообразіи ни кисти художника, ни творенію самой природы.

Томсонъ и Делиль не лучшими стихами живописали природу, и предали свои поэмы безсмертію. Но почти жалѣть должно о роскошествѣ поэта, истощившаго все богатство поэзіи для выраженія истины обыкновенной, хотя и облеченной въ хорошіе стихи:

Ахъ! всякъ своей бѣдой ума себѣ прикупитъ,
Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ.

Конечно, можно выисканными примѣненіями вывести изъ нравоученія сей басни послѣдствіе обширнѣйшее, но подробности поэзіи, столь увлекательной, не дозволяютъ вниманію оставить ихъ для исканія истины удаленной, и между тѣмъ, какъ услаждаютъ онѣ воображеніе, не удовлетворяютъ достаточно потребностямъ ума, который ищетъ пищи существенной и подъ цвѣтами удовольствія. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, съ какимъ искусствомъ разнообразитъ нашъ поэтъ описаніе грозы, которое встрѣчается у него въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ. Въ Мыши, удалившейся отъ свѣта — разсказъ мастерской: какъ шутки повѣствователя важны, и какъ забавна его важность! Не наблюдайте искуснаго равновѣсія, и тотчасъ забавность сбивается на шутовство, а важность переходитъ въ принужденность и безобразное напряженіе. Какая историческая точность и ясность въ отправленіи посольства, въ рѣчи, произнесенной имъ передъ затворницею!— Лафонтена сравнивали съ Мольеромъ, но не по комедіямъ, а по баснямъ. Въ нашемъ поэтѣ проскакиваютъ несомнительные признаки комическаго дарованія. Соглашаясь съ Шанфоромъ, который говоритъ, что баснописецъ, перенося въ свои басни изображеніе нравовъ, присвоиваетъ апологу одну изъ прекраснѣйшихъ принадлежностей комедіи: характеры; прибавимъ, что разговорный языкъ поэта нашего, встрѣчающійся въ басняхъ и сказкахъ его, удостовѣряетъ насъ, что онъ, вѣрный въ изображеніи лицъ, умѣлъ бы сохранить ту вѣрность и въ языкѣ, коимъ онъ заставилъ бы говорить ихъ на сценѣ. Стихотворный комическій языкъ у насъ еще не существуетъ, не смотря на нѣкоторые опыты,

довольно удачные; женщинъ заставляютъ говорить на сценѣ книжнымъ языкомъ,—но свѣтскія женщины не хотятъ учиться языку, покоренному правиламъ: вездѣ своенравныя, онѣ сами творятъ свои правила, и самихъ законодателей языка научаютъ имъ повиноваться. Какъ намъ позволительно жаловаться на иныхъ, что они завладѣли комическою сценою, такъ нашему поэту можемъ пенять, что уполномоченный комическою Музою, не хотѣлъ онъ огласить своихъ законныхъ правъ на сцену, хотя однимъ опытомъ, хотя для того, чтобы вывести на нее Трисотина и Вадіуса, которыхъ такъ забавно заставляетъ онъ говорить по русски.

Въ баснѣ: Два голубя, онъ даетъ намъ лучшіе образцы стиховъ элегіи, а въ Донъ-Кишотѣ лучшій образецъ стиховъ пастушескихъ. Человѣкъ и Конь не изобилуетъ, какъ другія басни, роскошью поэтическою, но стихами полными, живыми и нравоученіемъ глубокомысленнымъ входитъ въ число лучшихъ философическихъ басенъ, то есть въ лучшее отдѣленіе басенъ. Въ Воспитаніи Льва, едва ли не превосходнѣйшей баснѣ разсудительнаго Флоріана, переводчикъ достигнулъ совершенства повѣствованія строгаго, отвѣчающаго важной нравственности содержанія. Какъ забавно мимоходомъ придаетъ онъ торжественнымъ одамъ мохнатыхъ пѣвцовъ казенныя выраженія лириковъ, осмѣянныхъ въ Чужомъ толкѣ! Какая вѣрность въ языкѣ звѣрей, призванныхъ Львомъ на совѣтъ, изъ коихъ каждый намеками выдаетъ прямо себя за лучшаго наставника новорожденному львенку!

Совѣты и вездѣ почти на эту стать,

прибавляетъ опытный наблюдатель, съ простосердечнымъ лукавствомъ. Сначала до конца, слогъ въ сей баснѣ твердъ, исправенъ; стихи всѣ до одного выбиты мастерски. Въ нынѣшнемъ изданіи поэтъ присоединилъ ее къ сказкамъ, но мы сомнѣваемся въ справедливости такого раздѣленія. Всякое повѣствованіе, въ коемъ дѣйствуютъ животныя или предметы вещественные, свойственнѣе причислить къ баснямъ, не смотря на слогъ и драматическій ходъ повѣство-

ванія; краткое повѣствованіе, въ коемъ дѣйствуютъ одни люди или существа возвышеннѣйшія, принадлежитъ къ сказкамъ.

Котъ, Ласточка и Кроликъ почитается одною изъ лучшихъ басенъ Лафонтена. Прочтите басню въ переводѣ, и подивитесь творческому искусству переводчика; говоримъ: творческому, ибо достоинство изобрѣтенія состоитъ здѣсь не въ вымыслѣ содержанія, но въ употребленіи языка и красокъ; кажется, несовмѣстныхъ съ поэзіею. Какъ естественъ Крысодавъ, какъ хорошъ этотъ постный, но между тѣмъ жирный котъ, или вѣроятно, оттого и жирный, что онъ постный: мужъ святъ изъ всѣхъ котовъ!—Въ басняхъ любятъ иногда присвоивать собственныя имена людей звѣрямъ, выводимымъ на сцену; это гораздо легче, нежели присвоивать имъ кстати страсти и слабости людскія. Нашъ баснописецъ только здѣсь слѣдовалъ сему обыкновенію, и единственно для того, что Кролику нужно было на доводахъ родословія утвердить право собственности.

Басни: Орелъ и Каплунъ, и Магнитъ и Желѣзо суть счастливыя подражанія баснямъ Арно, одного изъ лучшихъ современныхъ намъ поэтовъ французскихъ. Въ пятомъ изданіи своихъ стихотвореній нашъ поэтъ воспользовался примѣчаніемъ г. Измайлова (А. Е.) на окончательные стихи первой изъ помянутыхъ басенъ. Такъ истинное дарованіе сознается въ своихъ ошибкахъ и дорожитъ совѣтами добросовѣстной и благоразумной критики; но съ другой стороны, презираетъ прицѣпки вздорливаго недоброжелательства и приговоры взыскательнаго невѣжества.

Если достоинство стиховъ приноситъ честь искусству поэта, то выборъ содержанія басенъ не менѣе приноситъ чести образу его мыслей и чувствованій. Всѣ басни нашего переводчика имѣютъ цѣль болѣе или менѣе философическую; и басня, которая должна быть прозрачнымъ покровомъ истины, никогда не служитъ у него нарядомъ лести, или прикрасою какого-нибудь мнѣнія въ чести. Къ сожалѣнію,

признаться должно, что у Лафонтена цвѣты прекраснѣйшей поэзіи темнѣли иногда отъ куреній лести; но онъ остался другомъ гонимаго Фуке, ходатайствовалъ за него въ стихахъ прекрасныхъ предъ трономъ, и поэты не краснѣютъ за собрата, обольщеннаго приманками власти, но не развращеннаго ими. Должно при семъ вспомнить, что Лафонтенъ жилъ въ такое время, когда обычаемъ, освященнымъ давностію, писатель не могъ обойтись безъ покровителя, а покровитель безъ раболѣпной приверженности, въ царствованіе счастливаго властителя, который приковалъ къ колесницѣ своей дарованія и славу великихъ мужей вѣка, пріявшаго отъ него свое имя, но отъ нихъ свой лучшій блескъ и прочнѣйшую славу. Лудовикъ XIV обольщалъ и унижалъ писателей, осаждавшихъ его дворъ. И какъ дорого платили они за почести, которыя могутъ возвысить людей ничтожныхъ, но ничтожны для людей возвышенныхъ незаемныхъ достоинствомъ. Великій Расинъ, коего геній обширный умѣлъ возноситься до великихъ событій исторіи, но душа слабая не умѣла быть выше дневныхъ обстоятельствъ и мелкихъ неудачъ, умеръ жертвою царской немилости. Лафонтенъ, долго по недоброжелательству вельможъ, не былъ допускаемъ до почести академической, которая во дни золотаго вѣка была послѣднею мѣтою невиннаго честолюбія величайшихъ умовъ. По смерти пріятельницы своей, едва не отплылъ онъ въ Англію—искать себѣ пристанища и покровителей. Пусть такіе разительные примѣры и многіе другіе, если голосъ внутренняго убѣжденія недостаточенъ, научаютъ писателей дорожить независимостію и служить одной истинѣ, а не лицамъ, какъ они ни щедры на обольщенія, и какъ она ни скупа и ни медленна въ наградахъ.

Изданіе басенъ поэта нашего, сличенное съ русскими его предмѣстниками и послѣдователями, обогатило бы словесность нашу книгою, которой ей не достаетъ: впрочемъ, мы богаты недостатками. Но хорошихъ басенъ у насъ довольно для того, чтобы родить желаніе любоваться своими богатствами

и съ разборчивостію заняться ихъ оцѣнкою. По счастію, совершенство нашего баснописца не испугало, а подстрекнуло къ соревнованію многихъ истинныхъ поэтовъ; прибавимъ: къ сожалѣнію—многихъ и подложныхъ; но они неизбѣжные гаеры, слѣдующіе по пятамъ за каждымъ образцовымъ дарованіемъ. Въ числѣ первыхъ сыскался одинъ, который не только послѣдовать, но, такъ сказать, бороться дерзнулъ съ нашимъ поэтомъ, перерабатывая басни, уже имъ переведенныя, и басни превосходныя, и мы благодарны ему за его смѣлость. Привлекая насъ къ себѣ, онъ не отучаетъ отъ своего предшественника; и мы видимъ, что къ общей выгодѣ дорога успѣховъ, открытая дарованію, не такъ тѣсна, какъ та дорога, на коей, по замѣчанію остроумнаго Фонвизина, „двое, встрѣтясь, разойтись не могутъ, и одинъ другого сваливаетъ". Но г. Крыловъ, съ искренностію и праводушіемъ возвышеннаго дарованія, безъ сомнѣнія, сознается, что если не взялъ онъ предмѣстника за образецъ себѣ, то по крайней мѣрѣ имѣлъ въ немъ примѣръ поучительный и путеводителя, угладившаго ему стезю къ успѣхамъ. Если и не ступать по слѣдамъ пробитымъ, то все легче итти по дорогѣ, на коей уже значатся слѣды. Г. Крыловъ нашелъ языкъ выработанный, многія формы его готовыя, стихосложеніе—хотя и нынѣ у насъ еще довольно упорное, но уже сколько-нибудь смягченное опытами силы и мастерства. Между тѣмъ забывать не должно, что онъ часто творецъ содержанія прекраснѣйшихъ изъ своихъ басенъ; и что если сіе достоинство не такъ велико въ отношеніи къ предмѣстнику его, который былъ изобрѣтателемъ своего слога, то оно велико въ сравненіи съ тѣми, которые не изобрѣли ни слога, ни содержанія своихъ басенъ, какъ говоритъ Арно, сравнивая съ Лафонтеномъ себя и другихъ французскихъ баснописцевъ въ предисловіи къ своимъ замысловатымъ и эпиграмматическимъ баснямъ.

Здѣсь видѣли мы поэта счастливымъ побѣдителемъ предшественниковъ и образцемъ, открывшимъ дорогу послѣдователямъ и соперникамъ. Въ сказкахъ найдемъ его одного: ни

за нимъ, ни до него, никто у насъ не является на этой дорогѣ, проложенной новѣйшими писателями; они одни могутъ въ обществѣ, устроенномъ по новымъ условіямъ образованности, ловить черты и краски дѣйствія ограниченнаго, но богатаго оттѣнками, которое обыкновенно служитъ основой сказки. Нашъ отличный сказочникъ соединяетъ въ себѣ все, что составляетъ и существенное достоинство, и роскошество таланта въ сказочникахъ, которые и у всѣхъ народовъ насчету. Нигдѣ не оказалъ онъ болѣе ума, замысловатости, вкуса, остроумія, болѣе стихотворческаго искусства, какъ въ своихъ сказкахъ; оставь онъ намъ только ихъ, и тогда занялъ бы почетное мѣсто въ числѣ избранныхъ нашихъ поэтовъ, и тогда могли бы мы передъ иностранцами похвалиться быстрыми успѣхами въ поэзіи ума и философіи, которая всегда является долго послѣ поэзіи природной, живописной и чувственной, царствующей иногда съ блескомъ и у народовъ дикихъ. Мы сказали, что поэтъ не имѣетъ въ этомъ родѣ предшественниковъ; ибо некстати говорить здѣсь о сказкахъ, которыя читаются, хотя и не печатаются, а еще менѣе о тѣхъ, которыя хотя и напечатаны, но не читаются. У него почти совсѣмъ нѣтъ и послѣдователей, и рѣшительно ни одного соперника. Сумароковъ (Панкратій) писалъ сказки; но онѣ, въ сравненіи съ сказками нашего поэта, то, что святочныя игрища въ сравненіи съ истинною комедіею. Въ его сказкахъ встрѣчаются забавныя положенія, стихи удачные и смѣшные; но при самомъ смѣхѣ грустно смотрѣть на дарованіе, которое, не довольствуясь улыбкою зрителей образованныхъ, дурачится и ломается, чтобы возбудить громкій хохотъ райка. Райкомъ не должно пренебрегать ни въ какомъ отношеніи; но не его вкусу потребно угождать въ твореніяхъ искусства, и лучше стараться его образовать подъ ладъ изящнаго просвѣщенія, чѣмъ развращать вкусъ образованный—потворствомъ и угожденіями невѣжеству. Карамзинъ выдалъ начало прекрасной богатырской сказки, которая болѣе принадлежитъ къ числу народныхъ поэмъ и совер-

шенно отдѣляется отъ рода сказокъ философческихъ и нравственныхъ, о коихъ идетъ здѣсь рѣчь. Батюшковъ написалъ сказку, отличающуюся поэтическими подробностями. Въ сказкѣ: Оселъ Кабудъ, усѣянной забавными чертами, Пушкинъ (В. Л.) оказалъ много искусства въ повѣствованiи; но онѣ обѣ перенесены на сцену намъ чуждую, гдѣ предстояло дарованiю болѣе свободы въ дѣйствiи, и слѣдовательно менѣе славы въ успѣхѣ. Нашъ сказочникъ не оставляетъ насъ: онъ замѣчаетъ то, что каждый изъ насъ могъ замѣтить; умѣя наблюдать, разсказываетъ то, что всякiй могъ разсказать, имѣя даръ повѣствованiя. Причудница нашего стихотворца едва ли не драгоцѣннѣйшiй жемчугъ его поэтическаго вѣнца; Вѣтрана хотя и перенесена въ годы, современные старой Руси; но, по нраву своему, пресыщенiю и скукѣ отъ счастiя (которую излѣчить труднѣе, нежели скуку отъ несчастiя, тому, у кого нѣтъ, какъ у Вѣтраны, доброй Всевѣды, бабушки, умѣющей ворожить), принадлежитъ также и нашему вѣку и всѣмъ вѣкамъ, въ коихъ люди будутъ неблагоразумны въ своихъ желанiяхъ и вѣтренны и непризнательны къ Провидѣнiю. Разбирать ли поэтическiя красоты, черты веселости, остроумiя, тонкой насмѣшки, плѣнительной замысловатости, коими изобилуютъ сiи сказки? Должно будетъ повторить въ длинныхъ выпискахъ стихи, читанные, перечитанные и уважаемые свѣдущими любителями русской поэзiи; но если найдутся въ Россiи изъ образованныхъ читателей такiе, которые еще не успѣли узнать ихъ за недосугомъ, то чѣмъ же лучше услужить имъ, какъ не совѣтомъ прочесть ихъ въ первый часъ свободный?

СОДЕРЖАНІЕ.

V. АПОЛОГИ.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

[redacted]

